

Министерство науки - Академия наук
Республики Казахстан
Институт востоковедения
Центр уйгуроведения

В.У. Махпиров

ИМЕНА ДАЛЕКИХ ПРЕДКОВ

Источники формирования и особенности функционирования
древнетюркской ономастики

Алматы 1997

Махпиров В. У

М 36. " Имена далеких предков (источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики)". - Алматы: Институт востоковедения МН-АН РК, 1997. - 302 с.

ISBN 9965-01-085-4

Монография посвящена одной из малоизученных проблем формирования и функционирования имен собственных в древнетюркскую эпоху. На основе обширного материала из памятников древнетюркской письменности, написанных руническим древнеуйгурским и арабским письмом анализируются антропонимы, этнонимы и топонимы древних тюрков.

Книга предназначена для историков, лингвистов, этнографов, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории тюркских народов.

Ответственный редактор: академик Абдуали Кайдар.

Рецензенты: кандидат филологических наук Ш. Баратов, кандидат исторических наук А. Анваров.

Рекомендовано к печати Ученым советом Института востоковедения
Министерства науки - Академии наук Республики Казахстан

М0503000000-01

00(05)97

ББК 63.2.

ISBN 9965-01-085- 4

Махпиров В.У., 1997

Для отзывов и замечаний: velinur@mail.ru

Предисловие

"Человек который не знает своего имени, имени своего отца, своей матери, имени народа своего - манкурт -раб, не помнящий своего прошлого

Манкуртами не рождаются - ими становятся. Ими становятся тогда, когда затмевается историческая память, когда отрывается человек от исторических корней своих, от культуры своего народа, когда забывает свой родной язык.

И чтобы было как можно меньше манкуртов (к сожалению, невозможно, чтобы их не было совсем), летает по ночной степи айтматовская птица Доненбай, и встретив человека, летит поблизости с криком: "Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твое имя? Как зовут отца твоего? Из какого ты рода? Кто ты?"

Историческая память народа включает в себя много важнейших категорий. Это - прежде всего мифы, эпос, предания, это - традиции и обряды, музыка и танец, и это -имена.

Имена собственные - это особая категория культуры, особая категория исторической памяти. Имена собственные -универсальны для всего человечества по своим функциям, структуре, основным параметрам, основным мотивировкам и принципам образования.

Все эти мотивировки - идентичны для разных периодов истории, с глубокой древности и до сегодняшнего дня, причем не только в рамках одной этнической общности, одной преемственной культурно-исторической традиции, но, видимо, и для общечеловеческой культуры в целом.

Однако будучи единой и идентичной по принципам мотивации имен собственных в общечеловеческой культуре, ономастическая система каждой конкретной культурно-исторической общности обладает специфическими особенностями, основанными на лингвистической, мифологической, даже генетической - преемственности этнокультурных традиций, и в том числе ономастических традиций и ономастической номенклатуры.

Удивительно—но факт, что уже более полутора тысяч лет, а может и гораздо дольше живут и активны в сегодняшней жизни этнические названия тюрк, огуз, кыпчак, кыргыз, туркмен, уйгур и

другие. Пусть эти названия сегодня обозначают не совсем то, что они обозначали две тысячи лет тому назад, но их сегодняшние функциональные параметры - абсолютно идентичны древним, форма и содержание этнонимов -практически не изменились.

И сегодня мы купаемся в водах легендарного Иссык-Куля, на берегах которого древние тюрки ставили свои летние шатры. И сегодня мы восхищаемся красотами Самарканда и Бухары, радуемся расцвету Ташкента и Тараза, любимся древними кяризами Турфана, мечетями Кашгара, древностями Хотана. А ведь именам, которыми названы эти места - не одна тысяча лет, многие из них даны еще до нашей эры, народами, которых уже нет, на языках, которые уже вымерли. Но уже более тысячи лет эти названия относятся к миру тюркской культуры и являются достоянием исторической памяти тюрков.

И сегодня мы общаемся с людьми, именам которых не менее полутора тысяч лет. Наши друзья Кутлук, Бурхан, Темир, Еркин, Туглук, Арслан, Кадыр, Булат носят такие же имена, которые давались славным бекам, шадам, тегинам, каганам тюрков более тысячи лет назад.

Не изменились также и принципы образования собственных имени основные способы номинации. Давая ребенку имя сегодня, мы руководствуемся теми же критериями и мотивацией, которые использовались при назывании ребёнка в глубокой древности: это пожелание ребенку быть счастливым, удачливым, сильным и смелым, красивым и нежным, иногда это описание условий, или обстоятельств рождения ребенка, или же это имя - оберег, т.е. имя с негативными значениями, даваемое ребенку, чтобы отпугнуть злые силы.

Мы должны знать, какими именами называли своих детей наши далекие предки, какие имена они давали своим бурным рекам, могучим вершинам, новым городам и аулам, какими именами они обозначали свои родовые подразделения, племена, союзы племен и соплеменности. Мы должны знать, почему одни имена сохраняются в веках и активно употребляются и сегодня, а другие - отмирают и остаются лишь зафиксированными в памятниках седой древности.

Для того, чтобы узнать это, для того, чтобы глубже и полнее познать закономерности и особенности современных систем имен собственных, необходимо изучать ономастическую систему в диахронном плане, в историческом аспекте.

В предлагаемой Вашему вниманию книге рассмотрены некоторые аспекты формирования и функционирования древнетюркской ономастической системы - важной отрасли исторической ономастики.

Абдуали Кайдар,

академик Национальной академии наук Республики Казахстан

ВВЕДЕНИЕ

Ономастическая система любой этнокультурной общности не может быть определена как изначально данная, неизменная и замкнутая сущность. Под влиянием различных, и прежде всего экстралингвистических факторов ономастическое пространство, т.е. мир окружающих человека собственных имен, претерпевает различные, порою очень существенные изменения, приводящие зачастую к значительной или полной смене ономастического материала, формирующего данную систему в данный период.

Под древнетюркской ономастикой понимается совокупность имен собственных, представленных в письменных памятниках до XIII века. Хронологические рамки источников, относящихся к древнетюркской эпохе определены в "Древнетюркском словаре" и ограничены рубежом VII - XIII вв.

"Нижняя граница определяется на основании приблизительной датировки древнейших рунических и манихейских памятников эпохи первых тюркских каганатов" [ДТС, VI].

Как указывает А. Н. Кононов *terminus a quo* ТРП определяется Чойренской надписью, относящейся к 688-691 гг. [Кононов 1980, 4]. Однако в историко-хронологическом отношении нижнюю границу древнетюркской эпохи целесообразнее отодвинуть к середине VI в., к периоду образования Первого тюркского каганата под предводительством Бумын-кагана, который знаменовал собой начало возникновения и бытования на очень широких территориях и у разных этнических образований тюркской языковой семьи общих черт, проявляющихся наглядно в материальной культуре, политической организации общества, мировоззрении, общественных и социальных институтах, духовной культуре [Грач 1966, 189].

Верхнюю границу древнетюркской эпохи А.Грач замыкает рамками первой четверти X в., т.е. эпохой существования не только могущественных каганатов тугю, но и государств уйгуров и енисейских кыргызов, отметив все же близость последующих XI-XII вв., предшествовавших монгольскому периоду в истории тюркских народов [Грач 1966, 189]. По мнению авторов ДТС памятники УП-XIII вв. оказываются обособленными, а период до XIII в. (до монгольского нашествия) в известной мере автономным в истории тюркских языков [ДТС, У1]. О.Прицак под древнетюркским понимает язык памятников Центральной и Средней Азии, написанных разными системами письма, и ограничивает их серединой XI в., приняв за верхний предел этой эпохи период принятия мусульманства [Pritsak 1963, 27].

Н.А.Баскаков ограничивает рамки древнетюркской эпохи У-X вв., разделив ее на три периода: тукуюский (У-УШ), древнеуйгурский (УШ-IX) и древнекыргызский (УШ-IX), а период X-XV вв. обозначает как среднетюркскую эпоху, или эпоху развития и формирования языков основных тюркских племен, которую также делит на два периода: караханидский (X-XII) и монгольский (XIII-XV) [Баскаков 1964].

Таким образом, верхней границей существования древнетюркской ономастической системы можно определить эпоху до XIII в., до монгольского нашествия, поскольку в результате монгольского нашествия произошли значительные миграции тюркских народов, повлекшие за собой резкое изменение языковых и диалектных границ, вызвавших смешение языковых особенностей [ДТС, VI].

Что же касается тюркской ономастической системы, то она к указанному периоду уже окончательно сформировалась в том виде, в каком за небольшими отклонениями, вызванными позднейшими этнокультурными процессами, продолжает функционировать и в настоящее время.

Еще одним основанием для ограничения верхних рамок исследования указанным периодом послужило то, что к нему относятся и наиболее ценные и содержательные сведения по тюркской ономастике, зафиксированные в "Дивану лугат-ит-тюрк" Махмуда Кашгари, "Кутадгу билик" Юсуфа Хас Хаджиба и уйгурских юридических документах из Турфана. Все многообразие древнетюркской ономастики нашло отражение в многочисленных памятниках, как собственно тюркских, так и относящихся

к другим народам (китайских, арабских, персидских, древнерусских, античных и др. источниках).

Наиболее древние, хронологически последовательно изложенные материалы по древнетюркской ономастике можно почерпнуть из китайских источников. Эти источники неоднократно издавались в мировой науке [наиболее полный обзор и характеристику изданий китайских источников см.: Малявкин 1974, 1979, 1983].

Начало всестороннему исследованию и изданию китайских источников в русской исторической науке было положено Н.Я.Бичуриным, фундаментальный труд которого и по сей день не утратил своего значения [Бичурин 1950]. Критическое и сопоставительное издание китайских источников, имеющих отношение к истории уйгуров и других тюркских племен осуществил Р.Гамильтон, который собрал и опубликовал материалы китайских династийных хроник об уйгурах периода "Пяти династий". Для комментариев он использовал, кроме многочисленных китайских источников, также обширную исследовательскую литературу по данной проблеме [Hamilton 1955].

Материалы китайских хроник, касающиеся Уйгурского каганата (744-840 гг.) нашли полное отражение в исследовании К.Маккераса "Уйгурская империя по Танским династийным хроникам", выдержавшем два издания. Причем, во втором издании автор приводит пространное введение с историческим очерком, а также обширный комментарий [Mackerras 1972]. Плодотворно работает над изданием и изучением китайских источников по истории тюрков российский историк А.Г.Малявкин, опубликовавший целый ряд китайских хроник и других источников [Малявкин 1979, 1981, 1989], а также на основе данных китайских и других источников воссоздавший историю уйгурских государств 9-12 веков [Малявкин 1983].

Естественно, что все многообразие изданий китайских источников нельзя ограничивать лишь указанными трудами. Но данные исследования представляют несомненный интерес при изучении древнетюркской ономастики, так как в них получили более осмысленный, источниковедчески выверенный характер попытки восстановления исконной формы огромного количества тюркских имен собственных, по сравнению, например, с попытками прежних авторов [Parker 1865, Радлов 1891].

Восстановление первоначального звучания тюркских антропонимов, этнонимов, топонимов, тюркской титулатуры и прочих терминов, зафиксированных в китайских источниках, представляет чрезвычайную трудность в виду того, что они изменены до неузнаваемости в китайской передаче, несмотря даже на тот факт, что китайские авторы при передаче тюркских названий "родов, орд и костей были особенно осторожны в подражании к тона-ции, даже нужно сказать больше - были пунктуальными в передаче числа слогов каждого отдельного имени или термина"[Клюкин 1932, 92].

Китайские источники очень часто имеют описки, различное написание одних и тех же собственных имен, заимствованных терминов и других заимствованных слов, причем, разночтения встречаются не только в разных источниках, но и в одном и том же источнике, что объясняется наличием большого количества авторов китайских хроник, а также компилятивным их характером [Малявкин 1989, 3].

Кроме того, существенным недостатком документов, написанных с помощью китайской иероглифики, является нивелировка различных имен собственных, принадлежащих различным народам по китайскому образцу, что иногда делалось сознательно, а чаще собственные имена китаизировались в соответствии с нормами китайского языка. "Поэтому нахождение подлинных национальных названий или восстановление подлинных звучаний имен собственных на основании их китайской транскрипции не только представляет большой научный интерес, но будет иметь и практическое значение" [Малявкин 1983, 112].

Тюркский ономастикон в китайских источниках представлен главным образом данными по этнонимии, антропонимии, отчасти топонимии. Большой интерес представляют данные китайских источников о родоплеменном составе союза телесских племен, уйгуров, тюрков и других племенных союзов и объединений. Отметим, что древнейшие генеалогические предания тюрков (тюцзуе), уйгуров и части других племен дошли до нас лишь благодаря китайским источникам [см.: Радлов 1893, Кляшторный 1964, Зуев 1967, Шю Зунжен 1986 и др.]. На основе китайских источников были сделаны попытки восстановления имени титулов уйгурских правителей древности [Радлов 1891, Малявкин 1894, Ecsedy 1965, Ramstedt 1951 и др.].

Очень много данных по топонимии мест проживания древних тюркоязычных племен зафиксировано, правда в очень затемненном виде в тех же китайских источниках [Малявкин 1981, Кляшторный 1951, Шинжаннин кискичэ тарихи и др.].

Все многообразие данных китайских источников по древней истории тюрков, в частности по древнетюркской ономастике ждет еще своих пытливых исследователей. На сегодняшний день разыскания в области древнетюркской ономастики по китайским источникам ограничиваются, главным образом, материалами по этнонимии и связаны с проблемами функционирования древнетюркских этнонимов в китайских источниках (как под тюркскими, так и под китайскими названиями).

Классические образцы подобных исследований представлены трудами ученых, проследивших типы наименований племен в китайских источниках [Позднеев 1899, Радлов 1893, Pulleblenk 1965, Казембек 1812, Банзаров 1849, Кляшторный 1964, 1967, Зуев 1962 и др.]. В китайских источниках нашли основное отражение типы древнетюркских имен собственных, и потому эти источники нуждаются в фронтальном ономастическом анализе. Причем, для этого важны не только усилия синологов, но и конечно тюркологов, хорошо разбирающихся во всех тонкостях истории тюрков, их политической, этнокультурной, этнолингвистической истории.

Следующий круг источников, в которых богато представлены материалы по древнетюркской ономастике - арабские и персидские памятники. Арабские и персидские источники, объединенные единой источниковедческой традицией и письменной культурой, дают исследователям значительный по важности материал по истории тюрков охватывающий несколько веков с VIII в. до позднего средневековья [Кумеков 1987,3].

Исследования арабских и персидских источников имеют давнюю традицию. Важный вклад в их изучение внесли классики востоковедения И.Маркварт, В.Минорский, В.Бартольд, В.Радлов, Н.Крачковский и другие. С введением в научный оборот произведений арабских и персидских историографов и географов получили развитие многие вопросы политической, культурной, социально-экономической жизни тюрков древности и средневековья, в том числе важнейшие проблемы по ономастике тюрков.

В последние годы заново издан целый ряд этих источников, в том числе сочинения Ибн Хордабеха, ал-Якути, ат-Татари, ибн-Хаукаля, ал-Идриси, ал-Масуди и др.[см.: Ибн-Хордабех 1986, Материалы по истории киргизов и Киргизии 1975, О.Караев 1968, 1983; Материалы по истории Казахских ханств 1969, Кумекон 1981, Материалы по истории Средней и Центральной Азии 1988] .

В ономастическом плане арабские и персидские источники еще не получили достаточного освещения, хотя данные этих источников в определенной мере используются учеными, исследующими тюркскую ономастику в самом широком аспекте [Джанузаков 1976, 1979; Мурзаев 1974, 1979; Абдрахманов 1969, 1975, Исаев 1972, Конкобаев 1979, Караев С. 1972, 1978, Хасанов 1967, 1965, Хромова 1980 и др.].

Наиболее полно данные арабских и персидских источников исследованы в области тюркской антропониимии [Джанузаков1976, 1968, 1983; Бегматов 1965, Гафуров 1988, Саттаров 1969, 1978 и др.].Монографическое описание тюркских антропонимов арабских источников древности провел Ч.Гусейнзаде [1987,1988 .

Исследования по тюркской этнонимии, особенно в ее исторической части, как правило, не обходятся без ссылок и подробного анализа данных арабских и персидских памятников, в плане особенностей фиксации, этимологии, функционирования этнонимов и проч. [см, например: Радлов 1899, Аристов 1896, многочисленные труды В.Бартольда, Березин 1858, Баскаков ,1977; Кононов 1979].

В целом же в области исследования собственных имен в ди-ахроническом плане привлечение указанных источников носило эпизодический характер и не является полным и фронтальным, хотя данные арабских и персидских авторов древности и средневековья заключают в себе ценнейшие материалы по древнетюркской ономастике и могут во многом способствовать воссозданию древнетюркской ономастической системы. Значительный материал по ономастике древних тюрков представлен в памятниках славянской древности, что является ярким свидетельством давних, тесных и длительных контактов тюрков и славян. Особенно значительными были эти взаимосвязи и взаимодействия в период образования Киевской Руси и ее исторических связей с союзами тюркских племен, обитавшими в тот период в Восточной Европе и имевших в те времена на этой территории ряд государственных образований.

"Древнерусские памятники письменности - главным образом летописные и в меньшей мере художественные произведения -сохранили этнонимы, антропонимы и топонимы древних тюрок Восточной Европы, изучение которых представляет большой интерес для филологов, историков, этнографов" [Баскаков 1985, 5]. Этот уникальный материал по ономастике тюрок, представленный в древнерусских источниках, получил определенное освещение в трудах исследователей. Так, в трудах Н.А.Баскакова получили детальный анализ половецкие антропонимы и этнонимы [Баскаков 1984], была дана типологическая характеристика моделей антропонимов и этнонимов древних тюрок Восточной Европы [1985-в], в различных аспектах исследованы тюркские мифологические и эпические имена собственные [1973] и др. Весь этот обширный материал был обобщен ученым в монографическом исследовании "Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве"[1985- г], книге "Русские фамилии тюркского происхождения"[1979], и в целом ряде статей.

И.В. Добродомов, последовательно и плодотворно исследующий тюркскую лексику в древнерусском языке, уделяет самое серьезное внимание вопросам тюркской ономастики в древнерусских источниках. Им проанализированы в функциональном и этимологическом плане ряд половецких антропонимов [1964], болгаризмы в древнерусской этнонимии [1970], вопросы тюркской топонимии в древнерусских источниках [1972, 1984 и др.], половецкие этнонимы [1975].

В пространном комментарии к русскому изданию книги К.Менгеса "Восточные элементы в "Слове о полку Игореве" ученый сделал много ценных замечаний, значительная часть которых напрямую относится к проблемам тюркской ономастики [Добродомов 1975].

Детальный сопоставительный анализ титулатуры и именника дунайских и волжских болгар в сравнении с гуннскими рассмотрены в статье И.Бенцинга [1986],отдельные статьи, посвященные титулам и именам древних тюрок Европы опубликовали многие европейские ученые [Nemeth 1932, Menges 1951 , Marquart 1910, Zajanczkowsky, 1949 и др.].

Свое видение и понимание текста , художественных образов , героев и автора " Слова о полку Игореве" представил Олжас Сулейменов в нашумевшей " АЗ и Я" .

В книге имеется целый ряд оригинальных и своеобразных трактовок тюркских имен собственных (особенно этнонимов), представленных в восточнославянских источниках [Сулейменов, 1974, 1989].

Исследования ученых по древнетюркской ономастике, представленной в восточнославянских источниках, представляют собой не только фактологическое описание, но и теоретическое осмысление материала, на основе которого исследователями предложены свои варианты системного описания древнетюркских имен собственных, восстановление их структурных моделей и типологических характеристик [Nemeth 1933, Баскаков 1985-г].

Менее обширен, но не менее значим материал по древнетюркской ономастике, отраженный в согдийских источниках. Тюрко-согдийские этнокультурные связи носили настолько тесный и интенсивный характер, что они определены исследователями как культурный симбиоз [Кляшторный 1987,170]. Эти контакты,представляющие собой одну из наиболее ярких страниц в истории мировой культуры, нашли отражение во многих источниках.

О роли согдийцев в истории тюрков древности говорят многие факты, приведенные в согдийских, древнетюркских, древнеуйгурских и китайских источниках. Так, распространение манихейства, создание рунической и древнеуйгурской письменности, многие факты культурной , политической жизни тюрков древности связываются с согдийцами. Согдийцы еще с начала нашей эры установили в Центральной Азии своеобразную монополию на торговлю между Востоком и Западом. Их влияние и позиции были особенно прочными в период существования Тюркского каганата, благодаря этому влиянию они оказывали существенное воздействие на внешнюю и внутреннюю политику каганата [Кляшторный 1961], более того, есть "все основания полагать, что согдийский язык и согдийская письменность были официально приняты в каганской канцелярии в период, предшествовавший возникновению Второго тюркского каганата [Кляшторный-Лившиц 1978, 53], и именно этим можно объяснить не только сложение рунического письма на основе согдийского, но и тот факт, что тюркская литературная и историческая традиция, зафиксированная в

памятниках рунического письма УШ в. предстает перед нами уже весьма совершенной по стилю.

Благодаря согдийской Бугутской надписи, составленной согдийцем в тюркской среде, мы имеем наиболее точную передачу имен каганов Первого тюркского каганата Бумына, Мукана, Таспара и Нивара [Кляшторный-Лившиц 1978]. Согдийские источники, донесшие до нас значительный материал по ономастике, в том числе и по тюркским именам собственным, не привлекли должного внимания тюркологов [см.: Согдийские документы с горы Муг 1960, 1962; Рагоза 1963, Benveniste 1938, 1951].

Из специальных исследований посвященных древнетюркской топонимии в согдийских источниках можно назвать лишь статью С.Караева [1980], в которой подвергнуты анализу тюркские топонимы в согдийских источниках. В целом же, согдийские нарративные источники использовались в качестве сопоставительного материала тюркологами, исследующими тюркскую ономастику современности [Мурзаев 1974, Кляшторный 1964, С.Караев 1969, 1987, 1988; Джанузаков 1976, 1983; Конкобаев 1980, Исаев 1977].

Значительно больше и плодотворнее в ономастическом плане исследуются эти источники, естественно, иранистами. Многие документы, как указывает О.Смирнова, явились тем источником, на основе которого удалось восстановить основную топонимию верховий Зерафшана [Смирнова 1950, 70]. См. также: [Смирнова 1950, 1970; Хромов 1965, 1975, 1980 и др.].

Таковы основные иноязычные нарративные источники, имеющие отношение к проблемам древнетюркской ономастики и наиболее общий обзор исследований, в которых нашли отражение в той или иной мере, вопросы формирования и функционирования древнетюркских имен собственных.

Базовым материалом для настоящего исследования послужили данные собственно тюркских источников, памятников древнетюркского рунического, древнеуйгурского и арабского письма.

Материалы же памятников других языков использовались в сравнительном плане. Характер и специфика древнетюркских (в широком смысле этого слова) источников, написанных различными видами письма, будь то эпитафии, надписи, юридические документы, религиозные оригинальные или переводные сочинения, лингвистические ("Диван"Махмуда Кашгари) и философско-дидактические произведения ("Кутадгу билик") и т.д., была такова, что в них всегда, в той или иной мере, находила отражение ономастическая система того периода, выраженная различными титулами, личными именами, этнонимами, топонимами, названиями небесных светил и звезд и т.п. Поэтому любое историко-лингвистическое исследование не могло оставить без внимания ономастического материала, а зачастую начиналось именно с него.

Более того, как известно при расшифровке тюркского рунического письма В.Томсен взял за основу расшифровку имен собственных, приведенных в двуязычном китайско-тюркском памятнике.

С другой стороны, анализ того или иного имени собственного не может обойтись без исследования его употребления в памятниках письменности. Особенно это важно при изучении этнонимов, поскольку основные этнические названия тюрков восходят к глубокой древности, очень значимо для прояснения происхождения многих топонимов, сохранившихся с древнейших времен, крайне необходимо для выяснения типологии современных антропонимических систем, которые своими корнями уходят в древнетюркскую эпоху, и даже еще глубже. Письменная традиция тюрков имеет давние корни и базируется на различных видах письма.

Древние тюрки использовали руническое письмо, согдийское письмо, на основе которого возникла древнеуй-гурская письменность, имевшая в далекие времена наибольшее распространение, имеются отдельные памятники, выполненные манихейским письмом, письмом брахми, даже тибетским письмом, наконец, кышчакские памятники на армянской графике.

В более поздний период самое широкое распространение в тюркском мире получила арабская письменность.

На всех этих видах письма была создана богатейшая литература самого разнообразного содержания, зафиксировавшая все многообразие жизни и отразившая наиболее полно основные этапы этнокультурной истории тюрков и зафиксировавшая ценнейшие материалы по ономастике

Всесторонний анализ этих материалов позволит не только прояснить многие вопросы функционирования имен собственных в древности, но и в значительной мере будет способствовать более глубокому анализу современной тюркской ономастики.

Древнейшими письменными памятниками тюрков были памятники рунического письма, которые являются первыми образцами тюркского письменно-литературного языка и единственными в своем роде свидетельствами высокого уровня языковой культуры древних тюрков [Кононов 1980, 3].

Жанровые особенности ТРП, представляющих собой главным образом историко-библиографические надписи, эпитафии и проч., способствовали тому, что в этих памятниках зафиксировано большое количество древних антропонимов (титулы, прозвища, имена), этнонимов (названия племен, союзов племен, родов, народов и проч.), топонимов (места обитания, границы владений, места крупных сражений, названия стран и городов, горных массивов, рек и проч.) и других типов собственных имен.

ТРП, как важнейший источник по истории тюрков стали объектом многочисленных исследований историков-востоковедов.

Труды В.Бартольда, В. Радлова, А. Бернштама, Н. Толстого, Л. Гумилева, Д.Тихонова, С. Кляшторного, А. Кызласова, Д. Васильева и многих других ученых, посвященные различным общим и частным вопросам истории тюрков, во многих случаях не обходятся без историко-культурологического, отчасти, и историко-лингвистического анализа имен собственных, представленных в рунических памятниках.

Ономастические данные ТРП привлекались широким кругом ученых. В своих исследованиях они давали научную трактовку вопросам происхождения, функционирования имен собственных, широко представленных в рунических памятниках.

Многообразие сведений по древнетюркской ономастике в ТРП получило достаточное освещение, как при издании самих тестов ТРП так и в специальных исследованиях, посвященных ТРП [обзор работ и библиографию по ТРП см: Малов 1951, Кляшторный 1964, Батманов 1971, Айдаров 1976, Насилов 1976, Кононов 1980, Васильев 1983].

В последние годы в научный оборот введено значительное количество новых памятников тюркской рунической письменности, которые получили детальное лингвистическое освещение, историко-филологическую интерпретацию и культуроведческий анализ, включая всесторонний анализ его реалий, в частности, ономастике [см.: Кляшторный 1980, 1983, 1987, Васильев 1976, 1978; Кононов 1980, Аманжолов 1974, Байчоров 1989, Войтов 1989, Джумагулов 1982, 1987; Кызласов 1981 и др.].

Вместе с тем, постановка и решение проблем, непосредственно связанных с древнетюркской ономастикой в ТРП, представлены небольшим количеством исследований, и в большинстве случаев они носят частный характер, т. е. посвящены кодификации, этимологии отдельных собственных имен, или отдельным проблемам их функционирования.

В этом плане особенно ценны для нас исследования С.Г.Кляшторного, одного из ведущих специалистов в мире по древнетюркской истории и рунике. В частности, труд ученого "Древнетюркские рунические памятники, как источники по истории Средней Азии", выдержавший проверку временем, является, как общепризнано, крупнейшим достижением советской историографии древних тюрков [Кононов 1980, 53].

В плане последовательного изучения ономастического материала ТРП исследования С.Кляшторного также имеют чрезвычайно важное значение [см.: Кляшторный 1964, 1976, 1981, 1987 и др.].

Одна из последних работ академика А.Кононова, посвященная анализу языка ТРП, также содержит в себе значительный материал, представляющий историко-этимологическую интерпретацию многих имен собственных и терминов в ТРП [Кононов 1980].

В исследованиях Г.Айдарова специально рассмотрены вопросы древних имен собственных в плане их употребления в ТРП [Айдаров 1963, 1965, 1971], древнетюркская антропонимия и ее особенности рассматривались в трудах Т.Джанузакова [1971, 1976, 1982 и др.], С.Сыдыкова [1985].

Некоторые проблемы древнетюркской этнонимии в ТРП изучались учеными и привлекались для решения вопросов современных этнонимов [Кононов, 1949, 19070; Баскаков 1964, 1979; Гумилев 1967, Кляшторный 1964, Зуев 1970, Nemeth 1967, 1976; Czegledy 1982]

Важное место в антропониимии древних тюрков занимает титулатура, являющаяся одним из составных компонентов древней антропониимии и часто функционально замещающая личные имена. Вопросы происхождения и особенностей функционирования древнетюркских титулов рассмотрены в ряде статей ученых (Ramstedt 1951, Aalto 1971, Golden 1980, Баскаков 1985).

Материалы по древнетюркской топонимии плодотворно изучаются с использованием данных ТРП С.Караевым [1985, 1986, 1987], отдельные вопросы топонимов в орхоно-енисейских памятниках рассмотрены в статьях Ю.Владимирцова [1929], С.Кляшторного [1951, 1964], М.Боргоякова [1970], О.Караева [1985], С.Кудайбергенова [1985], L.Bazin [1981] и др.

Историко-географические сведения ТРП привлекались исследователями современной топонимии [см.: Мурзаев 1976, 1978; Абрахманов 1975, 1979, Койчубаев 1974, Саттаров 1970, Конкобаев 1980, Молчанова 1982, Джанузаков 1983 и др.].

Следующий важнейший круг собственно тюркских источников это памятники древнеуйгурского письма, которые в абсолютном большинстве обнаружены в пределах исторического бытования уйгурских государственных образований в Турфанском оазисе и некоторых других центрах Восточного Туркестана и в Дуньхуане.

Расцвет уйгурского письма приходится на IX-XIII вв., хотя его применение в отдельных районах продолжалось и позднее. Памятники древнеуйгурского письма чрезвычайно богаты по содержанию и разнообразны по форме. Большинство из них, как это показали исследования, переведены с других языков и представляют образцы религиозной литературы, впрочем, имеются и отдельные тексты светского содержания, а также целый ряд произведений поэтического содержания [Габен 1988, Бомбачи 1988, Тугушева 1973].

Жанровое многообразие древнеуйгурской литературы было весьма обширным, но в силу переводного характера большей ее части, сами тексты почти не содержат материалов по ономастике. Но учитывая то обстоятельство, что перевод религиозного произведения, его переписка засчитывались в особую заслугу и имели благочестивый характер, колофоны к этим произведениям сохранили огромное количество имен переводчиков, переписчиков, а также обширного круга лиц, которым переводчик, переписчик, или заказчик желает благополучия, здоровья и бла-

гочестия [Gabain 1973, Тугушева 1973].

Также много имен и титулов сохранили картуши (надписи) к росписям буддистских монастырей в Восточном Туркестане.

Неоценимый по значимости материал по древнеуйгурской антропонимии, этнонимии и топонимии представлен в уйгурских юридических документах из Турфана. Эти документы, представляющие собой различного рода заемные, запродажные, арендные, долговые и другие документы, зафиксировали не только непосредственных участников сделки, но и целый ряд свидетелей, а также имена составителей документа, кроме того в документах зафиксированы также имена правителей и верховной знати того периода [см.: Малов 1932, 1951; Radlof 1928; Arat 1864; Aalto 1968 и др.].

Целый ряд уйгурских документов касается аренды, продажи земельных участков, границы которых обозначаются определенными географическими объектами, в большей части обозначаемых микропонимами. Упоминаются также крупнейшие города и реки, горные массивы и проч.

Многие антропонимы, представленные в документах, восходят к названиям племен и народов. Анализ этноантропонимов в юридических документах позволяет выявить пространственный список тюркских этнонимов [Gabain 1973]. Чрезвычайно ценны сведения по древнеуйгурской космонимии, изложенные в ряде рукописей из Турфана [Rahmati 1936].

Таким образом, памятники древнеуйгурского письма зафиксировали обширный и самый разнообразный материал по ономастике. Изучение и всестороннее освещение этого богатейшего материала по существу еще не начиналось.

И вновь с именами В.Радлова и В.Томсена связаны первые шаги и первый позитивный опыт в дешифровке памятников древнеуйгурского письма. Эти ученые указали правильный путь в расшифровке древнеуйгурской письменности, благодаря чему и была открыта дорога для последующих исследований.

Плодотворно и последовательно издание памятников древнеуйгурской письменности осуществлялось Ф.Мюллером, В.Бангом, А.фон Габен, А.ф. Лекоком и другими.

П.Циме, Т.Хазаи, П. Аалто и другие успешно издают новую серию Берлинских Турфанских текстов, известны труды в области изучения и издания древнеуйгурских памятников Э.Тенишева, А.Щербака, Д.Насилова, Л.Тугушевой, К.Рернбора, Т.Текина, Н.Ямады и др.

Все эти издатели и исследователи памятников в той или иной мере касались ономастических материалов в плане реконструкции имен и их этимологии. Однако специальных исследований посвященных ономастическим материалам памятников не много.

Так, специальное изучение имен в древнеуйгурских памятниках провел немецкий ученый П.Цимме [Zieme 1977,1979,1981]. Он же во всех своих работах по изданию памятников непременно касался вопросов происхождения и этимологии антропонимов и других имен собственных.

Вопросам антропонимов в древнеуйгурских памятниках серьезное внимание уделила Л.Тугушева [1971, 1975, 1978 и др.], имеется отдельная статья, посвященная антропонимам уйгурских юридических документов [Махпиров 1988]. А.фон Габен в своем капитальном исследовании, посвященном Уйгурскому государству в Кочо, детально анализирует древнеуйгурскую антропонию и титулатуру [Gabain1973].

Материалы по древнеуйгурской ономастике в той или иной мере отражены в словарях и глоссариях [см.:ДТС, Gabain 1973, Clauson 1972, Doerfer 1963,1965,1967; Caferoglu 1968, Rohnbern1977,1981 и др.]. Таким образом, обширный материал по древнеуйгурской ономастике нашел свое отражение в разнообразных по жанру древнеуйгурских нарративных источниках.

В отличие от памятников тюркского рунического письма, которые зафиксировали лишь имена и титулы представителей высших слоев общества, древнеуйгурские письменные памятники и содержат самый обширный материал, относящийся к самым разным социальным слоям уйгурского общества. Кроме того, в числовом отношении ономастические данные древнеуйгурских памятников во много раз превосходят данные ТРП, и потому для вопросов древнетюркской ономастики они представляют особый интерес.

Однако, изучение и всесторонний анализ этого уникального материала, требуют не разрозненных и частных наблюдений над отдельными именами собственными, а комплексного и системного подхода, итогом которого должно быть выявление особенностей формирования и

функционирования ономастической системы в пределах определенного времени и соответствующих социально-экономических и политических отношений, выявление и систематизация структурных типов и смысловых
20

моделей имен собственных.

Следующий наиболее значимый круг собственно тюркских письменных источников - это памятники эпохи раннего средневековья, эпохи формирования и расцвета тюркского караханидского государства. К данному периоду истории тюркского общества относятся две наиболее ценные жемчужины тюркской и мировой культуры - "Дивану лугат-ит тюрк" Махмуда Кашгари и "Кутадгу билик" Юсуфа Хас Хаджиба, относящиеся ко второй половине XI в., т.е. к периоду наивысшего расцвета Караханидского государства и зафиксировавших в себе ценнейший материал, относящийся к самым разнообразным сторонам тюркского общества, в том числе и по ономастике.

Этот материал к сожалению, не привлек к себе должного внимания ученых [см.: Валитова 1964, Каримов 1967, Махпиров 1980, 1990]. Между тем, полный анализ имен собственных в данном памятнике, особенно в части антропонимии может существенно пополнить представления ученых об особенностях тюркской ономастической системы караханидской эпохи, которая характеризуется весьма примечательными особенностями, связанными с принятием ислама тюрками в начальный период истории караханидов.

Одним из замечательных памятников тюркской культуры XI в. является "Диван" Махмуда Кашгари, который в настоящее время оказывается единственным источником информации о жизни тюрков XI в. Эта блистательная жемчужина мировой культуры по странному и загадочному стечению обстоятельств почти не упоминаемая ни ее современниками, ни позднейшими исследователями, была открыта вновь спустя около восьми столетий и стала предметом самого пристального внимания ученых-географов, историков, этнографов, лингвистов [обзор литературы о "Диване" см. Кононов 1973].

К ономастическим данным этого замечательного памятника неоднократно обращались видные ученые-востоковеды [см.: труды В. Бартольда, Н. Баскакова, А. Кононова и др.]. Материалы по антропонимии и этнонимии в "Диване" широко использовал при анализе казахских личных

имен и родоплеменных названий видный казахский ученый-ономаст и тюрколог Т.Джанузаков [1961, 1976, 1983], данные материалы анализировались многими учеными-лингвистами [Мухаммедова 1957,1961;

21

Саттаров 1978, Бегматов 1967 и мн. др.].

Наибольший интерес вызвало топонимическое наследие Махмуда Кашгари. Самое пристальное внимание исследователей привлекла карта мира, приложенная к "Дивану", в которой Махмуд Кашгари наиболее полно для того времени показал тюркские земли, а также и многие другие районы мира. Данная карта сама по себе уже была явлением значительным и заинтересовала многих. Впервые к этой карте обратились К. Миллер и Г. Гейне [Miller-Haens 1931], а затем А.Герман [Herman 1935], которые пытались расшифровать названия этой карты. Однако эти исследователи не привлекали данных самого текста памятника и потому ими был допущен ряд неточностей.

У нас к карте мира Махмуда Кашгари обращались И.Умняков[1940], С.Волин [1941], Х.Хасанов [1963,1965, 1967]. Были высказаны сомнения по поводу оригинальности этой карты [Крач-ковский, 1957; Умняков 1940], но исследования С.Волина и особенно Х.Хасановаубедительно показали несостоятельность этих сомнений.

Изучая географическое наследие Махмуда Кашгари известный узбекский географ Х.Хасанов в ряде статей, монографий, анализирует топонимы, приведенные в "Диване".

Другой узбекский ученый С.Караев также неоднократно обращался к топонимии "Дивана", его исследования содержат много интересных выводов и замечаний о географических названиях "Дивана", особенно в области их этимологии [С.Караев 1967, 1972,1987].Казахский топонимист А.Абдрахманов, анализируя топонимию Казахстана,также неоднократно в качестве отправных данных использовал сведения Махмуда Кашгари [Абдрахманов 1969,1975,1979].

Имеется ряд специальных статей,посвященных историко-географическим и топонимическим сведениям Махмуда Кашгари [Абдрахманов 1971, О.Караев 1972, Махпиров 1980,1983, 1990].

Э.Мурзаев, давно и последовательно изучающий тюркскую топонимию, в своих исследованиях по топонимии Средней Азии, Синьцзяна и других регионов, часто опирается на данные средневекового

ученого [1965,1966, 1974, 1978].

Таковы основные работы по ономастике "Дивана".Отметим, что эти работы не охватывают всего многообразия ономастики а лишь касаются отдельных ее сторон.

И большинстве случаев исследователи ограничиваются лишь этимологией названий. Между тем только комплексное рассмотрение ономастических данных Махмуда Кашгари во всем их многообразии и взаимосвязях позволяет представить наиболее полную картину о составе, структуре, типологических и структурных особенностях тюркской ономастики XI века, показать взаимодействие всех разрядов собственных имен, установить их общие и специфические черты в сравнении с ономастикой других периодов прошлого и современности.

Таковы основные нарративные источники,послужившие базовым материалом для настоящего исследования. Сделанный наиболее общий обзор основных источников и исследований по древнетюркской ономастике, конечно же, не может претендовать на полноту и исчерпывающий охват данных. В обзор включены, главным образом, те исследования, в которых непосредственно ставились и решались вопросы изучения имен собственных в письменных источниках.

Анализ трудов ученых показывает, что древнетюркская ономастика не была еще предметом специального цельного исследования. Между тем, только комплексное и всестороннее освещение данных всех нарративных источников и детальный анализ ономастического материала, представленного в них, позволит выявить наиболее подробную картину древнетюркской ономастической системы, определить наиболее типичные структурные элементы, смысловые модели, что несомненно будет способствовать прояснению многих вопросов современной ономастики

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Основные этапы этнокультурной истории тюрков древности и средневековья и вопросы формирования древнетюркской ономастики

Система древнетюркской ономастики представляет собой удивительное многообразие разных, а иногда и противопоставленных друг другу, но связанных воедино тюркской этнолингвистической основой, подсистем, каждая из которых, в свою очередь, являет собой организованный и единый комплекс, правда несколько иного уровня.

Так, в древнетюркской ономастике можно выделить системы собственных имен для определенных культурно-политических обществ, характеризующиеся не только общими, но и дифференцирующими признаками, например, наличием той, или иной номенклатуры титулов в антропонимии, географической номенклатуры в топонимии, родоплеменной номенклатуры в этнонимии.

Для исследования основных закономерностей формирования и функционирования древнетюркской ономастики необходимо рассмотреть этнокультурную и политическую историю древних тюркоязычных народов, поскольку многие факторы данной истории оказывали решающее влияние на ономастическую систему, которая живо реагировала на различные изменения в этносоциальной, экономической, политической жизни тюркского общества, четко фиксируя в своей структуре смену территорий, характер изменений в политической и социальной сфере, культурные и экономические метаморфозы, коими богата история тюркоязычных народов древности и средневековья.

Важным моментом в формировании ономастических систем древних тюрков были и аспекты этнических (и этногенетических) мотивов и процессов, в силу которых племена и союзы племен имели достаточно веские основания для противопоставления собственного племени другим племенам, однородным в лингвистическом отношении.

Отношения племен (метаплемен, соплеменностей, союзов племен) характеризовались в трех, связанных между собой аспектах политическом (отношения между государственными образованиями), этническом (отношения родства в пределах данного государства), культурно-генетическом (сходство и различие материальной культуры в различных областях) [Савинов 1973, 339].

Все эти аспекты этнокультурной истории были решающим фактором, формирующим, с одной стороны, дифференцирующие признаки ономастических систем, а с другой - интегрирующие особенности ономастической системы, поэтому рассмотрение вопросов этнической истории тюркоязычных народов, основных этапов их политогенеза, идеологического и культурного развития является крайне важным и необходимым при изучении вопросов формирования и функционирования древнетюркской ономастической системы.

Некоторые вопросы этнической истории тюркоязычных племен

Специалисты различных профилей ориенталистики: археологи, историки, лингвисты, фольклористы, этнографы, антропологи, культурологи достигли заметных результатов в изучении основных проблем этногенеза, политогенеза и истории культуры тюрков, хотя и на сегодняшний день остается немало дискуссионных вопросов, связанных с этносоциальной историей обширного региона, который занимали тюркоязычные племена.

В настоящее время, как указывают исследователи, можно предварительно определить лишь отдельные периоды, знаменующиеся процессами активной этнической ассимиляции, интеграции, консолидации.

Относительная скудость фактических данных позволяет определить главным образом те исторические вехи, когда происходили заметные перемены в результате образования крупных государств [Агаджанов 1988, 3].

Для исследования основных закономерностей формирования и функционирования древнетюркской ономастики необходимо рассмотреть этнокультурную и политическую историю древних тюркоязычных народов, поскольку многие факторы данной истории оказывали решающее влияние на ономастическую систему, которая живо реагировала на различные

изменения в этносоциальной, экономической, политической жизни тюркского общества, четко фиксируя в своей структуре смену территорий, характер изменений в политической и социальной сфере, культурные и экономические метаморфозы, коими богата история тюркоязычных народов древности и средневековья.

Этнокультурные процессы, происходившие в мире тюркской древности характеризуются важнейшими с точки зрения этнической консолидации и взаимодействия тюркских племен между собой и с другими народами результатами.

В результате этих процессов тюркский этнос формировался на базе как собственной этнической системы, так и в результате процессов ассимиляции и культурно-лингвистического взаимодействия с другими, главным образом, ираноязычными народами. Эти процессы, естественно, в первую очередь отражались на ономастической системе, которая живо реагировала на эти процессы существенными метаморфозами в рамках антропонимии, особенно этнонимии и топонимии.

Современные ученые не раз подчеркивали факт многократного и весьма интенсивного взаимодействия тюрков с другими народами, причем, как правило, результатом этого взаимодействия была тюркизация местных субстратов, во всяком случае, в лингвистическом отношении.

Как указывают ученые, в I тысячелетии до н.э. - первой половине I тыс. н.э. в результате интенсивных и постоянных миграций в евразийских степях на территории Средней и Центральной Азии постоянно проникали более или менее компактные группы индоевропейских, протоуральских и так называемых "алтайских" племен из восточной части Центральной Азии, и уже середина и вторая половина I тысячелетия стала периодом постепенной тюркизации населения горно-степных районов к западу от Алтая, которая в результате ассимиляции части местного населения, говорившего на индоевропейских языках в тюркоязычной среде [Кляшторный 1987, 17]. И когда в начале II в. на историческую арену выходят тюрки-ашина, здесь они встретились с преобладанием тюркоязычного этноса, составлявшего многочисленное объединение племен в союзе теле [Зуев 1967].

Как указывают ученые, можно выделить четыре основные группировки, которые сложились на весьма ранней стадии тюркского этногенеза и получили историческую преемственность в позднейшую эпоху: это древние группировки собственно тюр-ков-туцзюе, огузов (теле), кыргызов и кыпчаков, которые в границах архаических империй консолидировались и превратились в очаги формирования новых этносов.

Указанные группировки, получившие историческую преемственность в более позднюю эпоху, сложились на весьма раннем этапе тюркского этногенеза, когда еще ощущались и сохранились традиции их генеалогического родства между собой [Кляшторный -Савинов 1988].

А.Н.Бернштам указывает на наличие в пределах данных территорий локальных своеобразии, обусловленных разнородностью населения, их заселявшего: 1) Монголия, долины рек Орхона, Толы, Керулена, Онгина, Забайкалья, Селенги - главным образом заселенных племенами огуз, уйгур, толес и тардуш (?) -господствующих племен древнетюркского общества; 2) Алтай -заселенный карлуками; 3) Южная Сибирь Саянский хребет-кыргызы и 4) грубо говоря, Семиречье с основным племенем тюркешей [Бернштам 1946,80].

А.Д.Грач выделяет следующие четыре зоны, бывшие основными этнокультурными зонами древнетюркской эпохи: 1)зона племен, входивших в состав Центрально- и Среднеазиатского тюркских каганатов (Монголия, Тува, Алтай, Восточный Туркестан, ряд территорий Средней Азии; 2) зона племен, входивших в состав государства хягас - древних кыргызов (Минусинская котловина и с 840 г. - начала X в. Монголия, Тува, Алтай); 3) зона племен, входивших в объединение курыкан [Зуев 1966, 190].

У арабских историографов IX- X вв. имеются сведения о наличии пяти основных народов (племен), которые могли понимать друг друга и говорили на одном языке: токуз-огузах (токуз-гузз), кыргызах (хиргиз), кимаках, огузах (гузз) и карлуках [Бартольд т.У,584].Если иметь в виду, что к тому времени термин

"тюрк" уже имел не только политическое, но и культурологическое значение, обозначая совокупность племен, объединенных единством языка, культуры, и что карлуки - часть собственно тюрков, мы будем иметь те же четыре основные группировки.

Вместе с тем, эти объединения племен в рамках древнетюркского общества имели призрачный характер и представляли собой по определению А.Н.Кононова "зыбкие военно-политические объединения, которые также быстро создавались, как и скоротечно распадались" [Кононов 1980, 40], для того, чтобы оформиться в рамках нового союза. Процессы консолидации племенных объединений всегда сопровождались процессами непрерывной борьбы за власть как между группировками, так и внутри отдельных союзов.

Главными противоборствующими силами в истории тюрков на первых этапах были две наиболее сильные группировки - союз собственно тюрков-туцзюе, во главе с родом Ашина и конфедерация телесских (токуз-огузских) племен во главе с уйгурами. Остальные племена и объединения, как правило, на начальных этапах входили в состав этих главенствующих группировок, в качестве подчиненных племен.

Генеалогические предания тюрков-туцзюе и уйгуров, зафиксированные в китайских источниках [см.: Радлов 1893; Аристов 1897; Кляшторный 1964; Зуев 1967], свидетельствуют не только об их генеалогическом родстве, связанном с образом прародителя в облике волка/волчицы, что придавало сакральный характер их главенствующим родам, позволявшим каждому из них претендовать на верховную власть, но и проясняют причины непримиримости их. По мнению Л.Гумилева отношение женского и мужского начал (волк и волчица) в двух параллельных мифах диаметрально противоположно, и это не может быть случайно, потому, что в дуалистическом миропонимании VI- VIII вв. символика пола была определяющим принципом, и борьбу тюрков-туцзюе и уйгуров следует рассматривать как столкновение двух систем, имеющих диаметрально противоположное направление развития [Гумилев 1967, 181].

Выделяется несколько этапов борьбы, возглавлявшихся уйгурами токуз-огузов с тюркутами за господство в степи : 1) победа токуз-огузских племен над тюрками в 630-647 гг. и образование 1 Уйгурского каганата (647-689); 2) победа тюрков над токуз-огузами в 681-689 гг. и возрождение Тюркского каганата; 3) серия восстаний токуз-огузов против тюрков в

716-725 гг., создание антитюркской коалиции уйгуров, карлуков и басмылов и установление уйгурского господства в степи (744-840) [Камалов 1990].

Рассмотрим в наиболее общих чертах этническую историю основных племенных образований:

Тюрки-туцзюе

Сообщения китайских историографических хроник тесно связывают раннюю историю племени тюрк-ашина с историей позднегуннских государств, существовавших на территории Китая в 308-460 гг. По всей вероятности это племя относится к числу тех, которые перебрались в Ганьсу после 265 г., в период массового переселения за Великую китайскую стену гуннских и зависимых от гуннов племен Центральной Азии и Южной Сибири. Во время обитания в Восточном Туркестане племя восприняло в свой состав новый этнический компонент автохтонного некитайского и негуннского населения региона (смешанные Ху - индоевропейского происхождения). После разгрома государственного образования гуннов в Хэси в 439 г. племя ашина в количестве 500 семей бежало к жуань-жуаням и попало под их влияние и было расселено у южных отрогов Алтая, где занималось обработкой железа.

С.Г.Кляшторный выделяет два основных этапа ранней истории тюрков-ашина: ганьсуйско-гаочанский (111 в. - 460 г.) и алтайский (460-551 гг.). Первичное ядро племенного состава союза тюрков-ашина сформировалось в результате смешения пришлых тюркоязычных племен и местного турфанского населения, говорившего на одном из иранских, или "тохарских" языков.

Второй, алтайский период истории тюрков отмечен их адаптацией в новой среде и ассимиляцией ими мелких алтайских племен. На Алтае племя ашина приняло новое название - "тюрк", а старое (ашина) стало династийным именем правящего рода [История Киргизской ССР, 1984, 221]. Основной род занятий тюрков - обработка железа, была той производственной предпосылкой, которая могла способство-

вать превращению группы тюркских племен, находившихся в подчинении у жуань-жуаней, в правящую верхушку, поскольку ремесло часто являлось "уделом выдающихся людей, игравших значительную роль в социальной жизни. Наряду с колдунами, искусными воинами, богатыми земледельцами и скотоводами, эти люди и составляли верхушку общества, из которой происходили вожди" [История первобытного общества, 1988, 93].

После 460 г. в предгорьях Южного Алтая постепенно сложилась та группа племен, которую возглавили вождь Асянь-шад и великий ябгу Туу и Бумын, которая, усилившись за счет покорения телесского союза, в 551-555 гг. нанесла сокрушительный удар Жужаньскому каганату, разгромила его и на его земле в Северной Монголии создала новую империю - Тюркский каганат [Кляшторный 1964].

До создания каганата термин "тюрк" означал лишь союз десяти(десять сыновей волчицы), позднее двенадцати племен, сложившийся вскоре после 460 г. на Алтае. Это значение сохранялось и позднее, что отражено в памятниках тюркской рунической письменности.

Наряду с этим термин "тюрк" стал употребляться в чисто политическом значении - как принадлежность различных кочевых племен к державе, созданной тюрками. Это позднейшее значение было развито арабскими историками и географами IX-XI вв., которые словом тюрк стали называть группы языков и народов. Среди самих тюркоязычных племен, несмотря на древнее языковое родство, никакого "тюркского" этнического самосознания не существовало, как не было общности их исторических судеб или единства созданных ими в древности и средневековые государственных образований [Кляшторный 1988, 25].

Собственно этническая характеристика союза племен (мета-племен), возглавивших Тюркский каганат и объединенных под именем "тюрк", вызывает затруднения, поскольку исторические источники не дают ясного ответа на вопрос, какие родоплеменные подразделения, кроме царствующего рода Ашина и второго по значению рода Ашидэ входили в данную конфедерацию тюрков-туцзюе [Малявкин 1989, 17, со ссылкой на Мори].

Тюркские генеалогические предания свидетельствуют, что Ашина было родовым именем матери основателя племени, которое имеет восточнотуркестанское происхождение [Кляшторный 1965, 281], более того, по мнению китайских ученых, предками Ашина были саки, а род Ашидэ -

есть результат браков Ашина с теле (динлинами), причем, сами тюрки - не результат ассимиляции телесцев, а результат процесса телесизации сакского объединения Ашина [Шу Зунжен 1986, 174].

.С этим обстоятельством, во всяком случае, с весьма древними и устойчивыми контактами тюркского и иранского культурного миров, вероятно, связано наличие в древнетюркской ономастической системе, причем во всех ее важнейших номенклатурах, индоевропейских, или точнее, индоиранских элементов.

Так, исследователи указывают на возможность согдийского происхождения формы термина "тюрк" - *türküt*, которую зафиксировали китайские источники [Кононов 1980, 47], а в известном сочетании *kök türk* видят раннюю субституцию собственно тюркского этнонима *kök* (*gök*) на заимствованное иранское *ašina* "синий" [Шервашидзе 1989, 79].

Убедительно доказаны иранские этимологии важнейших титулов тюрков, а также и имен первых тюркских каганов [Кляшторный 1964, Шервашидзе 1989].

Уже в середине VIII в. после разгрома Восточнотюркского каганата термин "тюрк" утрачивает реальное этническое содержание, и по выражению В.Бартольда "если в Монголии в VIII в. отдельно от огузов, карлуков и др. были турки (тюрки - В.М.), то этот народ скоро исчез бесследно [Бартольд т.11,ч. 1, 558]. Есть предположение, что часть тюрков-туцзюе, после разгрома откочевала в район Великой китайской стены, подчинилась Таиской империи, была расселена в специально созданных для них округах [Малявкин 1989, 33]; оставшиеся на прежних землях тюрки были подчинены уйгурами, и вероятно под конкретными родовыми именами участвовали в политической жизни.

По мнению ученых к тюркам-туцзюе можно отнести, кроме Ашина и Ашиде, которые были не родами, а царствующими фамилиями, басмылов, карлуков, тюргешей, а также тюрков-шато, тюрков "в белой одежде" китайских источников. Известно, что карлуки и басмылы в союзе с уйгурами участвовали в разгроме Тюркского каганата, а тюргешы, входившие в крыло дулу ЗТК, стали преемниками западных тюрков, создав Тюргешский каганат, воспринимавшийся по сути, как заключительный этап истории ЗТК [История Киргизской ССР 1984, 239], а на их место в 766 г. пришли карлуки.

В отношении принадлежности тюргешей к семье туцзюе особых возражений нет, поскольку они входили в качестве одного из племен в "десятистрельный народ" ЗТК, что же касается басмылов и карлуков, которые не только упоминаются в рунических надписях и других источниках в качестве отдельных племен, но и указываются как главная сила наряду с уйгурами разгромившая ВТК, их принадлежность к туцзюе вызывает возражения [Малявкин 1989; Гумилев 1967].

По мнению А.Н.Аристова басмылы (= тюркск. аргын "помесь") представляли собой смешение многих, вероятно, разного происхождения родов, что подтверждается указаниями китайской надписи Карабалгасунского памятника, в которой говорится, что басмылы состояли из 40 родов [Аристов 1896, 91]. Обитали басмылы в VIII в. между Алтаем и Бешбалыком. В.Бартольд неоднократно указывал, что первым тюркским населением в районе Бешбалыка были басмылы. Как пишет А.Малявкин, японские ученые связывают басмылов с северными тунгусами [Малявкин 1989, 172].

Однако имеется весьма важное свидетельство китайских источников в пользу туцзюеесского происхождения басмылов: их вожди носили царскую фамилию Ашина. А.Малявкин считает, что имя Ашина было присвоено вождям басмылов за их заслуги перед каганатом, по примеру Срединной империи [Малявкин 1989, 172], однако данное объяснение, не подкрепленное аналогиями, вряд ли приемлемо.

Ю.А.Зуев считает, что басмылы были из тюрков-туцзюе, более того, они составляли династическую коалицию с каганским родом Ашина, на правах хатунского рода вместе с Ашиде, представляя поочередно с ними материнскую линию наследования в каганате [Зуев 1967, 16].

Как бы то ни было, басмылы в древней и средневековой истории тюрков сыграли заметную роль. После разгрома ВТК в 742 г. басмылы на недолгое время возглавили новое государственное образование, однако через два года были низвергнуты уйгурами. Басмылы были одним из первых оседлых тюркских племен в Восточном Туркестане, они передали свой верховный титул идикут правителям Уйгурского Турфанского княжества и вошли в качестве одного из компонентов в состав современного уйгурского народа.

Одним из племен, оставивших заметный след в тюркской древней истории были карлуки, первое упоминание о которых В китайских источниках относится к первой половине VII в. Карлуки состояли из трех племен. Не случайно, они часто упоминаются под общим названием *ÿç qarluq* (МК, МЧ).

Китайские источники выделяют племена (роды) карлуков : моуло (булак - по мнению Цегледи и Лигетти, или бойла - по мнению китайских ученых), чисы (чигиль - по мнению П. Пельо) и таши (ташлык) [см.:Малявкин 1989;Алмас 1988].

В китайских источниках подчеркивается, что карлуки входили в состав туцзюесской конфедерации, являясь, также, как и басмылы, боковой ветвью царствующего рода Ашина.

Арабские и персидские источники также указывают на их связь с тюрками-ашина, что давало им легитимное право на титул и должность западного правителя -ябгу, позже смененного ими на титул кагана.

Так, первый государь караханидской династии именовался Бильге Кюль Кадыр каган, а именно он был прежний ябгу карлуков.

Карлуки обитали в Отюкенской черни, на Алтае а также около Бешбалыка. В VI-VII вв карлуки входили в состав тюркского каганата, в то же время часть карлуков смогла создать свою государственность в Тохаристане, сменив там эфталитского правителя. Главная же часть карлуков оставалась на Алтае и в Джунгарии, включившись в конфедерацию телесских(токуз-огузских) племен, выступила против своих соплеменников - правителей восточно-тюркского каганата.

Вскоре после разгрома туцзюе, в 744 г. уйгуры разбили своих бывших союзников басмылов и установили свое безраздельное господство в Монгольской степи. После этого большая часть карлуков бежала в Семиречье и Джунгарию, где спустя 20 лет карлуки стали господствующими на территории бывшего ЗТК вступив в конфронтацию с уйгурами, а также тюргешами, разбив которых карлукские ябгу создали свою государственность, подготовившую рождение Караханидского каганата, главной частью которого и стали карлуки, наряду с токуз-огузскими племенами ягма и чигиль. У Махмуда Кашгари есть указание на то что карлуки - это тюрки, отделившиеся от огузов (МК 1, 86)

Впоследствии карлуки явились одним из компонентов уйгурского, узбекского и кыргызского народов.

Сведения о двух оставшихся племенах, а именно о тюрках-шато и тюрков "в белых одеждах" весьма незначительны. О тюрках-шато известно, что они переселились с Алтая после разгрома каганата в Восточный Туркестан близ Турфана, позднее были выселены из занимаемых ими областей и ушли дальше на восток, в собственный Китай, где принимали участие в политических смутах, и даже образовали несколько династий в X в. [Бартольд т.V, 202; Малявкин 1989].

Теле (токуз-огузы)

Федерация племен под именем теле (токуз-огуз) играла важнейшую роль в древнетюркском обществе. Племена - члены указанного союза расселялись на обширной территории и входили в состав всех государственных образований на территории Центральной и Средней Азии и Восточного Туркестана, как в качестве главенствующих, так и подчиненных.

Соотношение терминов теле и токуз-огуз неравнозначно, хотя они употребляются, как правило, как синонимы. Термин теле -несколько шире и включает в себя большее количество племен. В отношении самого термина теле, представляющего по мнению ученых китайское оформление самоназвания (тюркского?), имеется ряд предположений. А. Г. Малявкин со ссылкой на китайского историка Чень Чжумяна, указывает, что теле - искаженное написание тюркского титула тегин [Малявкин 1983, 172]. Ряд исследователей предполагает в теле - более позднее китайское оформление термина тегрег "телега, повозка" [Позднеев, Бичурин, Кляшторный, Бодберг, Гамильтон и др.], который по значению сопоставляется с терминами динлин, гаогюй, канг-лы. С.Г.Кляшторный указывает, что название "тележные" очень древнее, но все же не было самоназванием, а проникло в китайские хроники из языка соседних с ним племен [Кляшторный 1987-в, 29]. Динлины (гаогюйцы) упоминаются в китайских хрониках на рубеже новой эры, а уже в начале V в., после покорения жуань жуанями динлинов, они именуются в китайских хрониках под названием теле.

В конце V в., воспользовавшись ослаблением жуаней правитель динлинов Афучжило принял титул "Сын великого неба", т.е. по мнению китайских хронистов присвоил себе каганский титул [Кляшторный 1987-в, 28]. В китайских исторических хрониках можно выделить непрерывную цепь: сюнну - гаогюй (динлин) - чиле - теле - хуэйхэ (уйгур). Этой версии китайских хроник придерживается большинство современных исследователей, хотя имеются и возражения против нее [см.Малявкин 1979, 1981].

Современные китайские ученые предлагают уточненную схему функционирования указанных терминов. Источники Северной династии (Северная Вэй. 384-634 гг.) называли своих соседей гаогюй, а в источниках Южной династии применительно к тем же гаогюйцам употребляются два названия: динлин (тутлук) и теле (тура) - для тех, кто расселился на севере Гоби. Теле в IУ-УI вв. разделились на два лагеря-восточный и западный, занимая соответственно земли между Иртышом и Балхашом и на Орхоне [Шинжаннин кискичэ тарихи 141].

В телесскую конфедерацию входили многие племена, по китайским хроникам их было более 40, однако чаще всего и достаточно определенно названы 15 племен телесской конфедерации: уйгуры, сеяньто, чепни, туба, курыкан, теленгут, боку, бай-ирку, тонгра, хун, изгил, когурсу, комук, эдиз, болсар [Уйгур тарихи,34].Д.Позднеев на основании данных хроники Таншу, указывает примерно тот же список племен, включив в него также басмылов и карлуков [1889, 46].

В начале VII в. телесская конфедерация возглавлялась сеяньто, но после крушения Первого ВТК сеяньто вышли из телесской конфедерации. Отделение сеяньто от союза теле привело к его распаду и на месте теле возник новый союз, получивший в китайских хрониках название "девять племен", а в собственно тюркских - токуз-огуз.

С 30-х годов VII в. токуз-огузы выступают как значительная политическая и военная сила, с которой считаются все соседние государства. Во главе конфедерации токуз- огузов стоят уйгуры (он уйгуры) с правящим родом Яглакар. Именно в силу главенствующего положения уйгуров в конфедерации токуз-огуз в арабских источниках конфедерация эта определяется как уйгурская.

Собственно уйгуры (он уйгур) представляли собой также метаплемя во главе с яглакарами: яглакар, отуркар, торламур, бокаскир, авугач, касар, когурсув, боктар, аявуз [Шинжаннин кискичэ тарихи, 231].

Уйгурский каганат (744-840)- мощное государственное образование, сыгравшее исключительно важную роль в политической, экономической и культурной жизни Центральной Азии, а также ряда сопредельных территорий был создан токуз-огуза-ми во главе с уйгурами.

Политические коллизии вокруг УК и внутри него связаны с двумя основными факторами: во-первых, необходимостью формирования и защиты основной территории государства и, во-вторых, вовлечением УК во внутреннюю политическую жизнь Танской империи. Они были, главным образом отражением борьбы уйгуров с тюрками-туцзие за господство в степи. Кроме того, УК вел изнурительные войны с Тибетом и кыргызами, которые хотя и признали зависимость от уйгуров, но все же не присоединились к ним [Малявкин 1989; Камалов 1990].

Наконец, на первых этапах существования каганата представители правящей верхушки - уйгурские Яглакары вели борьбу за сохранение власти с внутренними врагами, среди которых ведущее место занимали огузы. Внутренние войны в каганате закончились утверждением окончательной власти Яглакаров и главенством уйгуров среди токуз-огузских племен, в результате чего самоназвание уйгур распространилось на всю токуз-огузскую конфедерацию [Камалов 1990].

Уйгурский каганат поддерживал тесные контакты и связи с Восточным Туркестаном. Есть все основания полагать, что эти отношения имели характер уйгурского протектората, распространившегося на Кучу, Карашар, Бешбалык, а также на племена бывших союзников - басмылов в Восточном Притяньшанье и часть карлуков [Кляшторный 1988, 31; Камалов 1990].

В конце VII в. власть в каганате перешла к племени адизов, которые на первых этапах истории токуз-огузов и Уйгурского каганата даже не упоминаются в составе конфедерации. После установления в каганате династии эдизов начинается сильное давление Уйгурского каганата в западном направлении, которое вызвало значительное расширение его [Малявкин 1983, 21].

После разгрома кыргызами Уйгурского каганата в 840 г., причем, кыргызы были призваны одним из вождей эдизов Кюлюг-бага [Малявкин

1983, 22], токуз-огузы бежали из Северной Монголии в нескольких направлениях, основными из которых были южное и западное, к Великой китайской стене и в Ганьсу, а также в Восточный Туркестан, где уйгурами был создан ряд государственных образований, крупнейшим из которых было Тур-фанское идикутство, приняли участие совместно с карлуками в создании государства Караханидов.

Относительно характера и причин такого разнонаправленного ухода токуз-огузов после разгрома Уйгурского каганата имеются несовпадающие мнения. А.Малявкин, отрицающий тот факт, что телесские (токуз-огузские) племена на каком-то этапе стали называть себя уйгурами, считает, что бегство племен после разгрома каганата происходило стихийно, причем создается впечатление, что каганат распался на ряд разрозненных частей по родо-племенному признаку [Малявкин 1983, 25], поскольку процесс слияния в единый народ разгромленных телесских племен, объединенных под главенством одного из них, а именно уйгуров, протекал чрезвычайно медленно, и к моменту гибели Уйгурского каганата в этом направлении были сделаны лишь первые шаги [Малявкин 1983, 119].

А.Камалов считает, что распад Уйгурского каганата происходил не по родо-племенному признаку, а по политической ориентации, и уже в рамках каганата самоназвание уйгур распространилось на всю конфедерацию [Камалов 1990].

Более убедительным представляется мнение С.Г.Кляшторного, согласно которого после переселения токуз-огузов на территории Синьцзяна и Ганьсу в процессе сложения уйгурского народа название токуз-огуз вытеснилось этнонимом уйгур [Кляшторный 1981, 467]. В одном из последних исследований по истории Восточного Туркестана авторы пишут: "Можно полагать, что к тому времени (X в.- В.М.) не только существовало уйгурское государство, но и сложилась и в определенной степени консолидировалась уйгурская народность, которая включала как кочевников, так и оседлых жителей, в том числе тюркизированных аборигенов Турфана" [Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье, 1988, 338]. (Кстати сказать, цитируемая 7 глава написана А.Малявкиным, правда с дополнениями А.В.Литвинского).

Телесские (токуз-огузские) племена, оставшиеся на своих прежних землях на территории Уйгурского каганата, участвовали в формировании тюркоязычных народностей Сибири и Алтая.

Уйгурский (телесский) компонент имеет место в составе современных алтайцев, тувинцев и др.

Телесская (токуз-огузская) конфедерация представляла собой союз относительно равноправных племен, и развитие связей между племенами этого союза можно обозначить как консолидацию их вокруг главенствующего племени, а вернее соплеменности, или метаплемени уйгуров.

"Уйгурское объединение должно рассматривать не как подобие тюркутского эля, а как племенной союз, и борьбу тюрку-тов и уйгуров интерпретировать как столкновение двух систем, имеющих диаметрально противоположные направления развития" [Гумилев 1967,181].

Под уйгурами в данной цитате следует иметь в виду токуз-огузское объединение племен, члены которого, во всяком случае, формально, имели равные права на верховную власть, что подтверждается историческими фактами: главенство в Уйгурском каганате басмылов - на первом этапе истории каганата, и эдизов накануне крушения, тогда как в Тюркском каганате сакральное право на верховную власть принадлежала исключительно тюркам-туцзюе, более того - исключительно представителям рода Ашина.

Борьба токуз-огузских племен во главе с уйгурами и тюрков во главе с родом Ашина за господство в степи в течение более ста лет и определила политические коллизии в истории Центральной Азии. Началом политического соперничества тюрков-туцзюе и токуз-огузов была победа тюрков над теле в середине VI в., знаменовавшая создание Тюркского каганата. Дальнейшая история отношений между тюрками и токуз-огузами была историей политических союзов, сменявшихся периодами конфронтации. Если до середины VIII в. в выигрыше были преимущественно тюрки, то в конечном счете победителями стали то-куз-огузы (уйгуры). Однако крах политического союза между тюрками и уйгурами и образование Второго Уйгурского каганата (744-840 гг.), исключившего тюрков из своего союза, стали вместе с тем, началом конца господства обеих конфедераций во Внутренней Азии [Камалов 1990].

Огузская конфедерация

Одним из мощных племен, входивших в токуз-огузскую конфедерацию были огузы. Этногенетические связи уйгуров и огузов были настолько длительными и тесными, что часто эти термины употреблялись один вместо другого, означая все же конфедерацию племен, а не соплеменности (метаплемена), каковыми были как уйгуры, так и собственно огузы. Достаточно распространено мнение, что огузы - суть тюрки-туцзюе [Радлов, Бартольд, Прицак и др.], и потому язык орхон-енисейских рунических памятников определяется как древнеогузский, а основой языка ТРП в целом, определяющим его фонетико-морфологические признаки, выступает огузский субстрат [Кононов 1980, 40].

На основании анализа языка ТРП высказывается достаточно убедительное мнение, что токуз-огузы и огузы были господствующим элементом, ядром, вокруг которого сплетались другие племена Тюркского каганата [Кононов 1980, 46]. В.В.Бартольд писал, что еще до расшифровки рунических надписей тюрков В.Радлов пришел к выводу, что тюрки VI - VII вв. принадлежали к народу огуз, и надписи вполне подтверждают это мнение... Можно признать, по крайней мере, вероятным, что слово "тюрк" было политическим термином, а слово "огуз" - этнографическим [Бартольд т.У, 23].

Все эти заключения ученых, видимо, имеют значение при условии, если под термином "огуз" понимать древний суперсоюз племен, из которого позднее вычленились известные соплеменности тюрков, токуз-огузов, кыргызов, сиров, болгар и проч. Еще легенда об Огуз-кагане, видимо, сохранила память об этом суперсоюзе, включавшем племена разного происхождения: Огуз-хан в легенде представлен в виде некоего существа с ногами быка, поясницей волка, плечами соболя, грудью медведя, что скорее всего свидетельствует о разнородности племен, входивших в данный суперсоюз, поскольку зооморфные черты в образе предка, связанные с тотемистическим мировоззрением имели непосредственную связь с тотемным животным, а противопоставление "своего" и "чужого" тотемных предков в мифологии проявляется со всей очевидностью [Криничная 1988, 30].

Не отрицая оснований для сопоставления в историческом плане терминов тюрк/огуз, тем более, что эти сопоставления находят подтверждение в более поздний период - современные турки (türk) и туркмены (türkmen), торки русских летописей имеют бесспорное отношение в этническом плане к огузам, а их самоназвания - такое же бесспорное отношение к термину "тюрк", все же отметим, что к периоду раннего Средневековья огузы составляли достаточно обособленную и богатую своеобразием этнического развития конфедерацию племен, отличную как от токуз-огузов, так и от туцзюе.

В арабских источниках огузы отличаются от других тюркских племен и даже противопоставляются токуз-огузам (токуз-гузз), обозначаясь как гуззы. В китайских хрониках существовали совершенно четко представленные термины угу, вуху вуги, вугус, обозначавшие собственно огузов, которые по китайским источникам до VI в. обитали на востоке Тянь-Шаня, затем переселились на Иссык-куль, а начиная с VII в. волнами перебирались на нижнее течение Сыр-Дарьи, достигая до берегов Каспия и Арала, Северного Кавказа [Жан Чишиан - Жушичжен 1984, 115].

С.Агаджанов указывает, что в исторических судьбах огузских племен Средней Азии важным периодом явился конец VIII-начало IX вв., ставшие эпохой интенсивного складывания огузской конфедерации. Очевидно, вплоть до середины VIII в. основная масса огузов обитала в Семиречье. С падением Западно-тюркского каганата и захвата карлуками Семиречья в 766 г. огузские племена (тюргеши - В.М.) начинают перебираться на среднее, а затем и на нижнее течение Сыр-Дарьи.

В ходе ожесточенной борьбы с карлуками и другими восточнотюркскими племенами значительная масса огузов, оставив Джетысу стала уходить в Приаралье, где в ходе сложения огузской конфедерации была создана огузская держава с политическим центром в низовьях Сыр-Дарьи в конце IX - начале X в. [Агаджанов 1975, 11]. Этнически огузы X в. - результат дальнейшего развития скрещивания туземных приаральских племен массагетского и алан-ского происхождения с внедряющимися с востока элементами; в лице сыр-дарьинских огузов можно видеть этническое переоформление эфталитов, смешавшихся с тюркскими элементами, внедрившимися сюда из Семиречья в VI - VIII вв.

Ибн-Фадлан говорит о наличии в составе огузов, по крайней мере, западных, сильной кочующей аристократии, которая противопоставляет себя оседлому населению огузских городов [Толстов 1948,245].

В IX в. огузы были в составе Хазарского каганата, один из вождей огузов Селдджук поднял восстание, был разбит, бежал в низовья Сыр-Дарьи и там принял ислам, подчинившись караханидам.

К началу XI в. относится создание могущественной империи Сельджукидов, которая сыграла существенную роль в истории народов Средней и Передней Азии.

Не случайно Махмуд Кашгари, выдающийся энциклопедист XIв., в своем "Дивану лугат-ит тюрк" самое пристальное внимание уделил именно огузам подчеркивая, что в знании огузов есть особая нужда [МК 1,88], основу своего Словаря составил на огузской лингвистической базе, давая самую обширную политическую, этнографическую информацию об огузах. Родоплеменная структура огузского конгломерата во многом сходна с делением будуна у тюрков. Как видно из легенды об Огузе, огузские роды делились на два крыла - бузуков и учоков, причем , крыло бузуков имело более привилегированный статус, составляя правое, восточное крыло, которому принадлежало право наследования престола.

Турецкий ученый К.Ераслан, рассматривая структуру огузского общества, приходит к выводу , что в источниках *uḡ-oḡ* означало "внешние племена, пограничные племена" т.е. обозначало "внешних огузов."Что же касается термина *Buz-oḡ* , его следует читать как *Töz/tös-oḡ* "основные, центральные племена" [Ераслан 1987, 29].

Анализ родоплеменной структуры огузов в сравнении с другими племенами и союзами племен, дает основания полагать, что в IX-XI вв. термином огуз покрывался конгломерат связанных союзническими отношениями племен различного происхождения . Тогда огузы не представляли однородного в этническом плане массива. Так, огузские роды дюкер и язык являются, видимо, осколками древнего индоевропейского населения При-аралья - тохаров и яссов; огузские племена баяндур, баят, кай -по всем данным племена монголоязычного происхождения [Толстов 1948,245].

Названия ряда огузских родов сопоставимы с названиями самостоятельных монгольских племен, занимавших обособленное место в истории, к ним относятся, например, племена печенегов, кенджеков.

Печенеги, узы (торки, берендеи, турпей, каепичи, ковуи, бо-уты и проч.), и другие племена, известные по русским летописям под именем печенегов и черных клобуков, появившиеся в Восточной Европе в IX-X вв., т.е. еще до прихода кыпчаков (половцев), составляли северное и западное крыло огузов, основная масса которых находилась еще с VIII в. в бассейне реки Сыр-Дарья [Баскаков 1985, 26].

Огузы, продвигаясь на запад, пришли в Среднюю Азию в VIII в. и только в X в. часть северных огузских племен, в том числе печенеги, пошла далее на запад - через Урал и Волгу в Восточную Европу, где пришла во взаимодействие с булгарами, образовав смешанные огузо-булгарские объединения с языком, характеризующимся большим воздействием болгарского, а потом попала под сильное влияние пришедших сюда позже кыпчаков (современные крымские татары).

Другая часть огузов (южная и восточная), огузы-сельджуки, также двинулась на запад, но южным путем, через Иран и Малую Азию, образовав сначала Сельджукский союз, а позже Османскую империю и Азербайджан [Баскаков 1969, 1985].

Огузы, оставшиеся на Сыр-Дарье и Прикаспии стали тюркской основой народа туркмен, частью вошли в состав современных узбеков.

Кыпчакский союз

Имеется распространенное мнение, что отступление огузов с мест своего основного обитания - Сыр-Дарья на запад и на юг было вызвано давлением кыпчаков с севера. Произошедшие в XI в. этнографические перемещения выразились в том, что обширная степь, которую географы X в. называли "гузской" по имени огузов, стала называться кыпчакской (Дешт-и Кыпчак).

К кыпчакам и канглам перешло не только наследие огузов на Сыр-Дарье, но и наследие печенегов (также огузского происхождения) Южной России. На западе кыпчаки вошли в соприкосновение с русскими и западноевропейцами, которым были известны под именем половцев и команов [Бартольд, т.У, 99].

Вслед за огузскими племенами третьей крупной волной, пришедшей из Азии в Восточную Европу, были кыпчаки, которые, покорив часть оставшихся там племен булгар, хазар, узов, образовали новые племенные группировки, наследниками которых более позднее, уже после монгольского нашествия явились, с одной стороны, татары и башкиры, имевшие своей этнической основой кыпчако-булгарские группировки племен и родов, а с другой - караимы, кумыки, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, этнической основой которых был половецко-огузско-булгарский конгломерат родов и племен [Баскаков 1985, 27].

Кыпчакский союз IX-XI вв. занял обширную территорию, вступая в контакты с различными народами и получая от них различные имена: кыпчаки- половцы - куманы.

Этимологическое значение данных терминов, по мнению большинства специалистов может быть сведено, в конечном счете, к одному - "половый, бледный, желтый" [Немет, Соболевский, Крымский, Пономарев и др.]. Подробный обзор работ по данной проблеме см.: [Добродомов 1978].

Сведения о родоплеменном составе кыпчаков XI - начала XII вв. содержатся в трудах арабских авторов. Структура этнического состава кыпчаков была, как показывает анализ, сложной и неоднородной включала в себя, помимо собственно кыпчакского элемента, также печенежские, кимакские, куманские племена, отуреченные элементы иранского и финноугорского субстратного пласта [Кумеков 1988, 74].

В период IX-X вв. известий о кыпчаках в исторических источниках почти не имеется. Можно предположить, что в ранний период своей истории кыпчаки входили в состав крупного объединения кочевых племен, в котором главенствующую роль играли кимаки. Распространено мнение, что кимаки и кыпчаки - один и тот же народ (племя), и различия между ними сводятся к хронологии употребления этнонимов кимак// кыпчак, обозначавших одно и то же [Аристов 1897, 312; Бартольд, т. V, 549; Кумеков 1972].

Как указывает В. Бартольд, историческое значение кимаков состоит в том, что из их среды вышел многочисленный впоследствии народ кыпчаков, бывший первоначально лишь одним из племен кимаков [Бартольд т. V, 549]. По мнению И. Маркварта кыпчаки представляли собой отуреченную ветвь монголов [Marquart 1914].

Исследования казахских ученых последних лет по проблеме сопоставления этнических терминов кыпчак// кимак и происхождении племен, выступавших под этими именами, знаменуется гипотезой о протомонгольском (сяньбийском) происхождении кимаков, которые в XI в. внедряются в бассейн Иртыша, где на два столетия подчиняют своему влиянию обитавших там тюркоязычных кыпчаков и йемеков [Ахинжанов 1989,93].

Основываясь на положении о различном происхождении кыпчаков и кимаков и разной их роли в союзе кыпчакских племен, С. Ахинжанов пишет, что сложный этнический тип, названный под именем кыпчаков (половцев), представляет собой результат смешения западнодинлинского субстрата с некоторыми тюркоязычными телесскими племенами, уже в давний период истории они представляли этническое образование сложного происхождения, расово неоднородного, со значительной примесью европейской [Ахинжанов 1989, 88].

Выделяются 4 зоны обитания кимаков и кыпчаков к концу X в.:

1. Междуречье Ишима и Иртыша, Барабинская степь - были землею кимаков.
2. Области от Иртыша до Балхаша и Алакуля на юге, Восточный Казахстан - также были заселены, главным образом, кимаками.
3. Центральный Казахстан, на юге до низовьев Чу и Таласа, на западе по Сыр-Дарье до границ с огузами и Сасанидами - земля кыпчаков.
4. Предгорья Южного Урала (преимущественно юго-восточные) с прилегающими степями - населялись кыпчаками, отделившимися от кимаков [Ахинжанов 1989, 163].

В XI в. кыпчаки расширяют свои владения как на запад, так и на юг, в середине столетия они переходят Волгу и под именем половцев появляются уже в русских летописях.

Махмуд Кашгари указывает, что пограничными областями кыпчаков были на юге город Кенджек Сенгир близъ Тараза [МК, 1, 339], на востоке по Иртышу [МК 111, 22], на западе - по Волге (Итиль - название реки в землях кыпчаков) [МК 1,71], у него имеются также указания на то, что печенеги живут близъ Рума, а рядом с ними на востоке - кыпчаки [МК 1,64]. На карте мира, приложенной к "Дивану" Махмуда Кашгари как земли кыпчаков обозначены Арал и восточное побережье Каспия.

К концу XII в. кыпчакская конфедерация, как это было уже не раз в истории тюркоязычных племен, распадается на две крупные группировки, занимавшие соответственно долину Иртыша, Алтай и Тарбагатай (с центром в Сыгынаке) и на север от Арала до южных склонов Уральских гор.

Родоплеменная структура кыпчакской конфедерации была весьма неоднородной по составу, включала как тюркоязычные, так и пришлые из монголоязычной среды племена. Среди них на просторах Кыпчакской степи отмечаются племена собственно кыпчаков, канглов, печенегов и огузов, йемеков, ильбаров, югу-ров, башкир, ураней, или кай, киданей, баяутов и др. Причем, в объединении племен имелись не только процессы консолидации, но и постоянные племенные столкновения в борьбе за власть [Ахинжанов 1989,261].

Процесс дальнейшей консолидации в союзе кыпчакских племен был прерван монгольским нашествием. Большая группа разгромленных монголами кыпчакских племен была вынуждена бежать в разные стороны. Известно, что в 60-годы XII столетия правящая династия Мамлюкского двора в Египте и Сирии была представлена в основном выходцами из казахских степей - кыпчаками.

В послемонгольский период кыпчаки приняли участие в формировании казахского этноса, в качестве одного из основных его компонентов, участвовали в этногенезе узбекского народа, а также тюркоязычных народностей Восточной Европы татар,-башкир и проч.

В последние годы все большее распространение получает трактовка древней истории кыпчаков, связывающая их происхождение с судьбой с сеяньто китайских хроник, или сиров (сир-тардушей) тюркских надписей. Идея о гомогенности кыпчаков и сеяньто (сиров) была обоснована и выдвинута С.Г.Кляшторным, который на основе детального обзора китайских сведений и собственно тюркских данных, считал вслед за Г.Рамstedтом, что в Селенгинском камне впервые упоминаются кыпчаки, до этого в ТРП именовавшиеся сирами. Новое имя *qurşaq* "неудачный, пустой, злосчастный", по мнению ученого было принято сирами в качестве названия-оберега после крушения и истребления сиров уйгурами и китайцами при разгроме Второго Восточнотюркского каганата, во главе которого были тюрки (туцзюе) с сирами [Кляшторный 1986].

Сиры упоминаются, главным образом, в надписи Тоньюкука в сочетании *türk syr budun* "народ тюрков и сиров". Иркин сиров упоминается также и в памятнике из Ихе Хушоту, а также в надписи в честь Бильге-кагана, где более четко показан высокий статус этого племени и их высокое положение в этнополитической структуре каганата [Кляшторный 1986, 155].

Для уйгуров, давних соперников сиров, подмена древнего названия уничижительным прозвищем была как нельзя кстати. Предать забвению имя сиров, акцентировать их прозвище с уничижительным значением оказалось политически выгодным и необходимым, и вот в памятнике Элетмишу Бильге племя, делившее власть с тюрками, названо кывчаками [Кляшторный 1986, 161].

Об отождествлении сиров с сеяньто китайских источников, вернее с се, поскольку термин сеяньто обозначал, но всей вероятности, два племени, писали многие авторы. Ф.Хирт предположил, что сеяньто китайских источников именовались по-тюркски сир-тардуш [Нит. 1989].

Наиболее ранние сведения о племенах се и яньто, входивших в конфедерацию телесских племен, относятся к IV в., когда яньто (по И.Клюкину [1932] - ямтары тюркских надписей) упоминаются среди гуннских племен, поселившихся в степях восточнее Ордоса [Кюннер 1961, 4].

В конце VI в. по китайским источникам сеяньто проживают двумя группами на Хангае, где подвергаются притеснениям со стороны других телесских племен, и на территории между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными склонами Алтая находятся в подчинении Восточного и Западного тюркских каганатов.

В 630 г. сиры вместе с уйгурами разгромили Первый Восточнотюркский каганат и создали свой, однако уже в 647 г. были разбиты уйгурами и по данным китайских источников были уничтожены физически и рассеялись [Кюннер 1961, 46]. Отделение сеяньто в 630 г. привело к распаду союза теле и положило начало формированию конфедерации токуз-огузов во главе с уйгурами. Таким образом, при общем единстве телесских и токуз-огузских союзов племен, определяющим их статус и отличающим их друг от друга, было участие племени сеяньто в телесском союзе и его отсутствие в союзе токуз-огузов.

После распада телесского союза начинается история токуз-огузов с одной стороны, и союза тюрков и сиров, с другой.

Сиры в своем каганате во главе с династией Ильтэр после 630 г. подчинили токуз-огузов, а также енисейских кыргызов, у которых держали своего наместника эльтебера. Правитель Сирс-кого каганата Йенчу Бильге каган принял в своем государстве ту же административную структуру, что была в Тюркском каганате. Тогда же в Отыукенской черни сложился новый племенной союз - объединение сеяньто и тюрков при главенствующем положении сиров.

В 647 г. уйгуры подняли мятеж и с помощью китайских войск разгромили Сирский каганат, установив свое господство в степи.

Дальнейшая история сиров - это история племенного союза с тюрками, уже при главенстве тюрков. Вместе с тюрками они отвоевали Отыукенскую чернь и воссоздали второй тюркский каганат - страну тюрков и сиров. После второго и окончательного разгрома в 744 г. они вновь разделили судьбу тюрков.

Однако судьба этнических названий была различной. Этноним тюрк не только сохранился, но и возродился как политический термин, утратив прежнюю этническую принадлежность. Этноним же сир после 735 г. не упоминает ни один известный источник, но уже во второй половине VIII в. в руническом тексте и в первом арабском списке тюркских племен появляется этноним кывчак//хыфчак [Кляшторный 1986, 159-160].

Сиры во Втором тюркском каганате не составляли царствующего рода, но все же играли важную роль в его политической структуре, вероятно, вторую, после рода Ашина.

В этом смысле интересной представляется версия А.Зуева, согласно которой Тоньюкук, наиболее последовательно упоминавший сиров, представлял собой материнскую (катунскую) фратрию тюрков-иров (или широв), хотя по общепринятой версии Тоньюкук был из рода Ашиде. Причем, термин сир//шир, по мнению А. Зуева воспринимается как безукоризненная индоиранская калька слова арслан: sir // ser "лев" [Зуев 1970, 78].

Таким образом, этническая история племенного союза кыпчаков имеет весьма сложную стратиграфию, перекрещиваясь с историей других союзов и конгломератов, в том числе с историей наиболее могущественных группировок - тюрков-туцзюе и уйгуров.

Кыргызы

Разгром Уйгурского каганата в 840 г. был осуществлен енисейскими кыргызами. После победы над уйгурами кыргызы перешли через Западные Саяны и вышли на просторы Центральной Азии. Впервые народ северного происхождения, создавший высокую культуру в бассейне среднего Енисея, стал играть решающую роль в регионе.

С падением Уйгурского каганата связано два важнейших события в культуре народов Южной Сибири: во-первых, окончательное формирование кимако-кыпчакского этнического конгломерата, во-вторых широкое расселение енисейских кыргызов. Государство енисейских кыргызов было полиэтническим образованием, получившим свое название по имени ведущего племени. Центр этого государства находился в Минусинской котловине, западная граница распространения кыргызов почти вплотную примыкает к Восточному Тянь-Шаню [Савинов 1978]. Как указывает Л.Гумилев, культура енисейских кыргызов, равно не похожая ни на тюркскую, ни на уйгурскую, занимала, как бы третью вершину равностороннего треугольника, представляющего, тем не менее, единую целостность, гармоническую сопряженность непрекращающейся борьбы, обуславливающую общее развитие.

Будучи формально подчиненными поочередно тюркским и уйгурским каганам, кыргызы, тем не менее, сохраняли свою государственность. Разгромив Уйгурский каганат, кыргызы заняли северо-западную Монголию, а после перемещения уйгуров (то-куз-огузов) в Восточный Туркестан и Южную Джунгарию, некоторое время соперничали с ними в борьбе за земли и города Восточного Притяньшанья. Западным соседом кыргызов стало государство кимаков и кыпчаков, граница между ними установилась в степных предгорьях Северо-западного Алтая. После распада союза кимаков и кыпчаков, кыргызы распространили свое влияние на Алтай, Прииртышье, Приобье. Правда, часть кыргызов, отделившаяся от основного этнического массива и ушедшая на запад, была ассимилирована в кимако-кыпчакской среде, лишь сохранив этническое наименование "кыргыз" внутри иной по этническому составу группе племен, что объясняется широким распространением термина кыргыз, имевшем к тому времени уже политический характер [История Кирг ССР, 1987, 42 /].

Рассматривая вопрос о распространении этнотермина "кыргыз" С.М.Абрамзон писал:"Подходя к этому сложному вопросу диалектически, следует сказать, что если до X-XI вв. географическое распространение имени "кыргыз" было значительно шире того этнического ядра, для которого это имя было этническим самоназванием, то после XI в., наоборот круг племен, вовлеченных в процесс кыргызского этногенеза был значительно шире той территории, к которой непосредственно был привязан этноним "кыргыз" [Абрамзон 1971, 22].

По мнению Л.Кызласова очевидно, что кыргызы в У1-X вв.представляли собой не особый народ, а издревле смешанный по происхождению аристократический род, входивший в тюркоязычное ядро древних хакасов, от которого не отличался ничем в этническом и культурном отношениях, за исключением своего родового самоназвания [Кызласов 1968].

Кыргызы были руководящей родовой группой среди хакасов, из состава которых выходили беки, возглавлявшие каждое из древнехакасских племен, тогда как ханы назначались из рода "кыргыз" [Кызласов 1968,91)

Термин "кыргыз" - один из наиболее ранних, встречаются в китайских источниках. Известия о кыргызах упоминаются еще в связи с событиями эпохи хуннов. По мнению В.В. Бартольда кыргызы представляли собой один из примеров народа, первоначально, по всей вероятности, нетюркского происхождения, лишь впоследствии подвергшегося отюречиванию [Бартольд. Соч., т.У, 42; Менгес 1979].

Употребление в западноевропейских, арабских и персидских источниках, а также в тюркских рунических надписях термина "кыргыз" применительно к объединению племен, связано с политическим значением, которое термин приобрел в качестве самоназвания царствующего рода. Имя кыргыз особенно в эпоху кыргызского самодержавия имело не столько этническое, сколько политическое содержание и обнимало значительные группы племен [Абрамзон 1971,21].

В китайских хрониках был еще один термин - хакас, имевший более широкое значение, чем кыргыз и бывший, по мнению Л.Кызласова и точнее, ибо охватывал все разрозненные племена, в том числе и кыргызов, входивших в древнехакасское государство [Кызласов 1968, 90]. В составе кыргызского союза племен упоминаются кроме собственно кыргызов, также и багишы, бугу, адигеи, мундусы, сары, кушчи, сагай, йети бори, кизай, челяй, юбок, жагдан [Энвэр Байтур 1986,94].

Что же касается роли древних кыргызов в судьбе современного народа кыргыз, существует несколько мнений по этому поводу:

- 1.Кыргызы проживали исконно на Тянь-Шане до новой эры, и часть их некогда переселилась на Енисей [Ч.Валиханов, А. Маргулан]
- 2.Кыргызы проживали на Тянь-Шане до новой эры под именем уйсуней [Н.Аристов]
- 3 .Часть кыргызов переселилась в первом веке новой эры или на рубеже нашей эры с Енисея на Тянь-Шань в составе гуннов и пополнилась оттуда дополнительными группами в последующие времена [А.Бернштам].
- 4.Кыргызская народность формировалась на базе енисейских кыргызов, переселившихся на Тянь-Шань в I-X вв. [В.Рад-лов,©.Караев].
- 5.Кыргызы переселились на Тянь-Шань в период монгольского нашествия, или несколько позднее [В.Бартольд,Г.Грумм-Гржимайло]
- 6.Формирование кыргызской народности на Тянь-Шане происходило на основе трех этнических компонентов: местного уйгуро-карлукского , пришедшего монгольского, пришедшего на Тянь-Шань после XI в., и также пришедших племен верховий Енисейско-Иртышского междуречья, основное ядро которых составляли кыпчакско-кимакские группы, ассимилировавшие родоплеменные группы кыргызов [К.Петров].
7. Современное решение проблемы этногенеза кыргызов сводится к следующему: основу кыргызской народности составляли местные тюркоязычные племена, в состав которых вошел центральноазиатский и южносибирский компонент. Древний этноним "кыргыз", приобретший в средневековье широкое этнополитическое значение закрепился за коренным населением Тянь-Шаня и сохранился в самоназвании народности. Енисейские кыргызы не являются прямыми и непосредственными потомками кыргызского народа, на их этнической основе сложилась хакасская народность [История КиргССР, ч.1, 1984).

Такова в наиболее общих чертах картина этнической истории тюркоязычных племен древности. Процессы этнической истории находятся в прямой зависимости и в связи с *процессами политогенеза*, который проходил в трех этнографически зафиксированных главных путях, определяемых с достаточной долей условности, как военный, аристократический, плутократический, имея в виду, что едва ли существовали "чистые" формы политогенеза, свободные от взаимовлияния и скрещивания.

Историки уже для более позднего этапа разложения первобытно-общинного строя в качестве типичной особенности выделяют укрупнение и усложнение единиц надобщинного уровня, когда на первый план все больше выступает племя, причем с усилением его социально-потестарной функции, тогда как этническая функция племени все более оказывается моментом второстепенным [История первобытного общества 1989, 227).

С другой стороны, потестарно-политическая надстройка уже выступает в качестве этноконсолидирующего, вокруг которого происходит этническая консолидация, и, таким образом, потестарно-политическая структура в целом воздействует на этнический процесс, на его характер и результаты (Куббель 1982, 128].

Особенно ярко проявляется это воздействие в случае этнокультурных контактов между племенами, относящимися к одной языковой семье. Такие контакты приводят к образованию надплеменной организации, при которой уже не *племя*, как таковое, а группа племен выступает в виде определенной этнической общности, определяемой как метаплемя [Бромлей 1983], или соплеменность [Арутюнов 1982].

Уже на уровне такого союза племен осознание собственной принадлежности к данному союзу существует у членов, входящих в него племен, параллельно с осознанием своей принадлежности в этническом плане к тому, или иному из племен, образующих данный союз, и притом, вероятнее всего, сильнее было именно это, последнее самосознание [Куббель 1982, 143], и, таким образом, развитие процессов этнической консолидации, в ряде случаев является своеобразным диалектическим отрицанием этнического разделения.

Для тюркского мира указанные процессы были особенно актуальными в древнетюркскую эпоху, которая определяется как эпоха оформления крупных этнических объединений [Грач 1966, 193], в рамках которых был создан ряд государственных образований и завершен процесс становления классов и классового общества в кочевой среде Центральной Азии.

Рассмотренные выше союзы племен представляли собой подобные объединения, внутри которых шли интенсивные и противоречивые этноконсолидирующие процессы, знаменующиеся смещением центростремительных и центробежных направлений развития, когда в противовес родоплеменному партикуляризму и сепаратизму в полной мере проявляется и идея общности в рамках союза, или государства.

Основные этапы политической истории

Как справедливо указывает Н.А.Баскаков, "развитие государственных образований почти всех тюркских народов во все времена было обусловлено усилением какого-либо одного племени и объединения вокруг этого племени более слабых в экономическом и политическом отношениях. Этот процесс объединения и усиления образовавшихся союзов племен был неразрывно связан с взаимодействием культуры данного союза племен с племенной культурой соседнего, или покоренного иноплеменного народа, сопровождавшийся также и взаимодействием языков" [Баскаков 1985, 123; см. также: Аристов 1897, 11].

В разные периоды истории тюркоязычных народов на политическую арену в качестве главенствующего выступали разные племенные объединения (союзы), хотя главным образом, поли-тогенез тюркоязычных племен может быть ограничен рамками указанных выше четырех племенных группировок.

У истоков тюркского политогенеза стоит Тюркский каганат. Началом его стало не просто возвышение племени тюрк во главе с родом Ашина, а создание первой Евразийской империи, простиравшейся от Маньчжурии до Византии.

В столь широких пределах империя просуществовала менее полувека, однако и после ее распада уже не было возврата ни к политическому вакууму, ни к децентрализованной государственности, ни к парцеляризации этнических процессов [Кляшторный 1973, 255].

Становление тюркского государства вызвало кардинальные этнические перегруппировки в Центральной и Средней Азии. Родоплеменные объединения, некогда входившие в состав гуннов, а потом аваров (жуань-жуаней), оказались втянутыми в сферу экономических, политических и межплеменных отношений тюркского каганата, другие, наоборот, оказались вытесненными с прежних территорий. Все это послужило причиной ¹ определенных этнических трансформаций одних племен и локальной разобщенности других [Зуев 1967, 109].

Тюркская государственность создавалась не на пустом месте. Архаичные гуннские империи, жуань-жуаньский каганат в рамках почти тех территорий предшествовали государственности тюрков.

"Облик и общий уровень цивилизаций, возникших в результате интенсивных процессов классообразования в древнетюркском обществе и создание тюркскими племенами первых государств определяют:

а) унаследованные социокультурные и материальные комплексы, традиционные для евразийских степей уже в дотюркский период;

б) заимствованные и адаптированные социально-политические и идеологические представления, производственно-художественные приемы;

в) новации, возникшие в самой древнетюркской среде ¹ "[Кляшторный 1987-6, 58].

Все эти социокультурные моменты, игравшие определяющую роль в истории древнетюркского общества, в значительной мере отразились на формировании древнетюркской ономастической системы, поскольку в ономастике отражается культура во всех ее проявлениях. Политическая история рассматривается в данном исследовании лишь в тех аспектах, в которых они имеют отношение к вопросам формирования и функционирования системы имен собственных, а именно: вопросы этноструктуры и состава государственных образований (отношения племен и соплеменностей), политической структуры (структура власти - с точки зрения функционирования титулатуры и отражения титулов в ономастике) и этнокультурных контактов.

Тюркский каганат

Тюркский каганат возник на территории Монголии в 551 г., в течение первой половины VI в. достиг апогея своего могущества, подчинив теле (токуз -огузов), киданей, «ыргызов, разгромив эфталитов, подчинив своему влиянию Поволжье, Приуралье и включившись в систему политико-экономических отношений крупных государств того времени - Византии и Сасанидского Ирана.

В 582-603 гг., раздираемый внутренними противоречиями, вызванными острейшим социально-политическим кризисом и междоусобицей, которые совпали со страшным голодом в степи, Первый тюркский каганат распался окончательно на Восточный и Западный каганаты, между которыми велась изнурительная борьба. В 630 г. в момент максимальной внешней экспансии Танской империи Восточнотюркский каганат был разгромлен и до 683 г. был лишен самостоятельности. На его месте возник сначала сеяньтосский каганат (630-647 гг.), а потом Первый уйгурский каганат (647-683 гг.) [Кляшторный 1988; Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье 1988, 306]. Главной ударной силой, выступавшей против тюрков-туцзюе вместе с танцами были тюркоязычные телесские племена (сеяньто, уйгуры, байирку).

В 679-687 гг. восточные тюрки в результате упорной борьбы за независимость с Китаем и против телесских племен вновь восстанавливают свою государственность в Монголии и добиваются могущества, но в 744 г. объединенные силы уйгуров, бас-мылов и карлуков вновь и уже безвозвратно разгромили восточных тюрков.

Конец VII в. знаменуется поражением и Западного тюркского каганата, уже подчиненного китайскому двору, племенным союзом тюркешей.

Такова в общих чертах история Тюркского каганата, возглавляемого союзом племен во главе с царствующим родом Ашина.

Этнополитическая структура Тюркского каганата перекрещивалась его военно-политической организацией и базировалась на так называемой, дуальной системе - правого и левого крыла. Впервые появившись в законченной форме на первых этапах империи гуннов дуальная система организации общества в дальнейшем получила развитие в тюркских каганатах.

Верховная власть в каганате концентрировалась на кагане - высшем правителе государства, а также шаде и ябгу, возглавлявших соответственно восточное и западное (правое и левое) крыло каганата. Все трое относились к царствующему роду Ашина, причем шады были принцами крови - тегинами, а ябгу - были вторым лицом после кагана, т.е. вице-каганами. Жена кагана именовалась катун, вожди крупных подчиненных племен (карлуков, кыргызов, уйгуров) назывались эльтеберами, вожди более мелких племен иркинами, чорами.

Кроме того, в политической структуре тюркского каганата функционировали и такие значимые элементы, относящиеся к знати, как тархан, тудун, бага, бойла, буюрук и проч., выполнявшие разные функции в обществе. Есть предположение, что в общем у тюрков было более 25 должностных званий, бывших как правило, наследственными [История Киргизской ССР 1984, 260].

Право на верховную власть в каганате имели только представители царствующего рода Ашина. Отсюда можно предположить, что система власти и престолонаследия в каганате основывалась на аристократическом пути политогенеза, заключавшегося в том, что верховная власть узурпировалась и включала не только абсолютное политическое, но и военное и идеологическое руководство обществом, что обуславливало особенно широкое распространение сакрального права на власть и ее божественное предназначение лишь для одного рода [История первобытного общества 1989, 235].

Принадлежность к правящему роду Ашина давало право не только на верховную власть, но и особое право на установление мемориальной стелы.

Так, Е.Войтов выделяет три вида мемориальных стел:

1.Стоящие на каменных черепахах со скульптурным драконовым навершием - поставлены в честь каганов Таспара, Кюль тегина, Бильге кагана;

2.Стоящие на черепахах, но без навершия - в честь родственников каганов - ябгу и шадов;

3.Стоящие на простых подставках и без наверший - в честь Тоньюкука из рода Ашиде и Кули-чура, вождя тюргешей [Войтов 1989, 44].

Существовавшая особая удельно-лествичная система в политической организации тюркского каганата [Гумилев 1959] предполагала строго регламентированный порядок престолонаследия, любая попытка нарушить этот порядок даже в рамках рода Ашина требовала особых усилий, имевших характер переворота. Что же касается прихода к власти представителей другого племени -то это могло произойти лишь в результате войны и смены политического устройства.

Основой общества был будун, который делился на два крыла -правое крыло толесов, занимавших более привилегированное положение, и левое крыло тардушей.

Эти две части тюркского демоса (будуна) состояли из разных племен и племенных союзов имели политико-административный статус, но ни в коем случае не этнический [Клюкин 1932; Гумилев 1959], поэтому представляется неправомерным отнесение толесов и тардушей к племенам, наравне с уйгурами, карлуками и проч.

Структура Западнотюркского каганата была сложнее, хотя в его политической системе были сохранены основные элементы: трехчленная верховная власть , разделение территории каганата и его населения, называвшегося он ок будун "десятистрельный народ", на два крыла,состоящее из 5 племен каждое: крыло нушиби (тардуш), возглавляемое иркинами и крыло дулу (толес-), которыми правили чоры.

Официальным титулом правителя ЗТК из династии Ашина был "каган народа десяти стрел", или тюркский ябгу-каган.

Выделение десяти стрел в ЗТК декларировалось еще при Истеми, первом ябгу-кагане, который сам объявил себя каганом, назвавшись "десятиплеменным" [История Киргизской ССР 1984, 222, со ссылкой на Ю.Зуева].Позднее эта дифференциация приобрела уже политический характер, и на последующих этапах истории ЗТК не только каждое крыло

он ок будуна, но и каждая конфедерация в составе дулу и нушиби приобрела независимый статус, что привело в конце VII в. к фактическому разделу ЗТК и приходу к власти в 704 г. тюргешской династии, одного из племен дулу. Тюргешский каганат, который рассматривается учеными, как заключительный, третий этап истории ЗТК [История Киргизской ССР 1984, 239] к середине VIII в. пал под натиском карлукских племен, внедрившихся к этому времени в Семиречье.

После падения ЗТК тюркская государственность на его территориях получила развитие в рамках четырех государственных образований: Хазарского каганата в Нижнем Поволжье и Северном Кавказе, государстве огузов на Сыр-Дарье и Приаралье, ки-макского каганата в степях Северного и Восточного Казахстана и карлукских ябгу на территории Семиречья и Тянь-Шаня.

Уйгурский каганат

Как известно, политическая история уйгуров (токуз-огузов) представляет собой прерывистую линию государственных образований, которые возглавлялись ими.

Уйгурские рунические надписи, в особенности Терхинская и Тэсинская, не раз отмечали, что уйгурское государство, возникшее на месте ВТК в 744 г., возродило уже ранее существовавшие государственные традиции, при этом особо подчеркивалось, что титул кагана не "присвоен" правящим родом уйгуров - Ягла-карами, а усвоен ими от предков. Там же отмечаются периоды подчинения уйгуров иноплеменникам (тюркам-туцзюе и сирам) в определенные периоды истории [Кляшторный 1980, 1983, 1987-в; Малявкин 1979].

Сопоставление историографических частей трех уйгурских надписей (Тэсинской, Терхинской и из Шине -усу) позволяет следующим образом обрисовать общую концепцию древних уйгурских историографов: первое уйгурское государство возникло вскоре после сотворения мира и просуществовало 200 (300 ?) лет, центром его были Отюкенские горы и долина реки Селенги (или долины трех рек- Селенги, Толы, Орхона).

После крушения царства наступил столетний периода упадка и иноплеменного господства, затем благодаря подвигам вождей из рода Яглакар, уйгурский эль был возрожден и просуществовал еще 80 лет, потом снова был разрушен из-за внутренних распрей и смут, предательства вождей бузуков. Упадок эля и господство над уйгурами иноплеменников (тюрков и кыпчаков) длилось 56 лет.

Наконец, Кюль Бильге Каган и его сын Элетмиш Бильге Каган в ' | третий раз возродили уйгурское государство в Отюкенских горах в 744 г. [Кляшторный 1987-в].

Уйгуры на протяжении нескольких столетий играли ведущую роль в судьбах Центральной Азии. Даже находясь в подчинении у других, они оставались ведущей военной силой, с которой приходилось считаться, услугами которой приходилось пользоваться.

Наиболее значимым в истории уйгуров был период их властвования в рамках Уйгурского каганата в 744-840 гг. в Центральной Азии. Уйгурский каганат сыграл решающую роль в судьбах Центральной Азии, большей части Средней Азии и Восточного Туркестана. Уйгуры были вовлечены во внутреннюю политическую жизнь Танской империи, играя в ней ведущую роль в подавлении антитанских восстаний. Участвуя в подавлении антитанских восстаний, уйгуры решали также и свои глобальные задачи: были уничтожены с помощью танских войск, включавших огузские отряды, наиболее боеспособные отряды тюркских войск, ранее находившихся на службе у Тан, и тем самым ограждены от опасности южные рубежи своего государства.

Уйгурам приходилось вести войну и с Тибетом за право владения над Восточным Туркестаном. В результате победы над тибетцами было окончательно восстановлено уйгурское влияние в Восточном Туркестане, сыгравшее позднее, уже после разгрома Уйгурского каганата в 840 г., решающую роль в судьбах этого края.

Выделяется несколько этапов непрекращающейся борьбы с кыргызами, в ходе которой, на начальных этапах уйгуры одерживали победу, что вынудило кыргызов признать сюзеренитет уйгуров, хотя и без вхождения в состав каганата.

На последнем этапе, в 820-840 гг. война с кыргызами закончилась крушением Уйгурского государства в Монголии, в результате чего уйгурские (токуз-огузские) племена бежали из Северной Монголии в нескольких направлениях, основными из которых были южное и западное - к Великой китайской стене и в Ганьсу а также в Восточный Туркестан. Переселение большей части уйгуров во главе с династией Яглакаров в Таримский бассейн после распада УК знаменовало перемещение центра древне-уйгурской государственности из бассейна Орхона и Селенги в западную часть сферы влияния уйгурских каганов. С городами Таримского бассейна и Джунгарии связана вся последующая история уйгуров [Камалов 1990, 14]. Политико-административное устройство Уйгурского каганата базировалось на традиционных принципах, имевших место как в Тюркском каганате, так и раньше него.

Вместе с тем, уйгуры построили свою державу совсем на иных формах и структурах власти, и причины для этого были весьма веские. Основу каганата составлял союз равноправных племен -токуз-огузов, и хотя Яглакары и старались сакрлизировать свое право на верховную власть, это не всегда удавалось, и потому известны случаи прихода к власти басмылов в 744 г., в самом начале существования УК, и эдизов на последнем этапе истории УК. Этим и объясняется постоянная междоусобная борьба в рамках племен самого каганата, а также с бывшими союзниками -карлуками, которые вместе с тюргешами были одним из самых главных внутренних врагов Уйгурского каганата.

Структура власти в УК была традиционно трехступенчатой и состояла из каганского рода Яглакаров, великих буюруков (три внутренних и шесть внешних министра) и тутуков - глав племен.

Буюруки назначались из царствующего рода, кроме того, для руководства 9 токуз-огузских племен был создан институт тутуков, которые были наделены властью на местах. Деятельность как буюруков, так и тутуков контролировалась царским домом. Возможно, что буюруки представляли собой девять вождей собственно уйгуров, во всяком случае, один из буюруков был из Яглакаров [Камалов 1990, 11]. Тутуки же назначались для руководства остальными племенами уйгурской (токуз-рогузской) конфедерации, которую составляли племена уйгуров, баргутов,

гун байирку, тонра, изгилей, кибаров, басмилов и карлуков, причем если собственно уйгуров (роды и племена яглакар, кур-таргар, деримар, байирсик, абдал, касар, когурсу, авургар, сабар) связывали близкородственные отношения, то в основе токуз-огузской конфедерации были военно-политические системы связей и отношений [Уйгур тарипи 1986,41].

Кроме института верховной власти в каганате функционировала также и родоплеменная верхушка. В зависимости от статуса того или иного племени в союзе вождь племени получал титул эльтебера или иркина.

В военно-административной системе УК сохранилась также система верховного правления: каган - ябгу - шад(предводитель войска подчиненных племен) - апар (предводитель отряда) - таркан (важный военный чин) - тамгач (хранитель печати) и проч. Существовали также и другие должностные обязанности, причем ряд из них обозначался заимствованными китайскими терминами, типа сангун, сима и проч.

Таким образом, военно-административная система в УК несколько отличалась от системы ВТК, что объясняется, видимо, тем, что УК , в отличие от тюрков-туцзие свою государственность строил в большей степени на принципах военной демократии, хотя важнейшие элементы аристократического пути политогенеза , в основном, сохранились.

К концу IX в. УК, раздираемый внутренними противоречиями, на которые наложились и стихийные бедствия, происходившие одно за другим, в течение нескольких лет, ослабленный бесконечными войнами с Тибетом, карлуками, тюргешами и кыргызами, был разбит последними и прекратил свое существование, причем на последнем этапе истории УК у власти в каганате стояли уже не яглакары, а эдизы.

О дальнейшей судьбе уйгуров китайские источники сообщают, что они бежали в трех направлениях. Об основных путях распространения уйгуров(токуз-огузов), о характере и причинах их разделения на три основные группировки, имеются разные мнения [см. .Малявкин 1983, 1989; Уйгур тарипи 1986, Ка-малов 1990 и др.].

Как бы то ни было, уйгуры и союзные им другие токуз-огузские племена, откочевавшие, главным образом, на юг и на запад, в Восточный Туркестан, бывший им подчиненным, сумели создать здесь ряд новых государств, крупнейшими из которых были Ганьчжоуское княжество (902-1028 гг.), Турфанское княжество (вторая половина IX в.- конец XII в.)

в.), Караханидское государство, а также ряд мелких и недолговечных княжеств [Малявкин 1983, Восточный Туркестан в древности и Средневековье 1988, Уйгур тарихи 1986 и др].

Турфанское княжество

Наиболее крупным и существовавшим дольше всех государственных образований уйгуров после разгрома УК в Монголии было Турфанское княжество. В Турфан уйгуры, возглавляемые Буку -чином, пришли в 866 г. и, разгромив здесь тибетцев, стали хозяевами положения во всем Восточном Притяньшанье. Так было положено начало новому уйгурскому государству Кочо, первыми столицами которого были Бешбалык и Куча, а позднее Гаочан (Кочо-Турфан).

Немногие из сохранившихся фрагментов коллофонов манихейских и буддистских уйгурских памятников позволили установить, что уйгурские государи Кочо (очевидно, через некоторое время после завоевания) перестали именовать себя каганами. Их полный титул восстанавливается как "Арслан Бильге Тенгри Илиг Идикут". Не исключено, что слово арслан "лев" осознавалось позднее, как родовое имя турфанской династии [Кляшторный 1988, 41]. По мнению А.фон Габен титул Арслан был тюркской калькой местного титула среднеиранского происхождения [Gabain 1982, 190].

Есть предположение, что верховный титул идикут "священное величество" был перенят уйгурами у переселившихся сюда ранее басмылов [Бартольд т.У, 50; Малявкин 1983, 63].

Важной особенностью Турфанского княжества, отличавшей его от предыдущих государств, созданных тюркоязычными племенами, заключалась в том, что по составу и образу жизни его население было неоднородным, состоявшим из противоположных хозяйственно-культурных комплексов - кочевого и оседлого, представленного соответственно племенами тюркоязычного , в первом случае, и ираноязычного - во втором. Кочевники, возглавившие государство, вели борьбу за подчинение оседлых племен и народов. Оседлая, разноплеменная часть государства, в которой проходил медленный, но непрерывный процесс тюркизации, сопровождавшийся также и процессом оседания кочевников, проживала, в основном, к югу от отрогов Тянь-Шаня, а кочевая - к северу от хребта [Малявкин 1983, 189; Баратова-Исхаков-Масанов 1986, 22].

В рамках Турфанского княжества уже сложилась и в определенной степени консолидировалась уйгурская народность, которая включала не только кочевников, но и оседлых жителей, в том числе тюркизированных аборигенов Турфана. Для определения своего этнополитического статуса население страны пользовалось термином "он уйгур", а край этот назывался Уйгуристан. Соседние страны также определяли Турфанское княжество, как страну уйгуров [МК 1, 113.]

Наличие двух противоположных укладов, скорее всего, наложило свой отпечаток на систему управления в государстве. Непосредственное отношение к Турфанскому княжеству имеет сообщение Гардизи о том, что у токуз-огузского кагана было девять визирей, их вероятно, можно сопоставить с тремя "внутренними" и шестью "внешними" буюруками УК [Восточный Туркестан в древности и Средневековье 1988, 342].

Буюруки и тутуки осуществляли административное руководство в государстве, являясь прямыми ставленниками верховного правителя.

Первоначально титулом верховного правителя Кочо были каган, затем хан, елиг хан, тенгрикан, впоследствии смененные на титул идикут. Причем, смена титула не повлекла полного забвения прежних названий, и были возможны сочетания типа *İdikut Tengri qagan* [Gabain 1974, 69]

Сохранились также и титулы вождей уйгурских племен - эль-тебер и титул принца крови - тегин. Можно также назвать и титулы тархан и бек, причем, последний приобрел в идикутстве значение титула, или ранга, в отличие от Тюркского и Уйгурского каганатов, в которых он означал просто представителя знати в обобщенном значении. Среди других титулов и санов см.: еши "спутница бека", айгучи "царский советник", тойин и проч. [Gabain 1974].

Вся эта номенклатура титулов, рангов и должностей в Турфанском княжестве еще не получила своего детального освещения, что же касается более или менее подробных сведений об административном устройстве идикутства, то многовековая история его плохо отражена в исторических источниках [см.: Gabain 1974, Малявкин 1983, Восточный Туркестан в древности и Средневековье 1988].

Караханидское государство

Одним из самых мощных государственных образований, созданных тюрками в средние века было государство Караханидов, возникшее как естественное следствие развития тюркской государственности.

Средневековые арабские и персидские авторы называли династию Караханидов "ал-хакания", "ильханы", "дом Афрасиаба".

До сих пор нет единого мнения о происхождении "дома Караханидов". Имеется семь гипотез относительно происхождения династии. Ж.Дегинь, Х.Френ относили Караханидов к уйгурам, Ф.Гренар и Эд.Шаванн - к карлукам, В.В.Григорьев - сначала к уйгурам, потом к карлукам, В.В.Бартольд ограничил круг поисков тремя племенами (карлуки, чигили, ягма). Теперь уже ясно, что и чигили, и ягма, а также тухси входили в карлукскую конфедерацию и их история неразрывна [Кляшторный-Колесников 1988, 44]. Хотя, как указывает В.В.Бартольд передовая ветвь токуз-огузов - именно поколение ягма в конце IX или начале X в. уже владела частью Восточного Туркестана с Кашгаром.

Караханиды и их народ происходили из токуз-огузов [Бартольд т.V, 273]. По сведениям Ал-Масуди видно, что Караханиды происходили из среды карлуков, а предками "кагана каганов" были Афрасиаб и Шана (Ашина). Происхождение из рода Ашина позволило карлукским вождям одеть в легитимное одеяние ту реальную власть, которой они располагали, и отбросив старый титул ябгу, принять верховный титул кагана. Первым каганом в 840 г. был родоначальник караханидской династии и прежний ябгу карлуков Бильге Кюль Кадыр-хан [Кляшторный 1988, 46].

Два сына первого кагана Базыр Арслан-хан и Огулчак Кадыр-хан впервые реализовали дуальную систему власти, которая позднее была подведена под фактическое положение дел • разделение власти в каганате между знатью двух племен - чигилей и ягма, что отразилось внешне в разделе империи на две части: восточную и западную.

Верховным считался восточный каган, имевший ставку в Ба-ласагуне и носивший титул Арслан Кара хакан - из чигилей. Западный каган - соправитель, носивший титул Богра Кара хакан, был из ягма и имел ставку в Таразе, позднее в Кашгаре.

По мнению О.Прицака, такая организация верховной власти отражала дуальную организацию карлукских племен, и титулы каганов соответствовали онгонам двух главных племенных групп карлуков: Арслан - чигилей и Богра - ягма [Рпгзак 1950, 210]

Своеобразие периода X - XII в. заключалось в том, что к этому времени Средняя Азия, Семиречье, Кашгария обрели новое этническое лицо, новую социальную и экономическую структуру, новый тип духовной культуры [История Киргизской ССР 1984, 296, со ссылкой на О.Прицака].

С.Г.Кляшторный отмечает, что на основной территории Караханидского государства, т.е. в Кашгарии, Семиречье, Фергане на протяжении трех с половиной веков, по мере складывания здесь феодальной государственности и приобщения тюркских племен к оседлой, прежде всего к городской цивилизации, оформлялась надплеменная этническая общность с единым общеупотребительным языком и единой письменной культурой. Создание этой этнической общности было прервано монгольским нашествием, изменившим этническую ситуацию [Кляшторный 1970, 21].

Эпоха Караханидского каганата знаменовалась значительными социально-экономическими и этнокультурными процессами, в результате которых в определенной степени изменилась этническая и культурная картина тюркского мира. Понятие "тюрк" в эту эпоху приобрело уже не только политическое, но и чисто культурологическое значение и определяло общность племен, говоривших на схожих языках и имевших общее прошлое. Жители Кашгара, одной из столиц государства, говорили на хаканийско-тюркском языке, который противопоставлялся Махмудом Кашгари другим племенным языкам. Правда это противопоставление средневекового ученого носило скорее корректирующий характер.

Так, наряду с самым легким языком огузов, Махмуд Кашгари выделяет и самый лучший язык ягма и тухси, и самый ясный, самый красноречивый - язык хаканийский. Этим языкам он противопоставляет "порченные" языки населения городов аргу, от Исфиджаба до Баласагуна (МК 1,29). Другой величайший автор той эпохи Юсуф Хас Хаджип свою поэму "Кутадгу билиг" создал также на языке хаканийско-тюркском.

Таким образом, Караханидское государство сыграло решающую роль в судьбах как тюркоязычных, так и других народов и племен Центральной и Средней Азии, значительной части Восточного Туркестана. Караханиды сокрушили Саманидов, стали грозной силой, противостоящий газневидам на западе и уйгурам-буддистам на востоке, завоевали Хотан и Мавераннахр. В XII в. Караханидское государство, как и Турфанское княжество попало в вассальную зависимость от переселившихся с востока киданей, получивших *название кара-китаев*, а в первой трети XIII в. оказалось под властью монголов.

Некоторые аспекты аккультурации древних тюрков

Основные этапы этнокультурной истории тюрков связаны тесно с весьма интенсивными процессами этнокультурных контактов тюркоязычных племен не только между собой, но и со многими племенами и народами иной языковой и культурной традиции, под влиянием которых происходили многие важнейшие процессы этнокультурного развития тюрков.

"Для трансформации духовной культуры, мировоззренческих ориентации чрезвычайно большое значение имеют помимо социальных факторов и этнокультурные контакты, политическая конъюнктура, развитие торговли, деятельность миссионеров, соответствие ценностных ориентации условиям жизнедеятельности" [Баратова-Исхаков-Масанов 1986, 21]. Все эти аспекты имели место в той или иной степени в истории тюркского мира. Центральноазиатские, среднеазиатские и восточнотуркестанские места обитания тюрков и их государственных образований пронизывал Великий шелковый путь, и естественно, здесь происходил активный процесс обмена духовными и материальными

ценностями, приводящий к взаимовлиянию и взаимодействию различных языков, культур, хозяйственно-культурных комплексов и этносов, что оказало значительное влияние на всю средневековую историю культуры народов Евразии [Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье 1988, 391].

В глубокую древность восходят контакты тюркских племен с ираноязычными племенами, они характеризуются также и интенсивными межэтническими связями, приводящими часто не только к культурному, но и этническому симбиозу.

Так, для Восточного Туркестана в 1 тысячелетии н.э. характерны сложный синтез различных культурных традиций, взаимодействие разнообразных этнических группировок, симбиоз элементов, присущих местному тохаро-сакскому субстрату и привнесенных из Индии, Китая, Ирана, Средней Азии, Казахстана и Центральной Азии, приводящие к тюркизации ираноязычного населения.

Причем, эти процессы тюркизации затрагивали, главным образом, среду языка и отчасти антропологию контактируемых этносов, тогда как в области духовной культуры, мировоззренческих ориентации можно отметить процессы обратной направленности. Так, отмечается, что центральноазиатские культуры осваивали и передавали южносибирским народам элементы индо-иранской мифологии, причем глубина подобных проникновений могла быть весьма значительной, более того, возникновение письменности, а также постепенное утверждение в тюркской среде идеологий мировых религий - в той или иной мере связаны с тюрко-согдийскими и тюрко-тохарскими контактами, перераставшими зачастую в культурный симбиоз [Кляшторный 1987, 170].

"Есть все основания полагать, что согдийский язык и согдийская письменность были официально приняты в каганской канцелярии в период, предшествовавший возникновению Второго тюркского каганата. Именно так можно объяснить не только сложение древнетюркской руники на основе согдийского письма (вторая половина VI в.), но и тот факт, что тюркская литературная традиция, зафиксированная в рунических памятниках начала VIII в., предстает перед нами уже весьма совершенной по стилю"[Кляшторный-Лившиц 1978, 53].

Благодаря Бугутской надписи, составленной согдийцем в тюркской среде, до нас дошла несомненно подлинная древнетюркская антропонимия, переданная гораздо точнее, чем транскрипция китайских источников - это имена первых тюркских каганов из рода Ашина: Бумына, Мухана, Таспара, Нивара. Причем, сами имена, без сомнения, можно отнести к иранской основе.

Эта же Бугутская надпись сохранила важное сообщение о важнейшем этапе распространения буддизма у тюрков - создании буддистской общины сангхи в центре каганата [Кляшторный- Лившиц 1978, 56].

Буддизм в тюркской среде прокладывал себе путь не столько как религиозная идея, сколько как социальная и политическая группировка. Буддистская философская доктрина была слишком сложной, чтобы увлекать за собой массы, но буддистские общины представляла группа людей решительных и энергичных, которая умела заставить считаться с собой [Гумилев 1969, 160]. В буддизме правители каганата видели ту универсальную форму религии, которая могла бы помочь созданию некоей идеологической общности в разнородной по составу державе. Лишь социально-политическое крушение и распад державы в 581 г. приостановили процесс активного проникновения буддизма. Аналогичную роль сыграло манихейство в Уйгурском каганате [Кляшторный 1973, 263].

У уйгуров буддизм был также распространен весьма рано. В 628-629 гг. вождь из рода Яглакар Яоши был известен под другим своим именем - Пусад.е. Бодхисатва. Свое значение среди уйгуров буддизм сохранял наряду с традиционными культами и шаманизмом до принятия манихейства Бегюкаганом в 763 г., после чего в УК буддизм впервые подвергся преследованию, а предметы буддистского культа - уничтожению [Кляшторный 1973, 338].

Известно, что манихейство в уйгурскую среду привнесли согдиинцы. Уйгурское манихейство пережило Восточный каганат и создало в оазисах Восточного Туркестана свою культуру и искусство, свою письменную литературу на уйгурском и согдийском языках. По свидетельству Масуди в X в. манихейство исповедывали только токуз-огузы (уйгуры) [Бартольд т. 11, 284; Щербак 1961, 23]. П.Цимме указывает на решающую роль манихейства, которую оно оказывало на многие области культуры уйгуров, причем, это влияние трактуется и в отрицательном плане, как ослабившее

храбрость и отвагу уйгуров и способствовавшее гибели каганата [Zieme 1973, 290].

После разгрома УК токуз-огузы, бежавшие в Турфан и создавшие Турфанское княжество, приняли там в качестве государственной религии буддизм, имевший в регионе глубокие корни и широкое распространение. Буддизм Турфанского княжества нашел яркое отражение в многообразной литературе, переведенной на уйгурский язык, в титулах и званиях, личных именах населения края, а также в лексике уйгурского языка [см.: Gabain 1974; Тенишев 1985].

Согдийцы же были одними из самых активных распространителей христианского учения в тюркской среде. Согдийские колонии в Восточном Туркестане и Семиречье стали очагами распространения христианства несторианского толка среди тюрков, и уже в VIII в. христианство в Семиречье завоевывает весьма сильные позиции.

Утвердившись в 766г. в Семиречье, карлуки стали поддерживать христианство в регионе, стремясь использовать его как идеологическую основу для консолидации формирующегося государственного объединения и противопоставления себя уйгурам-манихеям.

Тесный союз с карлуками и борьба с уйгурами-манихеями явилась тем политическим фактором, который побудил кыргызскую аристократию поощрительно отнестись к миссионерской деятельности несторианских наставников [Кляшторный 1959, 168]. Христианство было также распространено и в Восточном Туркестане, предполагается, сельджуки также исповедывали первоначально христианство.

Наконец, самое мощное идеологическое и культурное влияние испытали на себе тюрки в средние века через ислам, принятый первоначально Караханидами. Принятие мусульманства Караханидами связано с деятельностью СатукБогра-хана и было оно политическим актом, предпринятым в борьбе за власть. Военными успехами этого правителя объясняется конечная исламизация племен и проникновение идеологии ислама в тюркскую среду в результате прежде всего реальных политических и экономических выгод, проистекавших из этого обращения [Кляшторный 1988, 47].

Влияние ислама было всепроникающим и всеобъемлющим. Прежние культурные традиции в различных областях, особенно в изобразительном искусстве, архитектуре, традиционные традиции и обряды, титулатура, названия должностей, система антропонимии и топонимии, литературные традиции и мифология - все было перечеркнуто исламом, или во всяком случае, находилось под его сильнейшим воздействием. Ислам стало исповедывать и государство Сельджукидов-огузов, хотя имена первых сельджукских правителей, сыновей Сельджука :Исраил, Михаил, Давид, Иосиф, Моисей - были христианскими.

В древней, средневековой и более поздней истории тюрков существенное место занимают контакты и взаимодействия с Китаем, имевшие в разное время разную интенсивность и различный характер, от полной зависимости, до установления своего контроля над ним. Разнообразие политических и культурных отношений между тюркским миром и Китаем нашли самое широкое отражение в китайских династийных хрониках, правда в них эти отношения получили одностороннее описание, как отношения подчиненных тюрков правящим династиям Поднебесной.

Как бы то ни было, длительные этнокультурные и политико-экономические контакты тюрков и Китая наложили свой отпечаток на всю систему культуры тюрков. Длительные процессы взаимодействия тюрков и китайцев, имевшие подчас и характер брачных союзов, во многом способствовали заимствованию тюрками различных элементов духовной и материальной культуры Китая. В отношении ономастики это относится к титулатуре, географическим названиям, отчасти к антропонимии и т.д. Все эти аспекты этногенетической, политической и культурной истории тюрков в значительной мере сказались на ономастике, которая как в зеркале отражает все нюансы того национально-культурного фона, на котором возникают имена и развиваются системы собственных имен.

Так, весьма сложные и неоднозначные этногенетические процессы в тюркском обществе характеризуются противоположными интегрирующими и консолидирующими принципами как внутри определенного союза племен, связанных родственными и союзническими отношениями, так и внутри всего тюркского мира, связанного единой лингвокультурной основой, приводят к изменению (расширению или сужению) функционирования этнонима, могут внести коррективы в особенности структурной и смысловой типологии и проч.

В области антропонимии представляются весьма важными вопросы, связанные с дифференциацией титулатуры для тех, или иных систем личных имен, проблемы преемственности и прерывности антропонимических традиций и моделей в эпоху древности и средневековья, смене систем личных имен, вызванных различными причинами идеологического характера (религиозные, культурологические, лингвистические и проч.) и т.д.

Топонимия обширного региона, который занимали тюрки той эпохи, включает в себя как субстратные (индоиранские), так и собственно тюркский пласты, на которые налагается и заимствованный слой географических названий. Важной особенностью топонимии региона является наличие в его структуре значительного количества параллельных двуязычных названий, одно из которых является калькой другого и проч. Все эти вопросы могут решаться только при условии учета особенностей этнокультурной истории, некоторые аспекты которой рассмотрены в данной главе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЭТНОНИМИЯ

Этногенетическая и этнополитическая история народов фиксируется в различных источниках, относящихся не только к собственной культурной традиции, но и зачастую к традициям других, соседних народов и культур. При этом главным критерием, позволяющим отнести те или иные факты и сведения, к истории данного, а не иного этноса является употребление в данных источниках определенных терминов, являющихся именем, обозначающим данную этническую совокупность, т.е. этнонимом.

Однако, если учесть, что этнонимы в значительной степени варьируют, обозначая в каждый конкретный период разные, или во всяком случае неидентичные общности людей, с одной стороны, и то, что одна и та же общность (в нашем случае это племена, союзы племен, соплеменности) может иметь разные названия в различных источниках, даже относящихся к одной и той же эпохе, с другой стороны, и наконец, что под одним и тем же именем могут обозначаться совсем разные общности, проблемы формирования и функционирования системы этнонимов приобретают важное значение.

"Смысловая нагрузка терминов-этнонимов, которыми обозначаются этнические общности самых разных таксономических уровней и порядков в каждый данный момент значительно варьирует в зависимости от того, кто этот термин употребляет. Кроме того, содержание этнонима претерпевает с ходом времени существенную эволюцию - исчезают или переходят в категории второстепенных ряд основных признаков данного понятия, появляются же некоторые новые признаки, приобретающие значение определяющих" [Литаврина 1976, 198].

Важным моментом при изучении и прояснении судеб этнонима является определение его источника: этноним может быть как названием со стороны, так и самоназванием, причем очень часто, на последующих этапах истории, название со стороны начинает восприниматься как самоназвание, и под него подводятся различные позднейшие интерпретации смыслового содержания этнонима, объясняющие на легендарном уровне его исконное происхождение.

Поэтому представляется крайне важным выяснение первоначальной сути этнического термина - был ли он самоназванием, или названием со стороны.

Этническое самоназвание является одним из важнейших признаков осознания людьми своей принадлежности к данному этносу и может быть связано с теми или иными компонентами этнического самосознания, и потому изучение самоназваний этнических общностей должно дать дополнительный материал для исследования проблемы этнического самосознания, его структуры и функций [Крюков 1984, 6].

Для тюркского мира этнические (родоплеменные) названия были чрезвычайно актуальны в древности и средневековье, более того, многие тюркоязычные народы и сегодня сохранили реликты этого родоплеменного деления. В историческом же прошлом этот аспект играл решающую роль в обществе. Тюркские "роды не только пользовались всеобъемлющим значением в бытовой жизни тюрков -кочевников, но и играли весьма важную роль в их политической истории. Естественно, что при таком значении родов, когда вся жизнь и судьба кочевников определялись принадлежностью к роду, родовые имена должны были пользоваться необыкновенной прочностью. Роды могли входить в разные союзы целиком, или частями, но должны были твердо сохранять свои исконные имена [Аристов 1897,11].

Чрезвычайная важность этносоциальной, этнокультурной и этнополитической значимости племен , соплеменностей и союзов племен в древнетюркском обществе приводила неизбежно к тому, что все данные исторических источников, не только собственно тюркских, но и китайских, арабских,персидских, византийских, древнерусских и проч. фиксируют самые разнообразные данные о конкретных для данного периода общностях, которые составляли тюркоязычные племена. Данные эти, как правило, имеют весьма конкретную соотнесенность с тем или иным племенем.В связи с этим применительно к тюркскому миру тезис М. Крюкова о том, что "разработка теоретических проблем этнонимии, прежде всего выяснение закономерностей формирования и функционирования этнонимов, имеет немаловажное значение для решения всего сложного комплекса воп-

росов, связанных с исторической типологией этнических общностей людей" [Крюков 1970, 34], представляется наиболее актуальным, а исследование особенностей функционирования этнонимов тюрков в различных источниках и в разное время - крайне важным.

Еще один важнейший аспект этнонимии - это вопросы этимологии этнических названий. "Этимология тюркских этнонимов - одна из сложнейших задач тюркологии. Она может быть решена только глубокими и всесторонними исследованиями, которые требуют некоторых предварительных изысканий, определяющих метод и очередность разработки сначала отдельных частных вопросов, а затем и общих проблем тюркской этнонимии." [Баскаков 1980, 199]

И, наконец, третий аспект, требующий тщательного изучения - рассмотрение смысловых и структурных типов тюркской этнонимии и анализ ее как единой системы [Баскаков 1980, 199].

В этих трех основных аспектах и будут рассмотрены нижетюркские этнонимы древности и средневековья.

Особенности функционирования древнетюркских этнонимов и этнотерминов

В функциональном плане этнонимы могут быть раздвоены, как указывает Н.А.Баскаков, по двум основным координатам: 1) по объему и общественному значению и 2) по межплеменному отношению их между собой.

По первому параметру этнонимы делятся на макроэтнонимы, т.е. названия крупных родоплеменных, народных и национальных объединений, которые в свою очередь представлены названиями более крупных объединений, например *oğuz*, *toqquz oğuz*, *tele*, *uyğur* и проч., и микроэтнонимы, т.е. название более мелких родовых подразделений, например названия родов *огузов*, *уйгуров* и т.д.

По межплеменному отношению друг к другу этнонимы делятся на автоэтнонимы, т.е. самоназвания и аллоэтнонимы, т.е. названия со стороны [Баскаков 1980, 200].

Кроме этого, особенности политической организации тюркского общества породили также и ряд других явлений и структур, обозначаемых терминами, которые могли поглощать в себя этнонимы, заменять их, противопоставляться им.

Так, важную функциональную роль в древнетюркском обществе играл термин *budun*, имевший значения: 1) население, подданные; 2) народные массы, простой народ; 3) народ (как этническая общность); 4) люди [ДТС, 108]. Термин этот часто встречается ТРП [см.: КТ, МЧ, Онг, Тон. и др.], причем, как правило, с указанием племенного названия, составляющего данный *budun*: *Türk budun* "народ тюрков", *türk sir budun* "народ тюрков и сиров", *qarluq budun* "народ карлуков" [см.: КЧ, МЧ, Онг, Тон., КТ и др.]. В ТРП термин *budun* сочетается также и с другими терминами, не являющимися этнонимами: *on oq budun* "десятистрельный народ" [КТ, БК], *tarduş budun* "тардушский народ", *töles-tarduş budun* "толесский и тардушский народ" [КТ, БК и др.,].

По мнению Л. Гумилева термин *budun* следует сопоставлять с понятием "демос", а не "этнос", и в этом случае *budun* означает "не беки", "не знать" [Гумилев 1967, 69].

О происхождении термина имеются различные мнения. Г. Рамстедт связывал его с общеалтайским **Bud-*, кор. **mod*- "zammeln", *modun* "gesammelt" [Ramstedt 1951, 79]. К. Клоссон склонен видеть в *budun* "группу кланов, объединенных связью по крови", в отличие от *bag*, представляющем собой известное число кланов, объединенных на договорных началах [Clauson 1972, 310].

Г. Дерфер во всех случаях переводит *budun* как "подданный", против чего возражает А. Кононов, считая, что у орхонских тюрков еще не существовало понятия "подданный" [Кононов 1980, 49]. См. однако: [Р. IV, 1862: *budun* "народ (люди одного племени), подданные; Малов 1951: *budun* "народ"].

Для древнетюркского периода под термином *budun*, видимо, следует иметь в виду значение "племенной союз", позднее получившее развитие до значений "народ", "люди (вообще)".

Последние значения развивались позже и уже в КБ термин *budun* употребляется в значении "народ", а Махмуд Кашгари придает ему значение "люди", наряду с "племя, народ" [КБ, 5, 42; МК 1, 241].

В ТРП есть противопоставление между племенным союзом, имевшим кагана - *qaganlyq budun* [Тон., КТ] и *elteberlik budun* "племенной союз, имеющий эльтебера".

В классификационном плане термину *budun* "демос" древнетюркского общества может быть противопоставлен термин *e1* "Объединение аристократии различных племен" [Бернштам 19461, Киселев 1948, Кызласов 1988], или "группа кочевых племен, сплоченных в одно политическое целое"[Кононов 1980, 150, со ссылкой на ряд авторов], или *imregium* "держава" [Гумилев 1967, 102].

Термин *e1* включает в себя целый комплекс значений | см.:Севортян 1974, 339-341], причем, в самых ранних памятниках уже есть все основные значения=понятия, заключенные в и.л "племя, племенной союз, народ, страна, государство, а также значения мир, согласие".

Имеется слово *e1* со значениями "передняя сторона, восток" [Gabaïn 1952, 310], "место около двери, противоположное почетному месту" [ДТС, 207], которое трактуется как омоним термину в первых значениях. Однако, если иметь в виду, что жилище, являясь квинтэссенцией освоенного человеком мира, представляет собой один из ключевых символов культуры, в котором нашли отражение все важнейшие категории картины мира, освоенного человеком [Байбурин 1983], и что во всех традиционных культурах дом являл собой *imago mundi*-образ Вселенной [Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири 1988, 61], можно полагать, что *e1* "аристократия, знать" сопоставим с историко-семасиологической точки зрения с термином *e1* "передняя сторона, восток, место около двери, противоположное почетному месту". Последние два значения имеют прямую связь, если учесть, что тюрки всегда ориентировали выход жилища на восток.

Известно, что в древних обществах существовала универсальная тенденция к геометризации структуры пространства с выделением общего центра и дифференциацией иерархических частей, из которых восточная, как правило, соотносится с аристократией, восходом, солнцем [История первобытного общества 1988, 439], что подтверждается и тюркским материалом, где почитание к востоку было общепринятым, причем, на шкале "восток-запад" внутри жилища "откладываются" социальные единицы, которые могут интерпретироваться не только , как "свой -чужой", но и как "младший-старший", "потомок- предок" | Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири 1988).

Можно предположить, что в древнетюркском обществе статус племен, занимающих место " у входа" отводился чужим, подчиненным племенам, какими были, к примеру уйгуры, кыргызы в Первом тюркском каганате. Видимо, не случайно их вождям был присвоен титул эльтебер (ель + тебер).

Создание нового государственного образования, или государственный переворот предполагали, как правило, восстание подчиненных племен, т.е. племен, занимающих статус наиболее низкий, могущий быть приравненным к статусу детей и стариков, занимающих место у порога в жилище - эле. Интересны следующие данные, имеющие прямое отношение к термину e1: создание Тюркского каганата в результате победы тюрков-туцзюе над своими сюзеренами жуань-жуанями в 551 г. Бумын ознаменовал присвоением себе титула Эль каган; Кутлук, возродивший тюркский каганат после долгих лет зависимости от иноплеменников в 687 г., присвоил себе титул Elteriş qağan в котором elteriş < e1 "эль" + teriş "сбор, собирать вместе, собрание"[Кононов 1980, 102], наконец, ягларский царствующий Род уйгуров, возродивший Уйгурский каганат в 747 г., поставил каганом своего вождя с титулом Eletmiş Bilge Qagan, а сын его Бегю правил с титулом Tengride El Tutmış Alp ini Bilge Qagan (757-779) (eletmiş "создавший эль", eLtutmış "державший эль").

Во всех этих случаях в термине эль следует видеть значение предложенное А.Н.Берншамом, С.Киселевым, т.е. - "объединение аристократии, знать". Такое понимание термина позволяет более точно интерпретировать известные выражения, сочетания слов и титулы из ТРП, например: Bilge Tonyuquq ben özüm Tabğaç eline qılntım "Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание при Табгачском дворе [Тон.1]. Qarağan Elteriş elina qılntım "Капаган, я был воспитан при дворе Элтериш кагана" [Онг.4] и др., ср. также: e1 budun "знать и народ," e1 kün " знать и народ" и проч.

Таким образом, значения "знать, аристократия, царский двор" Для термина эль представляются вполне правомерными, а классификационная оппозиция e1 - budun (знать - народ) - оправданной для ранних этапов развития тюркской государственности. А поскольку эль был формой существования орды (двора) и племен (будуна) и предполагал подчинение путем силы других племен, то естественным было развитие таких значений термина, как "государство, народ, страна, племенной союз" и т. д.

Еще два важнейших термина, определяющих государственное устройство древнетюркского общества, которые иногда принимают за этнические термины - это термины толес и тардуш (дулу и нушиби китайских источников -для Западнотюркского каганата).

Толес и тардуш были правым и левым крылами древнетюркского общества и возглавлялись соответственно шадом и ябгу. Причем такое деление было присуще как Тюркскому каганату [КЧ], так и Уйгурскому каганату [МЧ].

Являясь политико-административными терминами, толес и тардуш обозначали соответствующие части общества, которые, вероятно, могли состоять из различных племен, но возглавлялись ставленниками царского двора, имевшими прямое отношение к правящему роду Ашина у тюрков и Яглакар - у уйгуров. Причем, правое крыло толесов имело более привилегированный статус, нежели левое тардушское, и этому были достаточные основания [см.:Клюкин 1932; Гумилев 1961,1967;Бернштам 1946].

Термин *töles*, без сомнения, является производным от *töl* "момент родов, детеныш" [ДТС,579], или "приплод, молодежь", "собственный, лично принадлежащий" [Кайдаров 1986, 287], а термин *tarduş* гомогенен с *tar*- "распускать, разгонять, рассеивать" [ДТС,536;Кайдаров 1986,282]. А.Кононов видит в терминах *töles*, *tarduş* общеалтайский афф. собирательности-множественности *s-/ş*-[Кононов 1980, 146].

В функциональном плане оба эти термина вполне соотносимы с мужской и женской половиной в структуре тюркского жилища. "Обыкновенно,, южная, правая от входа сторона считалась мужской, противоположная - женской. Согласно мировоззренческим установкам, о которых речь шла выше, мужская сторона считалась верхней, женская - нижней...Таким образом, жилое пространство делилось по признаку "правый - левый", который дополнялся значениями противопоставлений "мужской -женский", "верхний - нижний", "южный - северный", "положительный - отрицательный" [Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири 1988, 63].

Аналогичные критерии, очевидно, были применимы и в отношении политической структуры общества, и политико-административные термины толес и тардуш являлись важнейшими структурными единицами древнетюркской государственности, составляя бинарную оппозицию,

которая отражала особенности потестарно-политической организации общества, существенно воздействовавшей на характер и результаты этнических процессов.

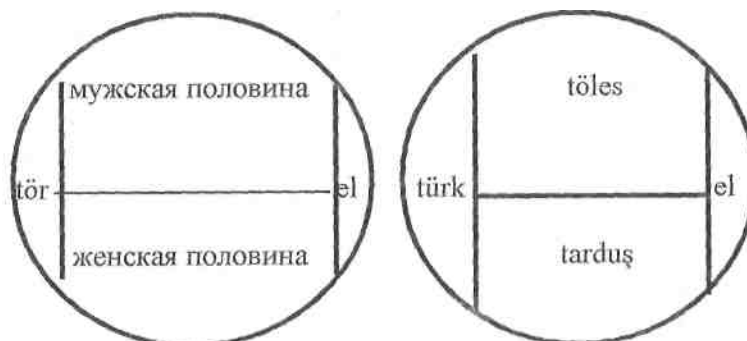
Исследователи указывают, что практически любую форму дуализма следует рассматривать как часть более широкой, трехчленной классификации [Тэрнер 1983, 71], с выделением общего центра и дифференциацией иерархических частей. Ю.А.Зуев указывает на то, что система военно-тактической организации тюркского общества с известным делением на правое крыло - центр - левое крыло, напрямую связаны с системой межродовых связей. Этнический триумвират, представляющий собой синкретизацию двух основ - материнской и отцовской, т.е., матрилинейно-патрилинейную филиацию, которая сосредотачивала круг возможных претендентов на престол в рамках трех родов, или фракций - каганской (Ашина) и катунской - ашидэ и басмылы поочередно [Зуев 1967, 16], что предопределило особую удельно-лествичную систему в каганате, предполагавшую наследование престола по линии : старший брат - младший брат - старший племянник [Гумилев 1959, Зуев 1967].

Политико-административным терминам толес и тардуш (дулу и нушиби в ЗТК) в классификационном плане может быть противопоставлен термин тюрк, который по мнению большинства исследователей уже к эпохе тюркских каганатов имел не столько этническое, сколько политическое содержание, обозначая принадлежность к господствующему роду Ашина и свидетельствуя о высокородном происхождении его носителя [Кононов 1980, 48]. Такое значение термина определяется по ТРП, тогда как в китайских источниках термин тузцюе имеет чисто этническое наполнение.

Таким образом, наряду с этническим триумвиратом **Ашина -Ашидэ - Басмыл** [по Зуеву], можно выделить и политический триумвират тюрк - (толес - тардуш), и этнографическую оппозицию эль - будун.

Политическая структура древнетюркского общества полностью мультиплицируется на структурную организацию тюркского жилища, тем самым подтверждая причастность символики жилья и семиотической значимости его элементов, как знакового комплекса, отражающего различные социокультурные аспекты жизни общества к образу мира в целом.

Структурные соответствия пространственной организации жилища и политико-территориальной организации древнетюркского общества в значительной мере подтверждают выводы А.Н.Кононова о связи термина *türk* с термином *tög* [Кононов 1949], а также наше предположение о связи толес с *töl*, а тардуш с *tar-* (см. рис. 1)

а)

б)

Рис. 1.

а) схематическое деление пространства тюркского жилища

б) политико-административное деление тюркского общества

Таким образом, термин *тюрк*, образуя с аналогичными по функциям терминами *толес* и *тардуш* трехчленную оппозицию, представляющую собой политико-административную характеристику общества, выступает как политический термин. Думается, что данное значение термина получило отражение в ТРП. В этом смысле следует согласиться с предположением Г.Дерфера о том, что это слово в надписях используется, главным образом не в значении названия племени. "Многое указывает на то, что в своем значении слово *тюрк* (*таспп§*) обозначало как название собственного племени царствующего лица, включая все объединения племен вокруг царствующего дома, так и собственно носителя властидак сказать господствующего народа" [цит. по: Кононов 1980,48].

Позднее это политическое значение термина еще более расширилось и стало обозначать принадлежность различных кочевых племен к державе, созданной тюрками (у византийцев и иранцев), а впоследствии, последнее значение получило развитие у арабских историков и географов IX- XI вв., когда словом *тюрк* стали называть группы народов и языков, а не какой-нибудь один язык или государство [Кляшторный 1988, 25].

И уже в XI в. "Кутадгу билиг" и "Дивану лугат-ит тюрк" фиксируют данный термин уже не столько в политическом даже, сколько в еще более расширенном культурологическом значении - "тюркский язык", т.е. язык группы племен и народов, "тюркская земля", т.е. земля, на которой проживают эти племена и народы.

Так, Махмуд Кашгари пишет, что тюрки подразделяются на двадцать племен. Каждое из этих племен состоит из многих родов и подразделений, о числе которых знает лишь Всевышний [МК, 1, 28].

Им же приведены знаменательные значения слова тюрк: türk üzüm ödi "время созревания винограда", türk quyas ödi " время солнца в зените", türk yigit "молодой человек в расцвете сил" [МК,1,353]. В ДТС [599] приведено также значение "сильный, могучий".

Знаменательные значения слова тюрк, по-видимому, все же восходят к этнотермину и возникли, как вторичные производные от термина, обозначавшего принадлежность к господствующему роду и свидетельствующего о высокородном происхождении его носителя [Кононов 1980, 48].

Таким образом, можно выделить следующие значения термина:

- 1)этническое значение - название союза десяти (двенадцати) племен под главенством рода Ашина;
- 2)политическое значение - обозначавшее принадлежность к царствующему дому в тюркском каганате;
- 3)культурологическое значение - обозначавшее группу племен и народов, объединенных якобы генетическим родством и общностью языка.

Этнотермин *уугур* также неоднозначен в своем функционировании. В китайских источниках он упоминается в различных иероглифических оформлениях и обозначает союз десяти племен во главе с Яглакарами, который в качестве главенствующего входил в состав телесских (токуз огузских) племен [Кляшторный 1989].В ТРП, относящихся к Уйгурскому каганату (Судж., МЧ, Онг.,Терх.,Тэс.) данный термин имеет также реальное этнополитическое значение. У Махмуда Кашгари термином уйгур обозначаются жители Уйгурии, т.е. жители будистского Турфанского идикутства, аналогично применение термина и в памятниках древнеуйгурского письма.

Этнический термин oġuz имеющий апеллятивное значение "племена, союз племен", первоначально обозначал, видимо, суперсоюз племен, включавший в себя отпочковавшиеся позднее племена и союзы племен тюрков, токуз огузов, кыргызов, собственно огузов и проч. В ТРП под термином огуз, скорее всего, обозначалась часть токуз огузов, или токуз огузы в целом. В ТРП нет случаев противопоставления терминов огуз и токуз огуз, напротив, они, как правило, обозначают одно и то же - токуз огузов во главе с уйгурами [см.: Онг., Тон., БК, КТ].

Но уже в средние века огузы фиксируются в памятниках как самостоятельный союз племен, не имеющий отношения к уйгурам (токуз огузам). В XI в. под термином огуз значился союз 24 родов. Вся важнейшая информация об особенностях тюркских племен у Махмуда Кашгари дана на примере огузов, он детально расписывает их родо-племенное устройство, с указанием тамг и онгонов огузских родов.

Памятники тюркской рунической письменности донесли до нас известия о различных племенах и народностях, так или иначе связанных с тюркским миром. Кроме наиболее крупных племен, сыгравших определяющую роль в древней истории тюрков, таких как, türk, toquz oġuz, чуġur, қуғғуз, қурсақ и др., в ТРП упоминаются также тюркоязычные племена азов, басмылов, курыкан - предков якутов, тюргешей, чигилей, а также приводятся в связи с тем или иным событием племена соседей тюрков: кыданей, татар, табгачей, татабийцев, тибетцев, тохар, согдийцев и проч. [см.: КТ, Тон., Мог., МЧ и др.].

Тюркские рунические памятники отразили характер взаимоотношений тюркоязычных племен между собой и другими народностями.

В надписях часто отражаются географические данные о тех или иных племенах, по отношению к тюркам-туцзюе. Так, впереди, на востоке, жили кидане, справа - на юге - табгачи, слева - на севере - огузы, позади. на западе - народ он оковдардушей [Тон., КТб и др.]

Взаимоотношения племен были неоднозначны и достаточно сложны. Так, Эльтериш 17 раз воевал с табгачами, против киданей сражался 7 раз, против огузов - 5 раз [Тон.], врагами тюркских каганов были и кыргызы, и курыкане, и татаби [КТб, 14].

В связи со смертью кагана "в качестве стонущих и плачущих" (т.е. для выражения соболезнования) пришли спереди, из страны солнечного восхода, народ Степи Беклийской, а также табгачи, тибетцы, авары и Рим, кыргызы, уч-курыкане, отуз татары, кытай и татаби"[КТб, 4].

Большинство нетюркских этнонимов, приведенных в ТРП, встречаются и в других источниках, причем, не всегда в эквивалентном значении.

Так, название *Alty çub soğdaq* [БК, КТ] идентифицируется учеными с "согдийцами шести округов" китайских источников, обозначавших область согдийских колоний в Южном Ордосе -Северном Шэньси [ДТС, Кляшторный 1964]. По мнению А.Малявкина *alty çub soğdaq* относилось ко всем согдийцам [Малявкин 1983, 259]. Во времена МахмудаКашгари термином *soğdaq* обозначались согдийцы - жители Согда, страны расположенной между Самаркандом и Бухарой - принявшие тюркскую одежду и обычаи. По свидетельству средневекового ученого жителя Исфиджаба, Тараза и Баласагуна говорили по-согдийски и по-тюркски [МК, 1,31].

В ТРП встречается термин *tejik* , которым обозначались арабы [КЧ, Тон.], также называли арабов и иранцы. ПриКараханидах и позднее этому термину было присуще другое значение: он обозначал уже конкретную народность, отличную как от арабов, тюрков,так и от персов.Значение термина было, очевидно близким к современному. Это значение четко выражено в "Кутадгу билик" и в "Диване" Махмуда Кашгари [см.: Валитова 1964, Махпиров 1990,65].

Термином *tat* в ТРП обозначались иноплеменники [ДТС,541;БК], оседлое население кочевой империи [Радлов, 111,899;Берншатм 1946,125], в "Кутадгу билик" *tat* означало "пришлый, чужак" [Валитова 1964, 10], а у Махмуда Кашгари термином *Tat* обозначались иранцы, а также уйгуры-немусульмане, т.е. жители буддистского Турфанского княжества на языке племен тохси и ягма [МК, 1,454].

По мнению Ф.Люшкевича оба этих термина (tat, tejik) связаны друг с другом, и исчезновение в Средней Азии названия тат применительно к ираноязычному населению произошло вследствие разделения значений. Слово тат сохранилось за тюркским оседлым населением, воспринявшим культуру местного дотюркского населения, а название таджик - за иранцами [Люшкевич 1980, 10].

Для обозначения китайцев в ТРП употреблялся термин tabğaç восходящий ко времени раннее VI в. и заимствованный тюрками через посредство согдийцев и в согдийском оформлении [Кляшторный 1964, 112, со ссылкой на иаГ.Шедера]. Термин tabğaç, в ТРП обозначавший китайцев, первоначально относился к тюркоязычным табгачам, обосновавшим династию Вэй (386-532 гг.). К концу V в. династия и племя табгач полностью ассимирировалась в китайской этнической среде [Кляшторный 1964, 108].

В XIV в. наряду с термином tabğaç для обозначения китайцев и Китая употреблялось несколько терминов: Çin, Maçin, Xitay, а сам термин уже обозначал одно из тюркских племен, живших в стране Табгач, а термином tat tabğaç обозначались уйгуры [МК 1,453]. Одновременно эти термины были и топонимическими.

Чрезвычайную важность для исследования вопросов функционирования и происхождения тюркских этнонимов имеют замечательные памятники тюркской культуры "Кутадгу билик" Юсуфа Хае Хаджиба и "Дивану лугат-ит тюрк" Махмуда Кашгари. Оба памятника отразили этнонимию как тюркскую, так и общевосточную, бытовавшую в научных и литературных кругах того времени.

В этико-дидактической поэме Юсуфа Баласагуни сравнительно мало этнонимов (не более 20 названий). А.Валитова выделяет в КБ два типа этнических названий: 1) термины, которые имеют уже явно выраженное значение этнонима - названия племен и народов Средней Азии (таджик, чигиль, карлук, ягма, кыпчак), а также народов и племен, обитавших за пределами Средней Азии (арабы, иранцы, индусы, греки, китайцы и проч.); 2) термины, которые в поэме еще не имеют этнонима и становятся ими позднее. Это социальные термины (сарт, тат), воинские термины (черик, юз, минг) и ряд других слов (баят, бори, кулан, кун и проч.) [Валитова 1964].

Несомненную научную ценность представляют представляются материалы "Дивана" Махмуда Кашгари, в котором собраны многочисленные сведения о племенах и родах, народностях, об общей их истории, о народах населяющих пространство между Верхним Китаем и Бухарой, территории нынешнего Хорезма, Ферганы, Киргизии, Ташкента и проч.

Средневековый ученый сам обошел все земли тюрок, о которых он пишет, и на основе личных наблюдений он пришел к определенным выводам о языке тюркских племен, об их расселении, о месте в культурной и политической жизни той эпохи.

Наблюдения позволили ему выделить две основные группы племен и их языков, северную и южную [по Баскакову 1968], или восточную и западную [по Кононову 1972]. В состав северной группы входят в порядке их расселения с запада на восток: печенеги, кыпчаки, огузы, йемеки, башкурты, басмылы, кай, ябаку, татары и кыргызы, а в состав южной ветви, в том же порядке, с запада на восток: чигили, тухси, ягма, ыграки, чаруки, джумулы, уйгуры, кытай и табгачи [Баскаков 1969, 167].

По мнению В.Бартольда, порядок перечисления (а следовательно и расселения - В.М.) южной группы не вызывает вопросов, гораздо меньше соответствует действительности порядок перечисления народностей северной группы [Бартольд, V, 205 и сл.].

Так, Махмуд Кашгари совсем не упоминает кимаков, вместо них на Иртыше помещается племя уетек (упоминаемое по более ранним источникам, как ветвь кимаков) одна из ветвей кыпчаков [МК, 111,29], башкиры жили гораздо западнее Иртыша, т.е. приблизительно там, где живут и сейчас. Огузов автор "Дивана" расселил по обеим берегам Сыр-Дарьи, не принимая во внимание ни уже совершившегося в эпоху Махмуда Кашгари завоевательного движения их на юго-запад, в Переднюю Азию, ни движения их на запад, через Россию на Балканы и проч. [Бартольд, V, 242].

Автор "Дивана" упоминает также и другие народы мира. Так, о народе сарагга он пишет, что ему неведом язык этого народа, поскольку он живет далеко за морем [МК, 1, 29]. На основе сопоставления текста и карты мира, приложенной к "Дивану", исследователи, что это Япония [Хасанов 1967].

На карте мира Махмуд Кашгари обозначил также страны и народы Rum, Rus, библейские легендарные народы Йаджуж и Маджуж, которые, как указывает И.Умняков по "иудейской, христианской и мусульманской эсхатологии жили у крайнего предела мира и были отделены от цивилизованных народов мифической громадной стеной, якобы сооруженной Александром Македонским [Умняков 1940, 107].

Кроме сведений о расселении племен и народов, Махмуд Кашгари также большое внимание уделил вопросам языка их. Так, народы *tübüt* и *hotan* имеют свой язык и письменность и плохо говорят по-тюркски, народы *cin*, *maçin* имеют свой язык, но горожане хорошо знают тюркский язык, уйгуры говорят на тюркском языке, но пользуются различными говорами (наречиями), они употребляют тюркское письмо, состоящее из 24 букв.

Кроме того, у уйгуров и жителей Чина есть свое особое письмо, которое никто, кроме них читать не может. В этом указании Махмуда Кашгари ученые предполагают упоминание о тюркском руническом письме. Народы *çimul*, *kaş, yabaku*, *tatar*, *basmyl* говорят на своих языках, но вместе с тем хорошо знают тюркский. Кыргызы, кыпчаки, огузы, тохси, ягма, чигили, уграки, йемеки, башкурты говорят по-тюркски, но имеют свои наречия. Булгары, сувары укорачивают концы слов. Самый легкий язык у огузов, самый правильный - язык тохси и ягма, самый чистый и сладкоречивый - язык хакания [МК, 1, 29-30].

Таким образом, автор "Дивана" противопоставляет государственный язык, называемый им хаканийским, иным племенным языкам, "речь тюрок" - речи туркмен, огузов, чигилей, ягма, кыргызов [Кляшторный 1972, 19].

Много места в "Диване" уделено огузам. Махмуд Кашгари подробно расписывает родо-племенной состав огузов, приводит названия 22 (из 24) огузских родов [МК, 1, 56], в Словаре приводится множество слов, несущих информацию, имевшую политическое значение для того времени, с пометой "огузское". В "Диване" показаны противоречия между различными народами и племенами, между представителями разных религий, которые выражались в прозвищных именах: так, тюрки-мусульмане (ягма и тохси) называли уйгуров-буддистов, а также иранцев - *tat tabğaç*, огузы называли персов *suqaq* "немой", а уйгуры называли праведных мусульман - *çomaq* [МК, 1-381].

Определенный интерес проявил Махмуд Кашгари и вопросам этногенеза. Так, тюрки по его данным ведут свое происхождение от Тюрка, сына Ясбеса, сына пророка Нуха, а народ гшп произошел от Рума, сына Исхака, сына пророка Ибрагима [МК, 1,28]. Туркмены - огузы, но и часть из карлуков также называется шгктеп [МК, 1,158]; Махмуд Кашгари четко разграничивает три племена чигилей [МК, 1, 393], им противопоставлены также огузский род печенегов и племя печенег, живущее близ Рума [МК, 1,488].

Эти и многие другие уникальные сведения средневекового автора по тюркской и восточной этнонимии представляют значительный интерес для тюркской и восточной ономастики. Всего средневековым ученым приведено 72 этнических названия, многие из которых сопровождаются этимологиями и другими сведениями.

Таковы основные особенности функционирования древнетюркских этнонимов в различных источниках.

Структурные типы и смысловые модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация.

В формировании системы этнонимов определяющую роль играли различные аспекты этногенетической истории, характеризующиеся противоположными тенденциями межплеменной интеграции и консолидации, с одной стороны, и этническим разделением, с другой [Бромлей 1979,23].

Процессы эти были весьма значимы для тюркоязычных кочевых племен, поэтому формирование тюркской этнонимической системы, отразившей все многообразие этнокультурных процессов, происходивших в тюркском обществе, проходило в течение длительного времени и характеризуется многообразием форм, структурных и семантических типов. Критического отношения требуют всевозможные попытки свести все это многообразие форм, типов и структур тюркских этнонимов к какому-то одному принципу номинации, или к ограниченному кругу их.

Так, Н.Аристов полагал, что большая часть древнейших тюркских племенных имен произошла от названий урочищ, которые нередко возникали в самые древнейшие времена и необъяс-

нимы существующими языками [Аристов 1897]. Еще больше сузил круг возможных этимологических подходов Д. Айтмуратов, ограничившийся сведением происхождения большинства тюркских этнонимов к различным словам, обозначающим те или иные особенности прически, цвет волос и т.п.[Айтмуратов 1986].

Сторонники еще одной "универсальной" типологической классификации тюркских этнонимов, которую можно определить, как структурно-семантическую, считают, что тюрко-монгольские этнонимы "носят массовый характер, закономерности в них определенные,они сходны как по звучанию, так и по значению"[Гордеев 1968, 28].

Сторонники данного подхода, выделяя из этнонимов самостоятельные основы, или аффиксы, предлагают выделить несколько групп этнонимов по значению:

1) этнонимы с компонентом ар/°р, который возводится к иранскому слову со значением "человек": тат-ар, булг-ар, хаз-ар, мадь-яр и т.д.;2) племенные и родовые значения на -ман/-мен < индоевр."человек":турк-мен, ку-ман, чуман и т.д.; 3)этнонимы с компонентом -ас/-ис < название иранского племени: кырг-ыс, хак-ас, чув-аш, сув-аш и проч.; 4) этнонимы на -ак (-эк, -ык, -ик, -к) - аффикс (и его варианты) образующие имена сущ, и прил.: казах, кум-ык, йем-ек, кыпч-ак, печен-ег и проч.; 5) группа этнонимов с аффиксом множ.ч. -т: кереи-т, теленг-ит, тюрк-ут, торго-ут и проч. [Гордеев 1970; Еремеев 1970 и др.].

Более обоснованными как с исторической, так и с лингвистической точки зрения являются принципы классификации, учитывающие совокупность историко-этнографических , лингвистических,политических и идеологических факторов [Никонов 1970; Попов 1973].

В свое время П. Будберг и В.Котвич на материалах монгольских этнонимов предложили следующие основные типы этнонимов: 1) по названиям животных, птиц,орудий и других объектов кочевого быта; 2)по названиям терминов родства; 3)по названиям официальных титулов, определяющих положение предводителя племени; 4)по географическому положению или местонахождению племени по отношению к общему единству; 5)по масти коней племени; 6)по числу племен, входивших в конфедерацию; 7)по наличию смешанных, ассоциативных гетерогенных элементов в составе племенного объединения [см. Зуев 1970].

Существенный вклад в разработку проблемы типологической классификации тюркских этнонимов внес Н.А.Баскаков, выделивший три аспекта: функциональный, смысловой и структурный, и определивший основные типы тюркских этнонимов, во многом сходные с вышеуказанными [Баскаков 1971, 1980, 1985].

Детальный анализ и стройную классификацию этнических названий на богатейшем материале казахской этнонимии провел Т.Джанузаков [1976,1983], ряд типологических классификаций был предложен башкирскими учеными [Башкирская этнонимия 1987], вопросы типологии этнонимов основательно разрабатываются этнографами [Чеснов, 1970,1978, 1988; Крюков 1982, 1984 и др.].

В структурном отношении тюркские этнонимы подразделяются на односоставные (корневые и производные) и сложные, т.е. состоящие из двух самостоятельных слов, двух корневых морфем, которые зачастую сливаются фонетически в одно слово [более подробно о структуре тюркских этнонимов см. Баскаков 1977].

Историко-этимологический анализ древнетюркских этнонимов позволяет выделить следующие основные типы и модели:

1. Может быть, самый древний из семантических типов этнонимов - самоназвания, обозначающие своих, в противоположность чужим, этнонимы со значениями "человек, люди": так, согласно одной из гипотез термин *türk* связывается со значениями "творение, человек" [Вамбери]; ср. также *Qay* - название племени [МК] < *qay* "человек". К этой же группе могут быть отнесены названия со стороны, но уже с негативными значениями: *Tat* "чужой, чужеземец, иноплеменник", *yaqa* < *yav* "чужой, чужеземец, враг" [Радлов] и т.п.

2. Древнейшими племенными и родовыми названиями, доступными для изучения, многие исследователи считают этнонимы по названию тотема: *oğuz* "бык", как название тотема [Баскаков, Бернштам, Базен]; *başqurt* "волк-вожак", как тотем башкиров, по которому они могли получить свое название [Киреев, Иллиметов]

3. Древний тотемный слой этнонимов, по-видимому, был вытеснен в ходе общественного развития этническими названиями, образованными в результате складывания более значительных племенных союзов: *toquz oğuz* "объединение 9 племен", *üç qarluq* "объединение племен карлуков", *qırğuz* < *Qırq oğuz* "сорок племен" [Абрамзон, Лигети, Банзаров]; *onoğur* < *on*

"десять"+ огуз "название рода"> десять огузов [Баскаков, 1985] и др.

4. Нередко названием рода или племени становилось имя родоначальника. Так, известно, что название родов Ашина, Ашидэ, племени Огуз и многих других тюркских племен согласно преданиям и легендам, восходят к именам родоначальников. По Махмуду Кашгари этнические названия *gum*, *gus*, *oğuz*, *türk* и др. также происходят от имен основателей рода. В легенде об Огуз кагане также названия этнонимов обязаны своим происхождением антропонимам.

5. Близки к этой группе этнонимов, родоплеменные названия, восходящие к званиям и титулам: *yabaqu* "название племени" < *yabaqu* < *yabğu* "древнетюркский титул - вице-каган"; с этим же титулом А. Кононов связывает название огузского рода *java* < *javğu* < *jabğu* [Кононов 1958, 95].

6. Этнонимы по названию другого народа племени: так, именем *tejik* называли первоначально арабов по имени арабского племени *Taj*, с этнонимом *türk* связаны названия *türgeş* и *türkmen*; ср. также этимологию этнонима *кыргыз*, в соответствии с которой *qurğuz* < *qurguz oğuz* "красные (западные) огузы" [Баскаков] и др.

7. Обширный круг этнонимов содержит признаки, присущие самим называемым, или приписываемые им. Такими признаками могут быть:

а) вид основного занятия племени: *теле* < *tegrek* "тележники", *qanlı* "тележники", *çarıqlıq*, *çarıq* - этнонимы, связанные с апеллятивом *чарук* "грубая обувь из кожи", *ulayundluq* "пеголошадные", *qara ewli* "обладающие черными юртами" и проч.;

б) свойства характера членов этого рода, или племени. *Jağma* "отряды, совершающие набеги", *Bulğar* "возмущающий, мятежный", *Apaq* "отказывающийся, не слушающийся", *Afşar* "покорный, послушный" др.;

в) этническое название может содержать и идеологическую оценку различного рода: так, некоторые исследователи связывают этнонимы *Bayan*, и *bayançur* с апеллятивом *baayan* "богатый", этноним *уғур* по одной из распространенных этимологии также содержит в себе идеологическую характеристику *уғур* "примкнувший, следовавший" и др. Отражением политических, религиозных и родоплеменных противоречий являются этнические прозвища: *Tat*, *Tat tabğaç* - так тюрки-мусульмане называли уйгуров и других немусульман, а также иранцев, *soqaq* - перен. "немой" - так огузы называли персов, уйгуры - буддисты же называли мусульман *çomaq* и др.;

г)многие этнонимы несут в себе характеристику состава, устройства племени, рода, или племенного союза: Basmyl "метис, человек смешанного происхождения", çigil "спутанный, смешанный", qarluq < qaraluq "смешанный" и проч.;

8. Широко распространены в тюркской этнонимии названия по территории проживания племени, так называемые "топографические" этнонимы, составляющие один из значительных отрядов в тюркской этнонимии: soğdaq "выходцы из Согда", arğu " племя, живущее в межгорье", aramut "этноним" < aramut "название местности" и др.

9. Названия племен и прочих этнических групп, в основе которых лежат термины родства и свойства: печенег < баджа "свояк, брат жены"+ нак-/нек- "уменьшит.аффикс"; kencek < kence "младший сын, последний сын"+-к "уменьшит.афф.; Başğurt < Basa + oğur> "свояк огуров" и проч.

Таковы основные лексико-семантические группы тюркских этнонимов.

Современная наука уделяет самое серьезное внимание вопросам происхождения этнонимов, и в число важнейших задач науки об этнонимах входит "определение главнейших источников путей возникновения и принципов изменения племенных и народных имен, а также надежных приемов использования материалов этого рода в исторических, археологических и лингвистических исследованиях, в соответствии с требованиями строгой научности во всех отношениях"[Попов 1973, 164].

Важность выяснения происхождения этнических названий для решения многих вопросов истории народа и истории языка обуславливает и особый подход к этимологии этнонимов. Д.Еремеев указывает, что "тюркская этнонимия крайне разнообразна как по своей форме, так и по содержанию. Но в большинстве случаев она ярко отражает особенности происхождения, этнической истории той или иной общности и, бесспорно, может служить дополнительным источником при этногенетических исследованиях [Еремеев 1970, 141].

Вместе с тем, этнонимика, как отрасль знания, на сегодняшний день весьма богата этимологиями, не учитывающими исторических судеб данного этноса, а основывающимися лишь на тех или иных звуковых соответствиях, или смысловых ассоциациях, исходя из которых делаются самые невероятные выводы о происхождении того или иного этнического наименования.

С другой стороны, не всегда обоснованные попытки связать напрямую происхождение этнонима с этногенетической историей общности, которая обозначается данным этнонимом, порождают порою фантастические этимологические гипотезы и этюды, так или иначе трактующие этимологию этнического термина, часто основанные на гипертрафированном стремлении удлинить историческую проекцию возникновения данного этнонима и судьбу его носителей в "связи" с известными по историческим источникам древности племенам и народам.

Надуманное осмысление происхождения исконного или заимствованного имени собственного, основанное на ошибочном понимании его структуры, фонетического строя, семантики основы, встречается и в научных трудах.

Классическим образцом свода ложных этимологий, видимо, следует признать книгу Д.Айтмуратова "Тюркские этнонимы", в которой автор названия многих тюркских племен пытается так или иначе связать со словами, обозначающими понятия "косы", "волосы", "чуб", "локон" и т.д. И эти попытки автора свести все названия к одному параметру номинации, в значительной мере умаляют богатейший материал по истории тюркских племенных названий, собранный и систематически изложенный в книге [Айтмуратов 1986].

Хронологическая отдаленность первых упоминаний многих этнонимов в источниках, лексико-семантическая затемненность их послужила главной причиной появления многочисленных этимологии почти по каждому из этнических названий. Базируясь на различных трактовках структуры этнонима, понимания его сущности и языковой принадлежности, особенностей функционирования, ученые различных профилей высказывают свои предположения об этимологии того, или иного этнонима, при этом "на каждую сотню этнонимов трудно найти одну, этимологию которого можно признать бесспорной. Причина этого не только в слабости этнонимии, а в самом характере этнонимии" [Никонов 1970, 14]. Так, например, о происхождении этнонима башкир (башкорт) имеется около сорока версий [Гарипов 1987].

Этимология - это всегда гипотеза. Причем, этимология имени собственного существенно отличается от этимологии слова вообще и предполагает доведение имени собственного до первичных апеллятивных основ.

"В отличие от этимологии апеллятивов, которая доказывается лингвистически, доведение до апеллятивов лингвистическими методами создает лишь гипотезу, потому, что основывается на предположительной соотнесенности имени с созвучными ему апеллятивами. Эта гипотеза, как правило, нуждается в фактографическом подтверждении" [Теория и методика ономастических исследований 1986, 84].

Такое подтверждение включает в себя учет реалий эпохи, в которую (создавались имена, культурно-исторических условий, а также структурных, семантических параллелей как в данном историко-культурном сообществе, так и в материале других синхронных и диахронных традиций и культур. При анализе этнических наименований следует учитывать и такие важные факторы, как функциональный статус этнонима (микроэтноним, макроэтноним), его источник (автоэтноним, аллоэтноним), основные формы, зафиксированные в памятниках, относящихся к разным языкам и др.

Этимология тюркских этнонимов - одна из сложнейших задач тюркологии. Она может быть решена только глубокими и всесторонними исследованиями, которые требуют некоторых предварительных изысканий, определяющих метод и очередность разработки сначала отдельных частных вопросов, а затем и общих проблем тюркской этнонимии " [Баскаков 1980, 199].

Историко-этимологическое описание тюркских этнонимов

Ниже приведены наиболее распространенные этимологии древнетюркских этнонимов, которые разделены на названия крупных племенных объединений, названия племен, названия мелких родоплеменных подразделений, входивших в эти племена или соплеменности.

TÜRK

Этноним TÜRK восстанавливается в данной форме на основе тюркских рунических надписей, подтвержденных также памятниками уйгурского и арабского письма. Китайская транскрипция данного этнонима восстанавливается в виде *Tuat-kiwat* "туцзюе", или *türküt* [Пельо, Прицак, Гумилев; см.: Кляшторный 1964, Кононов 1980, 46].

"Наиболее вероятным прототипом этого имени, как полагал А.Н.Бернштам, является слово *türkün* "место, где собирается племя, родственники, отчий дом", которое в китайских источниках есть слово, представляющее собой монгольскую, а вернее согдийскую форму множественного числа на *-t/-d* от основ с конечным на *-n*" [Кляшторный 1965, Кононов 1980, 51].

В пользу согдийского, а не монгольского происхождения основы высказался Я.Хармата: впервые официально сообщили о тюрках в китайскую имперскую канцелярию согдийские дипломаты, поэтому следует предположить, что название тюрков в китайском дворе установилось в согдийской форме *twrky*. Согдийское множественное число от формы *twrky* могло быть *Twrkyt* = *Türkit*, или *türkid*, точно отраженное китайской транскрипцией [см.: Немец 1976; Кононов 1980, 47].

Монгольского происхождения термина придерживается Н.А.-Басаков: *türk* < монг. *Türkün//törküm//türhum* "родители и родня замужней женщины" > *türk* - название народа, или племени, из которого монголы брали себе жен [Басаков 1980, 1985].

Опыт классического анализа термина *türk* представляет исследование академика А.Н.Кононова, не потерявшее своего значения и сегодня [Кононов 1949].

Ученый указывает, что к двадцатым годам текущего столетия наиболее популярными гипотезами оказались гипотезы, связывающие слово тюрк со значениями "шлем" и также "творение, человек".

Первая восходит к китайскому осмыслению значения слова тюрк, согласно которому гора, имевшая форму шлема, у подножия которой находился лагерь туцзюе, послужила причиной того, что народ этот стал называть себя туцзюе, так как на их языке это означало шлем.

Вторая гипотеза принадлежит А.Вамбери : Türk < türük < turu-"geboren werden" + -к > türk в первоначальном значении "творение, человек" [Vambery 1879, Bazin 1953].

Много сторонников нашла гипотеза, выдвинутая Ю.Неметом, который связывает слово тюрк со значениями "мощь, сила" [Nemeth 1927; Doerfer 1965, 491].

Один из старейших арабских хадисов связывает термин тюрк с арабским словом, означающим "бросать, оставлять в покое" [Заянчковский 1966].

Иную основу для этимологии этнонима видят современные ученые. Так, Р.Фрай усматривает в türk < tür + -к, где tür/tur "обозначение какого-то тотема пратюрков в Центральной Азии + -к -аффикс множ.ч.[Фрай 1972, 66].

Аналогичные исходные структурные параметры берет за основу этнограф Ф.Гордеев: Türk < tur+ (е)к, буквально - "туранец, туранский" (ирано-согд.) [Гордеев 1968, 25].

О.Прицак выводит слово тюрк из türküt: < Tür< Tör "почетное место"+ -kü - аффикс собирательности + -t -аффикс множ.ч. [Pritsak 1952].

Еще ранее академик А.Кононов высказал предположение о связи термина Türk с Tör. По мнению А.Кононова : türk < türkün "место где собирается племя, отчий дом, родственники", которое в результате гаплогенетической утраты конечного -ün превратилось в türk: türk < türkün < tür/tör + kün, где tür/tör/tös "от фетиша, затем духа и его вещественного отображения "идола", "бога" и связанного с этим значением понятий "место идола", "передний угол", "почетное место у очага" - до значения "обычай", "закон", "правило" и вплоть до понятия "судья, господин, начальник"+ kün "женское начало, жена, женщина" или "народ, род, фамилия"[Кононов 1949].

Таким образом, этимология А.Н.Кононова является наиболее обоснованной, и к ней, в конечном счете, могут быть сведены многие другие распространенные гипотезы. В дополнение к системе доказательств А.Н.Кононова можно привести следующие наблюдения:

Термин тюрк, выступая в памятниках как политический термин, служил для обозначения высокородной степной аристократии и в функциональном плане соотносился с терминами толес и тардуш, образуя с ними трехчленную оппозицию, составляющую политико-административную характеристику древнетюркского общества, которая полностью соотносится со структурной организацией тюркского жилища:

Происхождение термина tör "почетное место" следует связать с общеалтайским turu//toru "столб, шаманское дерево, жердь, верхним концом выходящая через дымовое отверстие чума для камлания; шест из обтесанной лиственницы (дорога по которой духи поднимаются на небо)" [Константинова 1972; ССТМЯ, 11, 221]. Указанный столб, несущий важную религиозно-обрядовую функциональную нагрузку, имеет аналоги во многих мировых культурах [Мифы народов мира, 11, 1984], сохранился в виде реликта в традиционных жилищах алтайцев [Тихонова 1984], и даже современных жилищах тюркоязычных народов в виде колонны в центре комнаты [Жилина 1982, 145; Батчаев, 1986 и др].

Термин tor/tur употребляется и вне жилища, но в значениях, близких к основному: ср., чув. тара "верхушка дерева"; первоначально "верхушка мирового дерева"; тат. тора, тура "город, ограждение, место моления, капица на вершине высокой горы", [Ахметьянов 1981], тор "самая верхняя часть долины, высокогорное пастбище (каз., кирг.) [Мурзаев 19084, 50], тура "сторожевая, или сигнальная башня" (уйг).

С этнонимом тюрк связаны также и этнотермины торк - русских летописей, а также тургеш и туркмен.

Торки - одно из названий племени огузов, древних узов -черных клобуков русских летописей. Нет никаких сомнений в том, что этноним торки - русская адаптация названия племени Türk [Баскаков 1985, 59].

Türgeş - одно из племен, входивших в ЗТК, позднее создавшее свой, Тургешский каганат, явившийся итогом развития ЗТК [см.: БК, Тон.]. По китайским источникам термин реконструируется как туцзиши, или туцзеши [Малявкин 1989]. Все этимологии связывают происхождение этнонима с названием тюрк:

1) Türgeş < türk + eş, т.е. структура этнонима рассматривается аналогично структуре этнонима тюрк [Pritsak 1952].

2) türgeş < türk + -eş "показатель собирательности-множественности"[Кононов 1980, 146]. По В.Котвичу, термин türgeş < Türk + -eş "подобный тюрку", впоследствии аффикс =eş был передан через персидский: тургеш = туркмен "подобный тюрку" [Kotwicz 1948].

Türkmen - название тюркского племени из огузов [МК]. В основе данного этнонима также ясно видится термин тюрк :

1) türkmen < türk - men. "я - тюрк" [Vambery 1879], или türkmen < türk + -men "аффикс собирательности-мн. >" > türkmen "племя тюрков"[Аристов 1896].

2) Согласно Бируни туркменами называли огузов (гуззов), принявших ислам. Это обстоятельство послужило поводом для старой этимологии, предложенной Нешри : türkmen < türk-iman "правоверный тюрк"[см.: Pritsak 1953, 387].

Термин туркмен впервые появляется у арабских географов. Так, по Макдиси (вторая половина X в.) термином туркмен обозначались огузы и карлуки. Эти сведения подтверждаются и Махмудом Кашгари [МК, 1, 473]. Позднее название туркмен закрепилось за одним из самых мощных племенных объединений -огузами; при переселении на запад термином туркмен был заменен старый термин огуз [Кононов 1958, 98]. В китайских источниках туркмены упоминаются позднее, в XIV в., в форме транскрибируемой как те-го-мен [Бартольд V, 572].

3) Наиболее вероятной представляется гипотеза, связывающая происхождение этнонима в связи с термином тюрк : türkmen < türk - manand, перс, "подобный тюрку", причем у МК это название приписывается Александру Македонскому [МК, 111, 304], см.: [Березин 1861, Кононов

1958, Баскаков 1985]. Данная форма этнического названия вполне может быть персидским оформлением тюркского *türgeş* "подобный тюрку".

OĞUZ

В источниках встречается как название союза тюркских племен [Онг., Тон., КТ, МЧ], название одного из тюркских племен [МК], одно из названий хазарского рода и древних узов - черных клобуков русских летописей.

О происхождении термина, которому придается скорее этнографическое значение, имеется несколько мнений:

Одно из самых первых связывает термин *oğuz* с апеллятивом *oğuz/uğuz* "молозиво" [Березин 19861; Pelliot 1930].

По Махмуду Кашгари название племени огуз связано с именем родоначальника огузов - Огуз-хана [МК 1, 59].

Многие исследователи видят в термине этноним тотемного происхождения: *oğuz* < *höküz* "бык" [Sinor 1950, Бернштам 1951, Bazin 1953 и др.].

С. Толстов пытался возвести термин огуз к названию массагетского племени аугассиев: *oğuz* < *augas* "речные, может быть приморские" [Толстов 1950]. Но приняв предположение ученого пришлось бы пересмотреть все, основанные на исторических фактах представления о происхождении огузов [Кононов 1958, 83].

Если приведенные выше этимологии основаны на рассмотрении термина огуз, как неразложимого слова, то другая группа ученых видит в термине двухсоставное, или аффиксальное образование:

Так, по мнению ряда исследователей термин *oğuz* < *oq* "стрела" + *uz* - "человек" > *oguz* "человек-стрела" [Marqwart 1914 и др.]. Но как указывает А. Кононов, *uz* не имеет значения "человек", оно значит "мастер, специалист" [Кононов 1958, 83].

Лигети видел в *-uz* аффикс мн.ч. и этимологизировал термин *oğuz* - *oq-uz* "стрелы" [Ligeti 1967, 382].

По мнению А.Кононова oğuz < og/ög "род, племя", или "родовое подразделение"+ -uz "афф.мн.ч. > oğuz "объединение племен" [Кононов 1958, 1980]. Таким образом, слово огуз первоначально могло означать просто "племена", "объединение племен", позднее апеллятив превратился в этнический термин с собирательным значением, получавшим в известных случаях необходимый детерминатив : toquz oğuz "девять огузов (девять племен)", üç oğuz "три огуза (три племени)" [Кононов 1958, 84].

Н.А.Баскаков считает, что термин oğuz представляет собой фонетический вариант термина oğur. Оба термина различаются между собой фонетическим соответствием z//r

Ученый приводит еще ряд вариантов названия, одни из которых, например oğuz//uuz//uz представляют различные степени адаптации названия oğuz в древнерусских памятниках письменности и летописях, а другие, например, onoğuz//onoğur "десять огузов (огузов)", kotriğur< Otur//hotuz (otuz) oğur "тридцать огузов" и проч.- названия более мелких родовых подразделений [Баскаков 1985, 61].

Относительно этимологии термина Н.А.Баскаков высказывает следующую гипотезу: oğuz//oğur< o- "думать размышлять", или ög "разум, мысль" + -guz// -gur// -ur//uz/ -афф.имени действующего лица" > oğuz//oğur// "мудрый, мудрец", или ouğur/ouğuz "умный, разумный, мудрый, мудрец" [Баскаков 1985, 62].

Синьцзянский ученый А.Хабибулла также склонен рассматривать термины oğuz//oğur как варианты одного термина, но в основе термина видит другой исконный компонент: oğuz// oğur//ouğur < o "охота" + -ğur "имитатив со значением быстроты, резвости > "резвый, быстрый охотник" [Хабибулла 1986].

Имя огузов носили многочисленные роды и племена в Монголии, по всей вероятности, распространение родового имени и легенд об Огуз-кагане среди многих тюркских народов нельзя объяснить только существованием у тюрков культа быка, и истоки такого распространения, видимо, в том, что o#иг - это крупное объединение племен, состав которого не был постоянен, и отдельные племена могли выйти из этого союза, или войти в него позднее. Во всяком случае, ко времени первых тюркских государственных образований термин этот имел широкое рас-

пространение. Более того, в вариантах легенд об Огуз-хане, а также по другим источникам, происхождение многих крупных тюркских племен (и соответственно их названий) связывается с огузами (Огуз-ханом).

Напрямую связан с данным этнотермином и этноним *toqquz oğuz* - название союза племен, игравшего важнейшую роль в судьбах Тюркского и Уйгурского каганатов, а также других государственных образований тюркских племен. Термин часто встречается в ТРП, в арабских источниках этим термином (токуз-гузз) обозначались уйгуры. Буквальное значение термина - "девять огузов", "девять племен". аналогичное значение имел и китайский эквивалент данного термина.

TELE

Под этим термином со времени существования Танского государства в китайских источниках обозначали союз племен, которые в ТРП именовались токуз огуз, хотя нельзя говорить о полной идентификации терминов теле и токуз огуз, поскольку термин теле был шире и охватывал больший круг племен.

Большинством исследователей *Tele* китайских источников трактуется как китайская транскрипция тюркского самоназвания, но относительно исконного звучания термина высказываются разные мнения:

А.Малявкин, поддерживая китайского ученого Чэнь Чжу-мяня, считает, что теле (тэлэ) - общепринятое в танское время искаженное написание китайской транскрипции тюркского титула *tegin*, правильная транскрипция которого была тэцзинь [Малявкин 1983, 172].

Синьцзянские ученые видят в термине - транскрипцию слова *tuga* [Уйгур тарихи 1987; Шинжанни кискичэ тарихи 1984].

Ряд исследователей видят в *tele* китайское оформление тюркского слова *tegreg* "телега, повозка", которое по значению сопоставляется с этнотерминами динлин, гаогюй, канглы [Позднеев, 1899, Бичурин, Кляшторный, 1964, 1988 со ссылкой на Бод-берга и Гамильтона].

На последующих этапах токуз огузский союз, во главе с уйгурами составивший основу Уйгурского каганата стал отождествляться с самими уйгурами, и уже арабские источники называют токуз огузами уйгуров Восточного Туркестана.

Таким образом, термины теле, токуз огуз, позднее уйгур обозначали одну и ту же конфедерацию племен в разных источниках и для разных периодов. Все эти термины имели политическое наполнение, обозначая союз племен. Что же касается термина уйгур, он первоначально все же имел этнический характер, но уже к периоду Танской империи приобрел в источниках скорее политический, нежели этнический характер.

UYĞUR

Вопрос о происхождении названия уйгур до сих пор окончательно не решен, хотя вот уже 9 столетий эта проблема занимает умы исследователей. Термин *ууғур* представлен в ТРП [Судж.,Мог.,БК], памятниках древнеуйгурской письменности, у Махмуда Кашгари. В китайских источниках этот термин встречается в формах *вейхи*, *хуэйхэ*,-;*хуэйху*, *вэйвур* и др. Причем, в китайских источниках упоминается интересный факт о том, что уйгурский правитель в 788г. направил посла к Танскому двору с просьбой о переименовании (уточнении) китайского названия уйгуров с *хуйхэ*, имевшем в кит. значение "соединяться,союзник" на *хуйху* [Позднеев, 1899*85].

Самые первые этимологии этнонима представлены в народных легендах, которые создавались уже в те времена, когда истинное значение имени было уже забыто [детальный анализ этимологии см.: Клоссон 1965].

В легенде, приведенной Махмудом Кашгари, название уйгур приписывается Александру Македонскому, который встретившись с четырьмя тысячами воинов, вышедших ему навстречу, был поражен их ловкостью и бесстрашием и воскликнул (по-персидски ?): *inān xwud xwugand* "эти люди сами себе добывают пищу, от них никому не уйти, они едят вволю".Так и стал называться' этот народ *xudxur*, позднее слово перетерпело ряд фонетических изменений и превратилось в уйгур [МК 1, 111]

По другой легенде, зафиксированной в более поздний период Рашид-ад-дином и Абу-л-Гази , название уйгур связано с деятельностью Огуз-хана, который дал это имя племенам, вставшим на его сторону во время вражды с отцом, из-за принятия Огузом ислама.

Рашид-ад-дин считает это слово персидским [Березин 1858], а Абу-л-Гази, как тюрок, дает свое тюркское толкование термину: "Уйгур - тюркское слово, значение его известно всем: оно значит "прилипшийся (җапшыгур)". Так, говорят: сут уйуды "молоко свернулось". Когда молоко было свежим, частицы его были отделены друг от друга, но после того, как молоко свернулось, частицы соединились. А еще говорят : имамга уйудум " я последовал примеру имама"[Кононов 1958, 42].

Легенда послужила поводом для возникновения многочисленных этимологии: Так, Ю. Клапрот, А.Казембек, А.Вамбери и др. выступили с гипотезами , сводящимися к *уғур* < *уу*-"примиряться, следовать"+ *-ғур* "афф.прич."> *уғур* "примирившийся, следовавший".

Г.Дерфер склонен видеть в *уғур* апеллятив со значениями "сторонник, приверженец, помощник"[Doerfer, 1963, 169].

Дж.Банзаров выдвинул гипотезу, согласно которой *уғур* <монг. *оу* "лес" + *ғур* "народ"> *оуғур* "лесной народ"[Банзаров 1966, 185].

Н.А.Баскаков происхождение этнонима уйгур связывает с этнонимом *огуз//огур*, считая их вариантами одного и того же названия со значениями "мудрый", "могучий", "сильный" (Баскаков 1985, 62).

Уйгурский ученый из СУАР КНР А.Хабибулла детально проанализировав функционирование данного этнонима в разные эпохи и в различных источниках, также пришел к выводу о связи терминов *уғур//оғур* в следующей интерпретации: *уғур* < *оуғур* < *он оғур* < *он* "десять"+ *оғур* " как сокол быстрый и резвый, храбрый" [Habibulla 1986].

Таковы основные этимологии этнонима уйгур, ни одна из которых не может быть принята, как бесспорная. Еще В.В.Радлов в конце прошлого столетия писал об этнониме: "прозвище уйгур могло быть еще в древности нерасчлененным тюркским словом, происхождение которого и самим восточным тюркам было непонятно; в этом случае слово должно было бы проистекать или из какого-то забытого корня, или же в слове этом, можно было бы видеть иностранное, в этом, последнем" случае об этимологическом возведении можно было бы трактовать, только если бы имелись определенные исторические свидетельства о самом происхождении спорного слова" [Радлов 1893/14].

Qyrğyz

Данный этнический термин встречается в ТРП [Тон.,КТ,МЧ] как наименование одной из племенных общностей тюрков. Ему также придается исследователями для древнего периода скорее политическое значение [Абрамзон 1971, Кызласов 1968]. В арабских и персидских источниках кыргызы упоминаются как соседи токуз огузов и кимаков. В китайских источниках этнотермин встречается в форме цзяньгунь, цзегу [Малявкин 1989].

Махмуд Кашгари помещает кыргызов на крайнем востоке обитания тюрков [МК 1,36] К.Менгес предполагает, что кыргызы были племенной группой не тюркского, возможно даже не алтайского происхождения, со светлыми волосами и белой кожей [Менгес 1979].

Выдвинуты самые разные этимологии этнонима qyrğyz.

Согласно народных преданий этноним кыргыз означает "сорок девушек" (qyrq qyz). С учетом данных преданий составлена этимология С.Абрамзона, который принял во внимание настойчивые указания эпоса и легендарных преданий о том, что в состав кыргызов входят сорок племен или родов: qyrğyz < qyrq "сорок" + -yz. -афф.мн.ч. [Абрамзон 1946; см. также, Банзаров 1966, Ligeti 1967].

В.В.Радлов видел в термине qyrğyz < qyrq+jüz "сто, сотня. "сорокосотенный народ" [Радлов 1929].

Другая группа исследователей в первой части этноним видела qur "степь" и на этом строила свои этимологии:

Qyrğyz < qur "степь" + qyz (< qyzy//kişi) "человек" > qur- qyz "степные люди" [Маргулан 1959].

Qyrğyz < qur "степь" + ğyz- "кочевать" > qyrğyz "кочующий в степях" [Vambery 1879].

Интересна этимология, предложенная М.Мункачи: qyrğyz < qur "степь" + oğuz "огуз" > qur oğuz "степные огузы" [Munkaszi 1967].

Наконец, третья группа ученых в первой части этнонима кыргыз склонна видеть древнетюркское qur/quru "красный" (в разных значениях), и исходя из этого этимологизировала этноним: qyrğyz < qur/(quru "красный" + -(u)z - афф. мн.ч. > qurğuz "красные".

По мнению К.Петрова [1964] термин кыргыз "красные" употреблялся первоначально в качестве топоэтнонима: "красные местности", "жители красных местностей", "красные", а когда значение множ.ч. термина кыргыз

было забыто, в значении - "красный народ".

А.Н.Кононов считает, что кыргыз есть форма собирательности-множественности от основы *qur* "красные", и следовательно все праформы этого этнонима одинаково обозначали (в разное время у разных народов) "красные", "румяные", что вполне согласуется с указанием китайских источников о том, что жители страны Хакас=Хягяс, т.е. Цзянь-Кунь (древние киргизы) росли, с румяными лицами и голубыми глазами [Кононов 1970].

Н.А.Баскаков предлагает этимологию этнонима кыргыз, основываясь на своей концепции о распространенности этнотермина *огуз* в этнонимии тюрков:

Qyrğyz < *Qyrğuz* < *qur* "красный" + *oğuz* "огуз" > *qurğuz* "красные огузы" - по географическому распространению по странам света - "южные огузы" (по соответствию названий цвета сторонам мира у уйгуров), или "западные огузы" - (по соответствию названий цвета сторонам мира у буддистов и ламаистов)[Баскаков 1964].

Таковы наиболее известные этимологии этнонимам кыргыз.

Qurçaq

Название тюркского племени неоднократно упоминается Махмудом Кашгари, часто встречается в арабских источниках. Общепринято, что первое упоминание кыпчаков в источниках связано с Ибн Хордабехом (IX в.), хотя многие филологи и историки склонны согласиться с прочтением строки памятника из Шине Усу Г.Рамстедтом, который считал весьма вероятным в четвертой строке данного памятника наличие сочетания *Türk - Qurçaq* [Ramstedt 1916]. Мнение ученого поддерживается С.Г.Кляшторным [1986] и С.Ахинжановым [1989].

Легендарные сведения связывают происхождение этнонима с деятельностью Огуз хана, который нарек именем Кыпчак человека, рожденного в дупле сгнившего дерева : *qurçaq* < *qubıq* "сгнившее в середине дерево". Эта легенда приведена Рашид-ад-дином [Березин 1859] и Абул-Гази [Кононов 1958].

Имеются следующие знаменательные значения слова *qurşaq* "неудачливый", "злополучный", "несчастный", "злосчастный" [ДТС, 449]. С.Г.Кляшторный, на основе тщательного анализа данных ТРП приходит к выводу, что памятники по разному обозначали господствующую группу племен : собственно тюркские памятники именуют их "тюрками и сирами", а уйгурский памятник из ШИне Усу - называет их "тюрками и кыпчаками".

Ученый приходит к выводу что сир и кыпчак - это названия одного и того же племени, причем кыпчак - как этноним-оберег с уничижительным значением ("злосчастные, никчемные") был принят сирами после их разгрома, что для уйгуров оказалось как нельзя кстати, чтобы придать забвению имя сиров, но зато акцентировать их прозвище с уничижительным значением [Кляшторный 1986].

Большинство исследователей связывает название кыпчак с тюркским *quban* "половый, желтый, блеклый".

Ю.Немет приводит следующие названия куманов у разных народов: русское - половцы , образованное от слова половый "бледный, бледножелтый, в Германии кыпчаков звали *val(e)\we> valwe* - ни что иное, как современное *falb* "блеклый, белесоватый", в армянских рукописях - *xartez* "светлый, белокурый" [Nemeth 1967].

По мнению А.Пономарева кыпчак есть не что иное, как перевод имени половецкого народа куман - кубан с исходным значением "бледный, сероватый, бледножелтый" [Пономарев 1940].

Казахский ономаст А. Абдрахманов приводит следующую этимологию названия: кыпшак /*Qurşaq* < кубшак < кубашак < куба "бледный, бледножелтый" + -шак - уменьшит.аф. [Абдрахманов 1975, 128].

Qarluq

Тюркское племя, совместно с уйгурами и басмылами участвовавшее в антитюркском восстании и создании Уйгурского каганата. Этноним часто упоминается в ТРП, по указаниям МАхмуда Кашгари *qarluq* - кочевое тюркское племя , отделенное от огузов, карлуки - тоже туркмены [МК 1,473]. В арабских и персидских источниках встречается в форме халлух , в китайских источниках в форме гэ-ло-лу.

Легенды и предания связывают происхождение этнонима с Огуз ханом, который назвал карлуками несколько семей,отстав-

ших в походе из-за выпавшего большого снега [Березин 1858, 19; Кононов 1958, 45]. В соответствии с этими данными и в связи с прозрачностью значения апеллятива многие исследователи видели в qarluq "снежный".

Интересной представляется гипотеза Г.Дерфера, который считает возможной этимологию qarluq < qaraluq "смешанный" [Doerfer 1967, 385], ср.: qar- смешивать, перемешивать [ДТС, 422]. В ТРП упоминается также и племя üç qarluq .

Başkirt

Происхождение этнонима до настоящего времени остается загадкой, несмотря на то, что имеются многочисленные этимологии этого названия [детальную и критическую сводку этимологии см.: Гарипов 1987].

Появлению большого числа самых разнообразных этимологии этнонима Başkirt способствовало то, что в источниках встречается значительное число довольно отличающихся друг от друга транслитераций этого названия. Махмуд Кашгари приводит этноним в форме Başkirt [МК ,1, 372].

В арабских исторических сочинениях этноним башкир можно встретить в следующих транскрипциях: Başkirt, başgart, badzgart, а в венгерских хрониках, вероятно в более точных транслитерациях: Başqart [Баскаков 1984].

Ниже приведены наиболее распространенные из более 40 этимологии этнонима .

Как водится, многие этимологии основываются на народных преданиях и легендах: Başkirt < başqurt < baş "голова", "главный", "вожак" + qurt "волк"> başqurt "волк-вожак", как тотем башкиров, по которому они могли получить свое название [Филоненко, 1913, Киреев 1971, Илимбетов 1971].

Также с волком, но в качестве союза пяти родственных племен, объединенных общим культом, связана этимология başkirt < beş + qurt "пять волков" [Кузеев 1969].

"Волчья" тема прослеживается и в этимологии başqurt < başi qurt "волчья голова" а также в гипотезе, согласно которой başqurt < Bozqurt "серый волк" [см.: Гарипов 1987, 8].

В связи с распространенным у башкир исконным занятием - бортничеством возникла гипотеза, связывающая этноним с апеллятивом qurt "пчела": başqurt < baş+ qurt "матка пчелиная" - 'главная пчела', "пчеловод" [Claprot, Castren, Гарипов 1959].

По значению главного, ведущего племени, лежащего в основе названия предложили свои этимологии С.Мирас [1926]: başqart "главный аксакал" и У. Биишев [1972]: başqurt < baş+qurt "народ главного племени, ведущего племени".

Ряд ученых связывают этноним башкурт с названием племени огуров: Başgirt < beş "пять"+ ogur "огурь"+ -t: венг. окончание > beşgurt "пять огуров", по аналогии с оногур, токуз огур и проч. [Nemeth 1930].

Başqurt < Badzgurt < badza+ ogur + -t > "своjak огуров; BAŞQURT < badza hotur oğur "своjak тридцати огуров "[Baskakov 1976].

Т А Т

На языке всех тюрков тат - название иранцев. Племена тохси и ягма называют татами уйгуров - не мусульман [МК 1, 454] .

В.Бартольд указывает, что слово тат встречается в языке туркмен, которые так называют людей оседлой культуры, в том числе хивинцев. Такое же значение слово тат имело очевидно в XIV., иначе трудно было бы объяснить существование одного и того же названия для иранцев и для культурных турок [Бартольд ,т.V,82].

Ф.Д.Люшкевич считает, что первоначально этническое содержание этого слова на территории древнего расселения ираноязычных народов определяется как "ираноязычный" [Люшкевич 1967, 193]. По мнению С.П.Толстова слово тат имело значение "оседлый данник" [Толстов 1947, 258].

Известны следующие знаменательные значения слова тат : "иноплеменник", "праздношатающийся народ", "вольнонаемные воины" [Будагов 1868, 329], а также "чужеземец", "иноплеменник" [ДТС, 511].

Arğu

Название тюркского племени упоминается в ТРП и у Махмуда Кашгари [Мог, МК]. Махмуд Кашгари возводит этноним к названию местности : arğu "этноним"< arğu "название местности между Таласом и Баласагуном, где проживало данное племя" < arğu "межгорье". В.Бартольд

отмечает, что область Аргу носила такое название по своему местоположению между Александровским хребтом и Чу-Илийскими горами и относит племя аргу к числу отуреченных согдийцев [Бартольд, т.У, 76].

Некоторыми исследователями аргу отождествляется с аргы-нами. Н.Н.Аристов, в свою очередь отождествлял аргынов с басмылами и считал, что оба этих этнонима означают "помесь-" [Аристов 1897]. Эта версия была поддержана В.В.Бартольдом и Г. Грумм-Гржимайло, но встретила возражение казахских исследователей.

А.Абдрахманов, приведя доказательства тождества аргу = аргун, следующим образом этимологизирует этноним: аргу < аргун < ар "задняя сторона, сторона за спиной, запад" + -ун "гунн"(племя, род, человек) > аргун "западные гунны, западные племена" [Абдрахманов 1971, 99].

Т.Д. Джанузаков предлагает следующую схему фонетической деформации названия: аргу < аргун < аргын < арган < аркагун < арка "множество, совокупность, толпа, группа" + -ун "показатель множественности" ^ аргун "племенное объединение, племенной союз, множество племен" [Джанузаков 1976, 101].

Последняя этимология представляется наиболее удачной, хотя бы потому, что среди типологических универсалий тюркской (и общей) этнонимии наиболее типичной является универсалия, связывающая этнонимы с понятиями "совокупность племен", "объединение племен", "союз племен" и проч.(ср.: этимологии терминов огуз, тюрк и проч.).

SUVAR

Название одного из тюркских племен [МК 1,30 и др.], а также название гуннского, хазарского и болгарского родов [Баскаков 1985]. Исследователи отождествляют этноним с термином чуваш, считая последний вариантом слова сувар [Бартольд У,208]. Как указывает Ф.Каховский, предки чувашей долгое время именовались савирами, а в арабских и персидских источниках - суvarами. Самоназванием же этих племен еще в древние времена, по-видимому, было близко к форме сауазУ [Каховский 1965].

Историки прошлого века пытались объяснить происхождение этнонима савир из топонимического названия Сибирь и помещали сувар первоначально в ее западной части.

Ф.Моор выдвинул гипотезу об иранском происхождении этнического названия: suvar < sawar < saw// sau ир."черный"+ агуа "иранец" > sawar // suvar "черный иран", или "черный алан"[Моог 1959]. Гипотеза об иранском (шире - индоевропейском происхождении вполне допустима), ср.: ир. Suwar < вед. Suar (swar) "солнце" [Дюмезиль 1986].

По мнению Ф.Каховского suwar/sawir - названия тюркского происхождения из suwar < su//so - видимо, легендарные предки всех тюркоязычных народов Со + аг "мужчина, герой". Модификация древнего термина произошла по характерному для чувашского языка закону: между гласными О и А появляется протетический W [Каховский 1965, 184].

Аналогичную структуру этнонима склонен видеть Ф.Гордеев: suwar < suw "название реки Сува" + аг "муж, мужчина, герой" [Гордеев 1968, 15].

Наиболее убедительна гипотеза Ю.Немета, согласно которой suwar < su-(suw-) "слушаться" + -аг "аффикс аориста" > suwar "племя покорных, послушных"[Немет 1976, 302]. Ср. также: авар//апар - название тюркского племени, которое С.Кляшторный для ТРП определяет как псевдоаваров [Кляшторный 1964, 73]- < аба-"отказаться, не слушаться"- ар "афф. прич. > авар "отказывающийся, не слушающийся" [Nemeth 1976].

Bulgar

Название древнего тюркского племени, у МК: Bulgar - название тюркского племени, живущего близ Рума и Руса [МК 1,30], имеется также и название хазарского рода булгар [Баскаков 1985].

Наиболее распространенные этимологии этнонима следующие: bulgar < Bul(bala), иранское "большой, великий"+ gar "рука; часть; центр войскового строя"> Bulgar "большая (главная, центральная) рука (часть)", или "господствующая в государстве (орда)" [Булатов 1965, 265].

Часть исследователей видят в окончании -ар - самостоятельное слово ар//ер "человек" (тюркск. "муж, мужчина, герой")-[Еремеев 1970; Гордеев 1968]. Как указывает Н.А.Баскаков, если учитывать значение первого компонента как глагольной основы, то морфема -аг/-ег/-г имеет значение не самостоятельного слова, а значение аффикса причастия, образующего от глагола форму, обозначающую привычное, обычное действие: bulgar < bulğa- "смешивать, возмущать" + -г > Bulğa-г "возмущающий, мятежный"[Баскаков 1971; Немет, 1976].

K E NCEK

Тюркское племя, а также родовое подразделение огузов [МК, 1,118]. Как указывает Махмуд Кашгари люди племени кенджек говорили по-тюркски, но у них был свой язык. Кенджек - не тюрки, они пришли к тюркам позднее [МК, 111, 118].

Наиболее вероятная гипотеза о происхождении этнонима приведена Н.А.Баскаковым [1971, 104]: kencek "этноним" < kence "младший сын, последний сын" + -к "уменьшит, афф. "> kencek "название племени (рода),- происходящего от младшего сына.

ÇİGİL

Этноним встречается в памятнике Моюнчуру и МК. По Махмуду Кашгари чигилями звались три племени. Первое живет в Куясе, они - кочевники. Второе племя расселено близь Таласа. Третье - занимает несколько селений Кашгара. По легенде, приведенной средневековым ученым происхождение этнонима связано с Александром Македонским: когда великий полководец подходил с войском к городам Аргу, пошел сильный дождь, дороги размыло так, что дальше идти было невозможно. Разгневанный Зулкарнайн воскликнул: " İn çigil ast! - Какая грязь! " . Позднее на этом месте построили крепость, прозванную Чигиль. Отсюда народ, проживавший в тех местах стал прозываться чигиль. Огузы, жившие по соседству с чигилями, постоянно враждовали с ними. Они ошибочно всех тюрков, одевавшихся как чигили, и с похожими обычаями, также называли чигиль [МК, 1, 393]. В ДТС указано переносное значение слова чигиль "простолудин" [ДТС, 145]. Однако, ср.: çigil "спутанный, смешанный" [Doerfer 1967, 88]. Этноним мог быть дан как название, отражавшее структуру и разнородный состав племени. Ср. также этноним Basmyl//yasmıl - племя не чисто тюркского происхождения [МК, 1,481].

Племя упоминается в ТРП, как население Восточного Туркестана (г. Бешбалык), впоследствии занятого уйгурами. В европейском словаре Дюканжа слово басмыл означало "метис, человек смешанного происхождения" [Бартольд, т.-У; 44].

TATAR

Этноним упоминается в ТРП и МК, как название тюркского (или монгольского) племени. Как указывает Н. А. Баскаков, этноним происходит либо из этнонима тат "иноплеменник, празднующийся народ,вольнонаемные воины"(Будагов)+ аг- аф.мн.ч., либо из основы tat-// tatu~ "испытывать"+ -аг аф.причастия >Tat-аг "испытывающий, опытный советник", наконец, либо от основы tat, связанной с производными tatuw "союз,мир", tatuwlu "мирный", tatuwlaq "союзник"- встречающейся в языке тюрки, который был распространен в Золотой Орде"[Баскаков 1971,105].

По мнению В.В.Бартольда [т.У, 560] татары,очевидно, народ монгольского происхождения,сами всегда называли себя татарами.После Чингиз-хана это слово в Монголии и Средней Азии было полностью вытеснено словом монгол, официально введенном Чингиз-ханом. В ТРП встречаются названия *toquz tatar* "девять племен татар" и *otuz tatar* "тридцать племен татар". У Махмуда Кашгари язык татар отличается от тюркского [МК, 1, 30],но уже в "Худуд ал-алам" татары названы частью токузгузов, а у Гардизи - частью кимаков. Позднее, как в России, так и в Западной Европе татарами часто называли все тюркские народы, за исключением османцев [Бартольд ,т.У, 559].

YAĞMA

Махмуд Кашгари упоминает название тюркского племени уағма, которое называли также и қаға уағма. Язык этого племени относится к наиболее правильным [МК, III, 34]. Племя ягма жило к югу от Иссык-куля и далее к Кашгару, основным занятием его было скотоводство и охота. Как указывает В.В.Бартольд ягма "отряды совершающие набеги" - отличались особой воинственностью [Бартольд ,т.2,ч.1, 243]. Племя ягма, наряду с тохси чигилями и карлуками относятся к основателям Караханидского государства. Ср.: уағма "разбой,грабеж" [Радлов,т. 111, 54]; toxsi, монг. toxsi- "бить, ударять"[Абаев, 1973, 307]. По мнению В.В.Бартольда ягма - ветвь токузогузов или уйгуров [т.У, 71].

Названия огузских родов

Таковы основные названия тюркских племен, наиболее часто встречающиеся в древних и средневековых тюркских памятниках. Наконец, еще ряд этнонимов, которые также отражены в тюркских нарративных источниках - это названия огузских родов. Как известно, особое внимание Махмуд Кашгари уделяет огузам, он описывает родовые деления огузов, даже мелкие, с указанием их тамг и онгонов, "потому, что в знании всего этого есть особая нужда" [МК 1, 56]. С.Г.Кляшторный дает детальное объяснение причинам такого серьезного внимания средневекового ученого огузам, объясняя это тем историческим значением, которое приобрели огузы к тому времени [Кляшторный 1972]. Имеется другой источник, детально описывающий родоплеменное деление огузов - сочинение Рашид-ад-дина [Березин, 1859], наконец, значительный интерес представляют данные Абул-Гази, хана Хивинского, о родоплеменном составе огузской конфедерации [Кононов 1958].

В.В.Бартольд провел полный анализ перечня огузских родов у Махмуда Кашгари Рашид-ад-дина [Бартольд, т.2, ч.1, 347 и сл.]. Сравнение родоплеменных названий огузов по Махмуду Кашгари, ахреддину Мубарекшаху и Абул-Гази проведено Г.И.Карповым [1945], З.Мухаммедова сравнивает данные МК, Фахреддина Мубарекшаха и рукописи XIV в. Салар Баба, представляющую собой старотуркменский перевод "Собрания летописей" Рашид-ад-дина [Мухаммедова 1971].

Рассмотрим названия огузских родов (данные по Рашид-ад -дину см.: [Березин 1858], по Абул-Гази: [Кононов 1958]):

1. Главное племя огузов - қуғуқ, из которого вышли каганы - указывает Махмуд Кашгари [МК, 1, 55]. По Рашид-ад-дину кынык обозначает "во всяком месте, где бы ни был, будет почтен", по Абул-Гази Кынык "почтенный. В ДТС [444] приведены следующие знаменательные значения слова: қуғуқ "ревностный, устремленный, усердный", перен. "сильный, чрезвычайный" (ссылка на ряд древнеуйгурских памятников). З.Мухаммедова пишет, что знаменательное значение этнонима, хотя и не совпадающее с толкованиями наших источников, весьма важно. Оно, как правило, имеется в виду при наречении именем [Мухаммедова 1971, 29].

сударство и держать наряд", у Абул-Гази - Дудурга "тот, кто умеет завоевывать страны и держать их за собой". По мнению З. Мухаммедовой знаменательность значения этнонима можно связать с диалектным *dod-ug-gun* "изобилие" [Мухаммедова 1971, 35].

17. *Ulayundluq* [МК 1, 57]. У Рашид-ад-дина Ала юнтлы "скот его будет хорош", по Абул-Гази - Ала йонтлы "имеющий пегую лошадь". Ю.А. Зуев основываясь на данных китайских источников и сопоставлении тамбового материала, указывает, что этноним бома - кит. "пегие кони" - калька тюркского этнонима ала-ат, который можно сопоставить с близкими по значению *ulayuntluq* и *alqa bulaq* "пеголошадные" [Зуев 1962, 106].

18. *Tüger* [МК 1, 57]. По Рашид-ад-дину: Дюкер "относительно обращения", по Абул-Гази Дюкер "круг". Толкование этнонима, приведенное Рашид-ад-дином, сомнительно; несколько убедительнее, если только это не "ложная этимология", толкует его Абул-Гази - утверждает З. Мухаммедова [1971, 35].

С.П. Толстов считает, что дюкер относится к осколкам древнего индоевропейского населения Приаралья - тохаров [Толстов 1948, 245]. Ср.: осетинское *гугур* "куча, группа. Вероятный идеофон с исходным значением круглый" [Абаев 1973, 328].

9. *Beçenek* МК 1, 57]. Кроме рода огузов МК говорит также и об отдельном племени тюрков печенегов, живущих близь Рума МК 1, 488] и противопоставляет их друг другу. Печенеги широко известны в истории Руси и Запада [см.: Баскаков 1985]. У Рашид-ад-дина - Бичина - "доброе старание употребляет и оказывает", по Абул-Гази - Бечене "делающий". Наиболее вероятная этимология этнонима указывается Н.А. Баскаковым *Beçenek* < *badza* "свойка, муж сестры жены" + *-nek* - сложный уменьшит.-ласкат. афф. > *Besenek* - племя, из которого брали себе жен соседние тюркские племена [Баскаков 1985, 51; см. также: Бартольд, Bang 1918, Pritsak 1952]. Эта версия встретила сильное возражение Г. Дерфера [Doerfer 1965, 233].

20. *Çuwaldar* [МК 1, 57]. По Рашид-ад-дину Джаулдур "славный и далекоголосый" по Абул-Гази - Чавулдур "честный". По другому трактует этноним Салар Баба: "его делом всегда будет война" [Мухаммедова 1971, 36].

21. Çerpi [МК 1,57]. По Рашид-ад-дину - Чапна "где ни увидит врага - всегда сражается", у Абул-Гази - Чепни "богатырь".

22. Çaruqluq [МК 1, 57]. Его нет ни у Рашид-ад-дина, ни у Абул-Гази. Махмуд Кашгари указывает, что это малочисленный род. Вместе с тем, автор "Дивана" называет также отдельное тюркское племя Чарук, жившее в городе Барчук [МК 111, 381]. Оба этих этнонима, вероятно, связаны с апеллятивом чарук "род обуви, чаруки".

Таким образом, огузская конфедерация представляла собой значительное явление в XI в. Как указывает С.П.Толстов, в X-XI вв. термином "огузы" покрывался конгломерат связанных союзническими отношениями племен различного происхождения, говорящих на различных языках [Толстов 1947]. Подтверждением тому может служить наличие параллельных названий для отдельных тюркских племен и родов огузов, например печенег; кенджек, чарук и чарукдук, кач и кайыг, улайундлук и бома и проч. Видимо, некоторые из тюркских племен лишь частично влились в огузский союз, тогда как основная часть племени продолжала самостоятельное существование.

Такова основная характеристика древнетюркской этнонимии. Общий анализ этимологии тюркских этнонимов позволяет сделать вывод о разнообразии принципов и мотивов этнонимообразования, вместе с тем, следует подчеркнуть что круг структурных типов и семантических моделей древнетюркских этнонимов ограничивается строго определенными характеристиками, имеющими много общего с восточной, и даже шире - общей этнонимией. Этнонимы - наиболее жизнестойки из всех категорий собственных имен. Если функционирование антропонимов всегда зависело от социальных, культурных, политических и религиозных ориентации общества, топонимы могли исчезнуть с исчезновением именуемого объекта, то многие этнонимы существуют на протяжении тысячелетий. Вот почему изучение этнонимов представляет собой актуальную проблему современной науки и привлекает к себе самое пристальное внимание исследователей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ

Особенности функционирования антропонимов в древности и средневековье

Антропонимия, как совокупность собственных имен, даваемых человеку или группе людей, представляется наиболее значительной в системе древнетюркской ономастики. Не случайно, антропонимия представлена в нарративных источниках (эпитафиях и других памятниках) наиболее широко. Более того, антропонимы оказываются подчас единственными свидетельствами той или иной культуры и человеческой общности в древности, как это случилось с именами хунских правителей. Тюркологам-историкам языка хорошо известен факт о том, что расшифровка древнетюркской руники начиналась с прочтения антропонимов, зафиксированных в двуязычных китайско-тюркских памятниках [Бартольд У.26]

Антропонимия в широком смысле этого слова в древности, как впрочем и сейчас, имела чрезвычайно большое значение для члена общества. "Имя рождалось как словесное отражение обычаев, нравов, религиозных ритуалов и их предметных атрибутов. Имя не только имеет функцию обозначения индивидов для удовлетворения практической необходимости общения в пределах определенных социумов, но и сложным образом отражает, фиксирует состояние их культуры" [Митрошкина 1987, 3].

Антропонимы в большей мере, чем другие разряды имен собственных несут в себе повышенную социальную функцию * функцию идентификации личности. Более того, для древнего общества было характерным также и достаточно четкое противопоставление круга людей, связанных между собой кровнородственными отношениями, другим аналогичным микроструктурам. Так, отдельные роды в племени имели определенные имена или группы имен, которые во всем племени могли принадлежать только им .

Другим важнейшим фактором, придающим антропонимии особую специфику как функционального, так и номинативного плана, является статус антропонима или те возможности и свойства, которыми якобы обладает имя.

Еще в "Ригведе" нашла отражение, развитая в более поздних брахманских текстах, концепция тождества имени и природы носителя имени (патагира) [Огибенин 1966, 216].

"Мифологическому сознанию свойственно понимание Имени как некоей внутренней (глубинной) сущности или же того, что выкладывается, налагается и т.п.(ср.наречение, называние новорожденного именем , как отгадывание внутренней сущности в ряде культурно-исторических традиций, или самое возможность понимания первого элемента в индоевропейском слове для Имени: * n *men как "в", "внутри"), которое предполагает в конечном счете тождество Имени и формы, т.е. природы носителя данного имени "[Мифы народов мира 1,508].

Для древнего общества роль Имени для человека трудно переоценить. По древним представлениям личность человека и его имя были органически связаны, более того, имя выполняло и "важнейшую охранную функцию, обеспечивая его носителю защиту от злых (или покровительство со стороны добрых) сверхъестественных сил [Бестужев-Лада 1968,132], выполняя тем самым те же функции, что и обряды и шаманские гимны, связанные с рождением, пеленанием и воспитанием детей [Митрошкина 1987,52]

Соотношение социально-различительной и ритуально-харизматической функций имени в древнем обществе было неоднозначным. Однако обе они, каждая по-своему, воздействовали на формирование антропонимической системы.

Важнейшей особенностью древнетюркской антропонимической системы была многоименность членов общества, главным образом его высших, аристократических слоев, т.е. широко распространенная традиция получения нового имени при смене статуса и места в общественно-политической системе. "Многочисленные имена одного человека были своего рода координаторами, позволяющими определить его место в семье, его положение в роде, в частности, его связи с предками" [Иорданский 1982,242].

В ТРП неоднократно указывается на факт получения *er ati* - геройского имени. Исследователи часто отмечают, как у тюркутов, так и уйгуров и караханидов смену имени правителем, при вступлении на престол и получение нового имени и титула [Мори 1976, Бартольд VII, 11; Gabain 1974 и др.].

Это обстоятельство послужило основанием для достаточного вольного трактования особенностей древнетюркской антропонимической системы Л.Н.Гумилевым, который предположил, что "тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей - чин, мужем - титул, а если это был хан - то титул менялся согласно удельно-лествичной системе" [Гумилев 1967,90].

Данное высказывание крупнейшего знатока истории древних тюрков цитируется почти всеми исследователями антропонимии тюркоязычных народов без какого-либо критического осмысления.

Комплексный подход к исследованию древнетюркской антропонимии позволяет сделать несколько отличную трактовку особенностей функционирования древнетюркской антропонимической системы.

Исследователи древнетюркской эпиграфики и ряда других памятников подчеркивают, что древнейшие надписи упоминают исключительно официальные титулы каганов и никогда не называют их имен или титулов, которые они носили до восшествия на престол [Мори 1976,286], более того, многие ученые отмечают сложность точного прочтения и абсолютно точной идентификации титулов, имен собственных (антропонимов) и именованная родства [Васильев 1981 59].

И вместе с тем представляется возможным выделение в древнетюркской антропонимии целого ряда основных ан-тропонимических категорий, которые в достаточно полной мере отражают особенности функционирования антропонимов в древности и особенности социально-политической системы общества.

Эти основные категории, как правило, заменяют друг друга и таким образом можно выделить несколько антро-понимических подсистем, отличающихся друг от друга сферой функционирования, хронологическими рамками распространения, социальной значимостью.

К числу наиболее значимых антропонимических категорий в древнетюркском обществе относились:

1. Личное имя, даваемое при рождении или взрослому человеку и служащее для идентификации личности в пределах небольших социумов (семья, род, община, может быть отчасти племя). И, видимо, вследствие живучести архаической традиции, согласно которой в антропонимии действовал принцип *Nomina sunt odiosa* "Имена одиозны" (в смысле не подлежат оглашению) [Мифы народов мира 1,509] - эта категория почти не получила отражения в памятниках ранней древности. Этот принцип также активно способствовал многоименности (условной) представителя древнетюркского общества.

Личные имена в этом смысле почти не упоминаются в памятниках ТРП, поскольку в них повествуется, главным образом, о жизни и деятельности верховных правителей или во всяком случае лиц царской крови и приближенных к ним людей.

Причем, в памятниках приводятся лишь официальные титулы верховных правителей - каганов, совершенно отличные от их имен и титулов до восшествия на престол, исключение составляет, по-видимому, легендарный даже для ТРП Бумин-каган, носивший официальный титул Ил-кагана [Мори 1976,281].

К категории личных имен следует также отнести и ряд антропонимов, приведенных в ТРП и относящихся к лицам не царской крови: Тискт 1апн.аг [Мог], 1олли§ *е§т [Мог.] - автор надписей Кюльтегину и Бильге-кагану, Макга(?- хранитель печати тюргешей (КТб), Езбага [Онг.] и т.д., или же обозначающих вообще не тюрков: 1з1§1 Лкап - табгачский посол [КТб], Киш зепип - табгачский военачальник [Тон.] и пр.

Напротив, в памятниках раннего средневековья, в "Диване" Махмуда Кашгари, "Кутадгу билиг" Юсуфа Хас Хажиба, уйгурских юридических документах - абсолютное большинство приведенных антропонимов - это личные имена.

В хронологическом плане личные имена имеют активное функционирование с древнейших времен до наших дней. Наряду с этим и до сегодняшних дней сохранились реликты обычая скрывания имени или наличия внутрисемейного имени, существующего в кругу семьи, наряду с официальным именем.

2. *Eg aty* - "геройское имя" или "мужское имя". Его удостоивались лица, своей доблестью завоевавшие себе славу. Естественно, что в эпитафиях приведены лишь геройские имена представителей высших кругов древнетюркско-го общества, наиболее видных его представителей: кагалов, наследных принцев, выдающихся военачальников, беков и проч.

Вместе с тем, следует отметить, что факт получения "мужского имени" характерен для большинства древних обществ и знаменует собой акт инициации - обрядов и испытаний, освящающих переход юношей (и девушек) в категорию взрослых [Новиков 1982].

Но уже в давние исторические времена тюркского общества слово *eg* стало связываться с представлениями о богатырстве и героизме, хотя и сохраняло ясно выраженную тенденцию к стилистической нейтральности, означая не столько богатыря, героя, сколько просто мужчину, чаще всего воина [Урманчеев 1986, сводку значения слова *эр* см. Севортян 1974, 321].

Факт получения *eg ай* нашел также широкое отражение в тюркском героическом эпосе (см.: "Китаби Деде Кор-куд", "Манас", "Алпамыс" и др.), главные герои которого неизменно получали геройское имя, причем обязательным условием для его получения было совершение подвига [подробнее см.: Урманчеев 1986].

Сфера функционирования *eg ай* была намного шире, чем личного имени - оно выходило за рамки не только семейно-родовой общности, но и за рамки племени и распространялось на все войско и, следовательно, на все государство.

Получив "мужское имя", воин мог присоединить к нему титулы, указывающие на его знатность или место в военно-административной иерархии каганата. Титулы эти являлись частью его "мужского имени" и были неотделимы от него [Кляшторный-Савинов 1982, 144].

3.Родовое имя. В ряде случаев имело важное функциональное значение. Оно могло служить своего рода кодификатором, фиксирующим отношение данного лица к определенному роду, что давало ему определенные преимущества перед другими.

Так, например, сакральным правом на верховную власть в тюркском каганате, как известно, имели лишь члены рода Ашина. Именно поэтому целый ряд правителей, поочередно сменявших друг друга в Западно-тюркском каганате неперенным компонентом своего титула имел родовое имя Ашина: Ашина-Миш, Ашина-Бор-кин, Ашина-Торчи, Ашина-Низок и т.д. [Малявкин 1989], именно поэтому известны случаи, когда басмылы и карлу-ки также оспаривали право на происхождение из рода Ашина.

Точно также в Уйгурском каганате, а потом и в других государствах, созданных уйгурами, право на верховную власть принадлежало только выходцам из рода Яглакар, что также отразилось на именах-титулах верховных правителей уйгурских государственных образований [Малявкин 1979].

Члены уйгурского правящего рода, бежавшие в 840 году в Восточный Туркестан и возглавившие там новое государство, носили родовое имя Яглакар вплоть до X века [Hamilton 1920,71, Кляшторный 1959].

В китайских источниках зафиксировано множество антропонимов, которые учеными связываются с названиями родов уйгуров: Цзюэлоу - имя уйгурского министра < Куребир - название рода у уйгуров, Пугу - имя министра < Bugu. - название уйгурского рода, Eloxэ Milige -Yaglakar Bilge, уйгурский каган, Adiz - уйгурский министр < Adiz -название одного из телесских родов и проч. [см.: Hamilton 1920, Mackeras 1974, Малявкин 1979].

Точно также, гуннские, сабирские и болгарские имена собственные представляли собой первоначально не конкретные мужские имена собственные, а скорее названия родов, к которым принадлежали носители этих имен [Баскаков 1985,30].

Родовое имя давало его носителю особые права и потому тщательно оберегалось и охранялось [Суперанская 1973,177], употребление родового имени как составной части антропонима встречается и в наше время в неофициальной антропонимии [см.: например, межулусные именования у бурят, т.е. категории имен, основным компонентом которых является внутрисемейное имя, дополненное названием рода или улуса [Митрошкина 1987,50].

В древнем обществе родовое имя в качестве антропонима отражало систему биологических связей внутри- и межпопуляционного характера и имело глубокое философское основание интегральную социально-биологическую природу эволюции популяций человека. В языке, как одной из социальных систем, отражаются не только "верхние этажи" популяционной иерархии (этнонимы), но и общности более низких рангов [Соколовский 1985,27].

В функциональном плане антропоним - родовое имя был чрезвычайно близок к династийному имени, составляющему следующую категорию древнетюркской антропонимии.

4. Династийное имя. было присуще лишь верховным правителям, возглавлявшим государственные образования тюрков в древности и средневековье - членам царских династий. Так, широко известны династии караханидских правителей, носивших династийные имена Арслан-хана и Богра-хана.

Династийным следует признать составную часть имен целого ряда правителей уйгурского каганата - Бильге-каган: Алп Кутлук Бильге-каган (745), Ельэтмиш Бильге-каган (746-755), Алп Кутлук Бильге-каган (780-789), Кю-люг Бильге-каган (789-790), Кутлук Бильге-каган (790-795) и проч. [Кляшторный-Лившиц 1978; ср.также: МК, 1,428].

Династийное имя по своим функциональным параметрам близко к родовым, однако в отличие от них, его происхождение может иметь прозвищный (произвольный) характер.

Полные аналогии династийных имен имеются во многих политических структурах других народов (ср.: цари под именами Иван, Петр, Николай, Александр в истории государства Российского).

5.Персонифицированный титул. Данная антропони-ческая категория по своим функциональным характеристикам и в номинативном плане наиболее близка к "мужскому (геройскому) имени" ег а*1, поскольку отражает самые существенные для носителя имени-титула качества и особенности и по сути является его краткой и емкой характеристикой.

Персонифицированные тронные титулы зафиксированы не для всех правителей, упоминаемых в надписях и других памятниках, однако следует признать, что они были широко распространены в древнем обществе и позднее.

Типичными персонифицированными титулами в древ-нетюркском обществе являются компоненты антропонимов тюркских каганов:

Иль-каган - титул Бумин-кагана, Эльтериш-каган - персонифицированный титул Кутлука - основателя второго тюркского каганата, Капаган-каган - тронный титул Моч-жо - брата Эльтериша, Богю-каган - уйгурский правитель, принявший манихейство и проч.

Персонифицированные титулы правителей были известны многим историко-культурным типам общества (ср.: имена русских правителей, Ярослав Мудрый, Иван Калита, Иван Грозный и проч.).

6. Развернутые формы именования. В официальной сфере применительно к верховным правителям(каганам) использовались развернутые формы именования, включавшие в себя кроме династийного имени-титула, также и дополнительные компоненты-эпитеты, которые, как правило, свидетельствовали о божественном происхождении кагана, определяя его как "небом данного", "небом рожденного" и т.д.

Эта традиция имела широкое распространение еще у гуннов, верховного правителя которых - шаньюя, чья власть была строго наследованной и сакрализировалась, называли "сыном неба" и официально именovali "Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный великий гуннский шаньюй".

Ср. у тюрков: Tengriteg Tengride bolmiş Türk Bilge Qağan (KT), ; Tengriteg Tengride jaratmış Türk Bilge Qağan; Tengriteg Tengride bolmiş İl etmiş Bilge Qağan; Aj Tengride Qut bolmiş Alp Bilge Qağan[Gabain1974].

Уйгурские государи Кочо вскоре перестали именовать себя каганами. Их полный титул восстанавливался как *Arslan Bilge Tengri İdiqut*. Не исключено, что "арслан" -"лев" осознавалось позднее как родовое имя турфанской династии. Другим вариантом титула государя турфанских уйгуров, полностью сакрализированным было наименование *Iskodi İleppkep* "божественный, богоподобный" [Восточный Туркестан... 154].

Примечательно, что развернутые титулы уйгурских каганов почерпнуты в основном из китайских источников и существует мнение, что эти титулы якобы присваивались каганам китайскими императорами [см. Малявкин 1989]. Между тем исследователи находят достаточно убедительные аналоги тюркских титулов *Aj Tengri*, *Kün Tengri* в древне-иранских языках: *Aj Tengri* < tox. A. - кот - пкат ; tox. B - *kaum nakte*; *Aj Tengri* < tox.A. *Man nkat*; tox.B -*mene nakte* [Aalto 1971,32].

Таковы основные категории, составляющие основу древнетюркской антропонимии. Категории эти, взаимозаменяясь или же перекрывая одна другую, в совокупности представляли собой развернутую систему именования людей, включающую в себя разнообразные по функциональному назначению антропонимические модели, употреблявшиеся применительно к одному и тому же лицу не только в хронологической последовательности, как это представляется по Л.Н.Гумилеву, но и синхронно, правда, распространяясь в рамках своих функциональных параметров (например, личное имя - в семье, родовое имя - в пределах племени, эр ати - в войске и т.д.).

Социальные детерминативы (титулы, ранги, должности), как компоненты антропонимов

Система древнетюркской антропонимии, весьма разнообразная по своим типологическим характеристикам, представляла собой широко развернутую модель, включавшую в себя кроме собственно антропонимических компонентов (личное имя, прозвище, династийное имя, геройское имя и пр.), также и различные термины, относящиеся к титулатуре, названиям административных должностей, воинских и духовных званий.

Таким образом, антропонимию в широком смысле следует рассматривать как своего рода разновидность кодирования историко-культурной информации [Юркенас 1979,1] или своеобразный культурный текст.

Строгая иерархия всех должностей государственной (военно-административной) власти, которая существовала в различных государственных образованиях тюркского общества, предполагала достаточно жесткую систему функционирования социальных детерминативов. Обладание тем или иным титулом, занятие того или иного места в политической и государственной структуре общества, зависели от многих обстоятельств, главным из которых была принадлежность к тому или иному племени в союзе племен, роду в племени и т.п.

Социальные детерминативы (титулы, ранги, должности), как наиболее значимые компоненты древнетюркской антропонимии, заключали в себе полную информацию о социальном статусе носителя данного имени, о его происхождении и принадлежности к определенному слою общества, данные о его месте в политической структуре общества и административном устройстве.

И в связи с этим, по всей вероятности, наиболее устойчивой и распространенной, во всяком случае, сохранившейся в надписях, была форма сложного именованная, построенная по определенной модели и содержа-

щая в своем составе в качестве обязательного постпозитивного элемента титул, ранг или должность.

Более того, разные социальные детерминативы могли содержаться в одном имени одновременно и чем выше было место в обществе, тем вероятнее была характеристика лица посредством нескольких типов социальных детерминативов.

Еще одной важной особенностью системы древнетюркской антропонимии было то, что социальные детерминативы были строго дифференцированы, при этом их значительная часть была присуща строго определенному кругу лиц (например, титулы, каган, ябгу, шад, катун, тегин могли носить лишь представители царствующего рода), отдельные социальные детерминативы были распространены в рамках отдельных государств и отторгнуты последующими (титул "каган" первых государственных образований был заменен в Турфанском княжестве на титул "идикут". обозначающий верховного правителя) и проч.

В историко-филологической литературе, посвященной периоду древности и средневековья истории тюрков, все эти социальные детерминативы зачастую объединяются одним термином - титул, которым обозначают все разнообразие политической, социальной, административной иерархии тюркского общества.

Между тем следует иметь в виду, что типы социальной терминологии (титулы, ранги, должности) тюркского общества древности и средневековья были строго дифференцированы и выполняли различные функции, обозначая место члена общества в политической структуре, административном устройстве, его воинское звание, духовный или гражданский сан.

В связи с этим социальные детерминативы, относящиеся к разным типам, могли одновременно относиться к одному и тому же лицу (ср.: *Wojla Bağa Taŋqaŋ*, где каждый компонент обозначал отдельный социальный детерминатив) и, напротив, два социальных детерминатива одного типа никогда не могли одновременно относиться к одному лицу, так как они представляют собой различные ступени одной и той же иерархии, не могущие быть занятыми одновременно [Деоник 1979.107].

Потестарно-политическое устройство общества всех тюркских государственных образований древности и средневековья базировалось на двух основных путях, которыми шел политогенез: военнополитическом и аристократическом. При таком пути политогенеза, с одной стороны, в руках традиционной аристократии сосредотачивалось и идеологическое руководство обществом, а с другой стороны, в обществе бытовали формы военной демократии, включавшей в качестве основных элементов народные собрания, советы старейшин и т.д. [История первобытного общества 1988,230].

Данная форма потестарно-политической организации общества предопределила такую социальную номенклатуру, которая предполагала объединение двух основных категорий членов общества, т.е. политический статус члена общества отражал одновременно и его воинский ранг (каган - верховный главнокомандующий и верховный правитель, ябгу - соправитель западной части и одновременно командующий западного крыла войска и т.д.).

Потестарно-политическая и военная организация тюркского общества во многом продолжала традиции предшествующих государственных образований хуннов. В лингвистическом отношении большинство из них представляют собой заимствования - преимущественно из согдийского, китайского и тибетского языков [Кононов 1980,104].

Рассмотрим основные титулы, ранги и должности государственных образований тюрков:

Каган//Qağan - титул верховного правителя и верховного главнокомандующего в древнетюркских и уйгурском каганатах, а также у хуннов, сабиров, хазар, болгар, аваров.

В последние годы находит широкую поддержку мнение о китайском происхождении данного термина: каган < ке-киан "великий правитель"[ramstedt 1951,62; Doerfer 111,828; Gabain 1974; Кононов 1980,104; Баскаков 1985,154 и др.].

Данный титул - социальный детерминатив встречается в качестве компонента антропонима во многих памятниках: Aj qağan, Baz qağan, Bilge qağan, Bögü qağan, Bumin qağan и мн. др.

Катун // Qatun - титул жены кагана у древних тюрков, хазар: < qatun ~ xatun < согд. xwaten//xwatun "царица" [Rasanen 1969, Aalto 1971,35; Баскаков 1985,42].

Хан - первоначально титул правителя племенных союзов, не вошедших в состав каганата (кыргызы), позднее означал и титул верховного правителя государственных образований уйгуров, караханидов, монголов и т.д.: < кит. kwan, "правитель" [Ramstedt 1955,61].

Идикут //Idiqut- титул верховного правителя у турфанских уйгуров: iduq "святой, священный" + qut "счастье, благо, благодать" [Gabain 1973,69]. Данный титул был принят уйгурскими правителями княжества Кочо на более позднем этапе развития этого государства. Первоначально они также использовали титул хан, тенрихан. Есть мнение, что титул идикут уйгурами был воспринят от басмылов, у которых он фиксируется как титул вождя племени намного раньше и его узурпация представляла собой притязание на верховную власть над басмыллами [Gabain 1973,69].

Ябгу/ Jabġu . Вторым лицом в государстве тюрков-тюцзе и других тюркских государственных образований был вице каган - ябгу. У хазар, болгар, а также у западных тюрков на протяжении длительного времени до узурпации власти и раздела тюркского каганата на восточный и западный, ябгу было верховным титулом (в частности, у карлуков,огузов).

Ябгу назначался первоначально каганом из членов царской семьи. Это был, как правило, младший брат или один из сыновей кагана. Происхождение титула связывается с кушанской политической традицией, сохраненной эфталитами: jabġu < jawuga "правитель" из jam- "приказывать", "командовать" [Aalto 1971; Golden 1974, 108 ; Восточный Туркестан 11,337].

Согласно исследованиям О.Прицака у караханидов верховный правитель именовался Арслан карахан, а соправителем был Богра кара хан, который правил западной частью каганата. В случае смерти Арслан-хана Богра хан

становился на его место и принимал его титул. По мнению ученого такая организация власти отражала дуальную организацию карлукских племен. Титулы кагана и соправителя соответствовали онгонам двух главных племенных групп карлуков: Арслан "лев" - чигилей и Богра "верблюды" - ягма [Бартольд. соч., т.2, ч. 1,506].

Официальным преемником кагана и наследником престола был **Шад** // **Şad** "великий предводитель", на которого возлагались высшие административные и военные функции. Шады, наследные принцы, назначались в оба крыла государства (и соответственно - войска), но более высокое положение занимал восточный (толесский) шад, который как правило и являлся официальным претендентом на царский трон.

Происхождение термина также связывается с иранским прототипом: şad < mir. Shad, согд. Shd, av. Xsaeta "chief" [Aalto 1971,35].

К лицам царской крови (императорской фамилии) относились также и tegin "принц", из которых и назначались шады, и qunçuj "принцесса". Оба эти термина, обозначавшие прямых потомков кагана, исследователи относят к китайским по происхождению: tegin < кит. tek "превосходительный", "знатный", "высокий" + Nim "человек" [Баскаков 1985, со ссылкой на Рамstedта и Дерфера], qunçuj < кит. Kung- chu "принцесса" [Gabain 1973,71].

С термином тегин позднее происходит странная метаморфоза. В XI в. он включается в состав имен рабов. Махмуд Кашгари [МК 1,355] пишет, что первоначально термин обозначал "раб", а наследные принцы намеренно принижая себя перед отцом своим каганом называли себя тегин "раб" [МК 1,355].

Следующую ступень в системе власти составляли предводители племен и племенных объединений, вошедших в состав каганата, но не относящихся к царствующему роду. Так, в древнетюркском обществе практиковалась десяти-тистрельная (двенадцатистрельная) структура воинской (и соответственно политической) организации - оп од Ысшп, которая разделялась на два крыла по пять подразделений в каждом. Оба крыла состояли из пяти отрядов, возглавлявшихся соответственно пятью чорами и пятью иркинами .

9—1190

Происхождение титула *çoğ* связывается с иранскими языками < др. перс. < санскр. воин, герой, или с китайским [Кононов 1980, 18; Баскаков 1985,52].

Титул *еркин*, по А.Н.Кононову, < *ер* муж + - *кин* в со-бир.множ.знач. [Кононов РТ 100].

Позднее эти титулы закрепились соответственно за тюргешскими и огузскими (уйгуры и карлуки) вождями.

Уйгурские вожди, как самые могущественные среди войска, носили также наряду с титулом *еркин* и титул *elteber*. Этот же титул был распространен и у карлуков, а также у азов. Исходя из этого, следует предположить близкое родство карлуков с уйгурами. Происхождение термина: *elteber* < *e1* + *teber* (*teb~ teg*) "доходить, доводить, нападать" [Кононов 1980,102].

Титул часто встречается в памятниках древнетюркской письменности : *Az Elteber* [КТ,43], *Tojun Elteber* [КТ,56], *Uygur Elteber* [ВК,37]. Данный титул имел хождение и в болгарской титулатуре X в., что было зафиксировано Ибн Фадланом и восстановлено современными учеными в форме *йалтавар* [Добродомов 1987,173], а также отражен и в "Слове о полку Игореве" в форме *Алп-Йилтавар* (с вариантами) [Баскаков 1985,40].

Таковы основные титулы древнетюркского общества, отражавшие структуру сословно-родового расслоения членов этого общества и определявшие политико-правовой статус их носителей.

К числу прочих социальных детерминативов следует отнести ранги, звания (главным образом воинские), военно-административные должности, определявшие место человека в системе власти в государстве. Лица, занимавшие должности, назначались в большинстве случаев представителями верховной власти и назначением их было осуществление контроля за подчиненными племенами (провинциями) государства, сбор податей и налогов, общее административное руководство.

Так, одним из высоких званий и должностей был *tarхан* - жалованное звание у гуннов, хазар, болгар и других тюркских и монгольских народов [Баскаков 1985,41], бывшие одновременно и предводителями войска. Происхождение термина связывается с китайским *ta't* "знаток" [Баскаков 1985, со ссылкой на Рамстедта, Клоссена], или иранскими [Габен].

Титул встречается в составе антропонимов ТРП, древнеуйгурских памятников: Апа Тархан, алтун Тамган Тархан [БК], у хазар Алптархан, Хазар-тархан [Баскаков 1985,57]. Часто упоминается в китайских источниках в составе имен тюрков, транскрибируется в форме дагань, дюй: Тон Тархан, Апа Тархан и пр. [Малявкин 1989].

По Онгинской надписи видно, что должность (звание) тархан было в свою очередь дифференцировано на бойла бага тархана - высшего чина этой ступени, тамган тархана и апа тархана [Войтов 1989].

Нижеследующим рангом и воинским званием в системе власти у древних тюрков был по всей вероятности шадапыт. Этот термин также связывается с иранскими языками: шадапыт < old.-pers. shadapati [Aalto 1971,34].

Административно-управленческие функции возлагались также и на буйруков (три "внутренних" и шесть "внешних" великих буйрука), именуемых в китайских источниках министрами и тутуков, осуществлявших административное руководство над подчиненными племенами и наделенных властью на местах.

Особенно сильным положение буйруков, было в Уйгурском каганате, где они сконцентрировали всю власть в своих руках, в результате чего на последнем этапе истории Уйгурского каганата именно буйруки сместили на престоле Яглакаров и заменили их династией Эдизов в 795 г. [Камалов 1990].

Происхождение первого термина прозрачно и легкой восстанавливается на тюркской почве: Бууруқ < bujur- (приказывать) [Doerfer, 2, N 816].

Термин тутук учеными связывается с китайским < tutuq 'general' [Ramstedt 1951,75].

Таковы основные титулы, ранги и должности древнетюркского общества. Наряду с ними наиболее универсальными в каждом государственном образовании тюрков имелись и свои отличительные социальные детерминативы.

Со сменой политической власти зачастую менялась и структура власти и управления, но изменения эти не носили кардинального характера, а знаменовались лишь сменой акцентов и функций, или же наличием дополнительных должностных звеньев. Так, в Уйгурском княжестве Кочо наряду с указанными выше социальными детерминативами функционировали также и иналы, айгучи, сангуны, ельчи, тиреки, мин-беги, йуз-беги, кендбеги и др. [см.: ОаБат 1973,71-72].

Особое место в группе социальных детерминативов занимает термин **бек**. Сословие беков представляло собой чрезвычайно важную прослойку древнетюркского общества. Большинство исследователей определяют данный детерминатив как титул. Однако содержание термина бек не позволяет поставить его ни в один замкнутый ряд титулов. Так, он не может быть соотнесен титулами, каган -шад - **ябгу** - чор - иркин, также не вписывается в систему буйрук - тутук- тудун - тамгачи и проч.

Из контекста источников, в частности, из Онгинского памятника следует, что термин бек обозначал представителей тюркской родовой аристократии в противопоставление, с одной стороны, простому народу и, с другой, представителям царской фамилии.

Термин чрезвычайно распространен в составе древнетюркской антропонимии. Показательно то, что в составе антропонимов термин бек|бег встречается не только в постпозиции, как другие детерминативы, но и в препозиции: Beg Arslan [Usp,26], Beg Bars[Usp,86], Beg Buqa [Usp,19], Bars Beg [KT,20], Urun Beg [MC].

Древнетюркские антропонимические системы

Как известно, антропонимическая система (АС) как результат многовекового опыта номинации представляет собой совокупность различных антропонимических моделей (АМ), происхождение которых связано в первую очередь с экстралингвистическими факторами, такими как древнейшие традиции и обычаи наречения, первобытные культы и представления, различные этнокультурные процессы, имевшие место в истории данной общности. Не случайно, ученые рассматривают процесс создания собственных имен, как своего рода разновидность кодирования историко-культурной информации [Юркенас 1979].

С другой стороны, вторжение в ономастику экстралингвистических факторов, таких как этнокультурные взаимосвязи родственных и неродственных народов, идеологические и политические процессы, происходившие в истории общества и не всегда носившие замкнутый внутри одного этноса характер, приводят к фронтальному заимствованию и усвоению иноязычных имен.

Каждая конкретная АС противопоставляется другим АС по целому ряду факторов и важнейшим из этих факторов является набор антропонимических моделей, формирующих данную антропонимическую систему.

Установление особенностей избирательности АМ конкретной историко-культурной общностью имеет важное значение для изучения как собственно лингвистических, так и общих этнологических проблем.

Исследование систем определенного периода в диахрон-но-историческом аспекте с учетом их апеллятивных основ может дать неоценимые сведения о древнейших состояниях системы языка, о контактах народов между собой или генетической общности их, об этнографии того или иного региона [Митрошкина 1987,3].

Система древнетюркской антропонимии, сформировавшаяся на ранних этапах древнетюркского общества, вероятно, задолго до создания первых государственных образований в типологическом плане имеет общий характер, т.е. единые смысловые и структурные модели, основанные на очень близких принципах номинации, трансно-мизации и онимической деривации.

Более того, ученые пришли к выводу о типологическом единстве антропонимических систем человеческого общества и процесса номинации и сходства мотивировок имен у народов и государств.

"Типологическое сходство основ антропонимов, независимо развивавшихся в разных языках, определяется общностью исходных категорий, на которые они опираются. Это отношение человека к внешней среде, к окружающим, параллелизм форм мышления и восприятия, характер мировоззрения" [Суперанская 1988,9].

В то же время каждая ономастическая система характеризуется и своеобразием и специфическими особенностями, присущими только ей.

Это своеобразие может быть связано со многими причинами, имеющими как идеальный (политические условия, религиозное мировоззрение, культы и обряды и т.п.), так и материальный (окружающая флора и фауна, географические и природно-климатические условия и проч.) характер.

Так, в системе древнетюркской антропонимии правомерно выделить целый ряд подсистем, относящихся к определенным государственным образованиям, созданным различными союзами племен и возглавляемым разными племенами.

Эти антропонимические системы отличаются друг от друга при общем типологическом единстве и языковой общности, важными в историко-культурном плане особенностями, достаточно ярко характеризующими специфику данной общности.

Антропонимы тюрков-туцзюе

Племя тюрк(ашина), вышедшее из среды позднегунских племен, переселившихся в Восточный Туркестан, по преданиям происходит от волчицы и спасенного ей мальчика. Десять сыновей волчицы взяли в жены женщин Тур-фана. Один из них, по имени Ашина, и стал вождем нового племени и дал ему свое имя. Позднее вожди племени вывели своих сородичей на Алтай, где возглавив местные племена, приняли имя тюрк. [Колесников, 1988].

Со второй половины VI столетия тюрки создали великую центральноазиатскую империю - Тюрский каганат, ставший той базовой основой, по образу и подобию которой в Центральной Азии создавались все последующие государственные образования тюркских народов древности и средневековья.

Генезис тюрков-туцзюе, их этнокультурные контакты с иноязычными и родственными племенами Центральной Азии, особенности в политической организации каганата, этнический состав подчиненных племен, буддистская ориентация в мировоззрении и ряд других не менее важных факторов сыграли существенную роль в формировании антропонимической системы, в целом совпадающей с системами других тюркских общностей, но и имеющей свои отличительные особенности.

Главными источниками, донесшими до нас материалы по антропонимии тюрков-туцзюе являются тюркские рунические памятники, зафиксировавшие имена почти всех каганов и их сподвижников, китайские исторические хроники и сочинения, а также отдельные согдийские памятники, синхронные первым двум, и арабские и персидские источники более позднего периода.

Главной особенностью антропонимии тюрков-туцзюе, которая отражена в этих памятниках, является то, что они отразили исключительно антропонимию высшего слоя тюркутского общества - его правящего класса, и потому эти антропонимы в большинстве случаев титулы каганов, высших военачальников и знати.

Такая категория антропонимии как личное имя почти не встречается в указанных источниках, и потому делать какие-либо выводы о составе личных имен тюркутов на основании имеющихся материалов не приходится, хотя типологические особенности наличествующих антропонимов, их структура и морфологическая характеристика позволяют говорить о единстве, или во всяком случае чрезвычайной близости личных имен тюркутов личным именам других тюркских племен.

В лексическом плане антропонимия тюрков-туцзюе базируется на собственно тюркском лексическом фонде и в большинстве случаев апеллятивы, лежащие в основе антропонимов, достаточно легко этимологизируются.

Вместе с тем, также как и в языке ТРП, в антропонимии, особенно в титулатуре, названиях административных должностей, и воинских званий встречается много заимствования - преимущественно из китайского, согдийского языков. Особенно ярко эти заимствования проявляются на ранних этапах истории тюркутов, и имена первых вождей, каганов, в большей своей части ираноязычные, что связано, видимо, с весьма тесными контактами пришельцев тюркутов с субстратными племенами выразившимися и в брачных связях.

Еще один важный момент в истории тюрков - это хотя и весьма противоречивые, но чрезвычайно тесные и непосредственные контакты и взаимоотношения с китайцами.

Последствием этого в антропонимии стали двойные имена тюркутских правителей и знати; т.е. случаи, когда наряду с собственно тюркским именем отдельные лица носили и китайское имя, являвшееся зачастую калькой. Ниже приведены наиболее известные антропонимы тюрков-туцзюе:

Ашина - имя первого вождя тюрков-туцзюе, которое по свидетельству генеалогического предания было родовым именем матери основателя племени. Антропоним зафиксирован в китайских источниках, и данная форма представляет собой лишь возможную транскрипцию из древнекитайского.

Предлагалось несколько этимологии апеллятива, лежащего в основе имени: < из монг. *Ag činog* ((*čing*a) "десять волков" (Boodberg); ашина <а - преф. уважения в кит.яз. + шоно (чоно) "волк" * Ашина "благородный волк" [Гумилев 1967]; из хотаносак. *азана* "достойный, благородный" [Кляшторный 1964, 111] и проч.

Наиболее вероятную гипотезу высказал И.Н.Шервашидзе, основываясь на допустимости древности кок (пра-тюркск. **gök*) в качестве одного из древнейших этнонимических атрибутивов и возможности на тюркской почве ранней субституции собственно тюркского этнонима * *гок* "синий" на заимствованную иранскую **asina* (*axsina*) "синий".

Конкретным источником тюркской формы могла быть согдийская форма *х з е* (* *ахзена*) ввиду наибольшей активности древних согдийско-тюркских контактов [Шервашидзе 1989, .79].

Потомок Ашина Асянь-шад, что вывел тюрков на Алтай. Имя также встречается лишь в китайских источниках. Есть предположение, что Асянь - сокращение родового имени Ашина+сянь-кит.калька тюркского бильге "мудрый" [Кляшторный, 1964 со ссылкой на Огеля В.].

Однако частое упоминание в уйгурских юридических документах имени Азапа представляет возможность говорить о близости этих антропонимов. А.Габен считает возможным возвести Aşına < средне-иранское asapa "самый невредимый, самый целый" [Gabain, 1973].

То обстоятельство, что в китайских источниках почти все правители Западнотюркского каганата именовались Ашина, подтверждает мысль о том, что Ашина было родовым именем и как таковое стало впоследствии династий-ным именем правителей, ср.: Ашина-алп, Ашина бор-кин, Ашина-торчи, Ашина-низок, Ашина-Ялчин, Ашина Фучжило, Ашина кюль-чур, Ашина Мишэ, Ашина Суни-ши, Ашина Чапиш-чур и проч. [Малявкин, 1989].

Также из китайских источников определяются и имена первых тюркских каганов (туцзюе). Но в отношении последних наука располагает также и открытой недавно согдийской надписью из Бугута, в которой отражена, несомненно, подлинная древнетюркская ономастика, поскольку передача ее средствами согдийской графики может быть интерпретирована гораздо точнее, чем транскрипция китайских источников, тогда как реконструкция среднекитайской фонетической системы, на основе которой производилось восстановление форм тюркских имен VI в до сих пор остается во многом гипотетической [Кляшторный-Саввинов, 1978,54].

В Бугутской надписи приведены имена четырех каганов: Бумын (ум. 552), согд. Bwmn qgn, Мухан (кит.Мухань-кэхань, согд. Mwgn - 553-572), Таспар (кит.Тобо-кэхань, согд. Tspr qgn - 573-581 гг.) и Нивар (кит.Эрфу-кэхань), согд. Nwr qgn(581-587гг.)

Происхождение всех этих антропонимов, по всей вероятности связано с иранскими языками, также, как и имя первого ябгу - Истеми.

Бумин - основатель первого каганата тюрков. Его имя, наряду с китайскими, согдийскими источниками упоминается также и в собственно тюркском памятнике - Онгинской надписи, в надписях Куль-тегину и Могилянгу и как имя предка тюрков, основателя и первого кагана.

Предполагается два варианта чтения Bumin или Jamī.

В кит.источниках имя первого кагана тюрков восстанавливается в форме Тумэнь. После восшествия на престол Бумин принят титул Иль-кагана.

Ученые утверждают, что Бумын - тоже, что и кит. Ту-мэн, как персона. Однако в отношении соотнесенности этих антропонимов высказываются различные мнения. Так, М.Мори утверждает, что хотя оба этих имени и означали одного и того же человека, но Тумэн - было именем или титулом до восшествия на престол, а каганским титулом его было Или-кэхань и маловероятно, что Тумен было китайским переводом имени Бумин [Мори 1976, 287].

Интересное предположение высказал Ю.Д.Зуев, по мнению которого кит. Тумынь можно связать с тох Б. tumane "десять тысяч", заимствованным тюрками. Что же касается форм Бумын, Иамы - они появились в результате сакрализации имени первого каганата как имена - эвфемизмы [Зуев, 1970,77]. Имя первого ябгу тюрков, брата Бумына Истеми Зуев Ю.А. также связывает с тох. А astami(там же). Истеми в византийских ист.- Сильзибул, в арабских -Синджибу.

Вторым каганом Первого тюркского каганата был, судя по китайским источникам, Кара-каган (кит. Коло-кэхань(552-553 гг.). Данный антропоним единственный, что прерывает цепочку антропонимов иранского происхождения тюркских каганов: Мукан (553-572 гг.), Таспар (573-581 гг.) и Нивар, после принятия престола взявший титул Ишбара-каган [Алмас,19], который напрямую связан с иранскими языками (Ср.:içvaga "владыка" эпитет бога Шивы [Невелева 1975,110], ДТС, 220 - İşbara< санскр. Īṣvaga "титул?", iṣvaga 1)"господин, повелитель", 2) "хозяин, владелец", 3) "бог, всевышний" [Кочергина, 1987, 111].

В 30-Х годах УП вв. Первый тюркский каганат вследствие внутреннего распада, страшного голода был разгромлен Китаем, и утратил свое влияние в Центральной Азии.

В 679-687 гг. восточные тюрки в результате упорной борьбы с Китаем за свою независимость и государственность в Монголии. Период упадка весьма сильным образом сказался на духе тюрков: "народу табгач стали они (тюрки) рабами своими крепкими мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством. Тюркские правители сложили с себя свои тюркские имена (т.е. звания и титулы) и, приняв титулы правителей народа таб-гач подчинились кагану народа табгач" (КТб 7).

Если антропонимы первого тюркского каганата в китайских источниках представляли собой китайскую транскрипцию тюркских антропонимов, то уже начиная со второго тюркского каганата многие представители верхушки древ-нетюркского общества в китайских источниках названы китайскими именами, которые могли быть как кальками с тюркского, так и вполне самостоятельными именованиями.

Наиболее показательны в этом смысле титулы Бегю -каган - Поцзуй (кит.) Тоньюкук - Ашидэ Юаньчжан (кит.) титулы западнотюркских правителей и проч.

Первым каганом возродившегося Восточнотюркского каганата стал Кутлуг, принявший тронное имя Эльтериш-каган (80-е г.- VI в.-691г.). Антропоним Qutluq< "счастливый" титул легко трактуется на тюркской лингвистической почве. Однако имеются основания в составе антропонима возводить его к значениям апеллятива "благословенный, благородный" (= скр.арья) [ДТС, 473]. Ср.: кутлуг... титул членов царской семьи, вроде нашего "высочества" [Бартольд, Соч У,315]. См. также: [Bombachi 1964,87, Doerfer, 111].

Титул Кутлуга Elteriş Qağan < elteriş< e1 "эль+teriş "собирать вместе 2)собирание" [Кононов, 1980,102].

Из китайских источников известно, что Кутлук первоначально был "чором" (Гудулу тудун-чжо), затем после первых побед принял титул "шада"[Кляшторный 1964,26].

Ближайшим сподвижником Кутлука в его борьбе за воссоздание тюркского эля был один из влиятельных вождей рода ашидэ, воспитанный при китайском дворе, и имевший большое доверие китайского императора - Ашидэ Юаньчжань, который и был послан к "мятежнику" Кутлу-ку, чтобы отвратить его от неповиновения, но сам присоединился к восставшим и был назначен Кутлуком апа-тарканом" главнокомандующим". После победы Кутлука Ашидэ Юаньчжань получил титул "бойла бага таркан". Это был известный тюркский полководец и царский советник Тоньюкук, один из немногих, заслуживших право на памятную надпись, не будучи представителем царствующего рода тюркутов.

Сопоставление китайского и тюркского имен этой личности позволили ученым прийти к выводу о значении имени: кит. Юаньчжань" первая драгоценность" является калькой тюркского (или наоборот?) Tonjuquq< tong "первый" +juquq "то, что сохраняется, сокровище"-"первая драгоценность" [Кляшторный, 1964, 1966; другие гипотезы см.: Абдурахмонов, Рустамов 1982].

В каменной стелле, в которой Тоньюкук описал все свои деяния во славу тюркского эля и каганов, его имя упоминается в сочетании с термином Bilge: Bilge Tonjuquq. По мнению А.Н.Кононова Bilge в данном случае есть титул или звание, значение которого определяется семантикой его исходной основы bil-"управлять; распоряжаться" отсюда bilge "правитель", что дает основание предполагать, что Bilge использовалось в двух значениях: 1) "мудрый" 2)титул "правитель" [Кононов 1980, 16-17].

Вторым каганом возродившегося тюркского каганата стал младший брат Эльтериша, известный по китайским источникам под именем Мочжо (тюркская реконструкция Bag Çoğ, в тибетских источниках Bug chor - Кляшторный, 1964, 3 5), при жизни своего брата бывший шадом. Его тронным именем, которым он именуется в ТРП, было имя Qarağan Qağan (Тон.).

Слово встречается также и в Онгинском памятнике, по мнению ученых, применительно к Эльтеришу, в качестве эпитета - "завоеватель" [Раджабов, 1970], или в качестве его почетного прозвища [Кононов, 1980] хотя есть мнение, что в Онгинской надписи в данной строке речь идет о двух каганах (Эльтерише и Капагане) [Ойазов 1957].

Происхождение апеллятива *qarağan* < *qara-* учащательная форма от *qar-* "схватывать, хватать ртом, зубами", *qar-* -аффикс, образующий сущ., называющие процесс, объект, орудие, результат действия - *qarağan* "хищный (о диких зверях)" [Радлов Словарь, 11, 407].

Таким образом второй каган воссел на престол с тронным именем *Qarağan Qağan*, до восшествия на престол он был известен как *Bag Çig* в китайской транскрипции Мочжо.

В надписи Тоньюкука встречается антропоним *Bügü Qağan*, отождествление которого с конкретным лицом вызвало разногласия среди ученых. Одни отождествляли его с Поцзуюем кит. источников, сыном Капаган-кагана [Томсен, Кляшторный, Гумилев], другие с самим Капаганом или с Ильтеришем, считая, что *Bügü* в значениях "умный, хитрый" было просто эпитетом правителей [Олгаия, 1960] и др. Как бы то ни было *bügü//böğü* в различных вариантах встречается достаточно часто в антропонимах древних тюрков, ср. *Böğü qağan* - уйгурский каган, принявший манихейство, *Bügü tağhan* - в енисейских надписях.

Общепринятое значение термина - "мудрый, мудрость", дополняется значениями "вид таинственной духовной силы, лицо, обладающее данной силой" [Molnar, 1985]; ср.: [Севортян ЭСТЯ, 1978, *Bükü* 1. "волшебство, чародейство, колдовство"; 2. "Чародей, волшебник"].

С.Г.Кляшторный придерживается мнения, что Капаган, желая оставить престол своему сыну, пытался изменить существующий порядок престолонаследия и назначил своих обоих сыновей малыми каганами. Один из них, *Böğü* был назначен правителем западных территорий, которые номинально предназначались Могилян старшему сыну Ильтериша, а второго своего сына с титулом Иналь-каган [Кляшторный, 1964, 37] (ср.: *inal*, "сын женщины из ханского рода и простолюдина, лицо, имеющее знатное происхождение" (МК, 1,122), 2. "титул, должность" [ДТС, 20], *inal* "высокий титул" (*ina-n* "верить") [Кононов, 1980, 94].

После смерти Капагана Бегю провозгласил себя великим каганом, но законные наследники престола напали на ставку, убили Бегю и каганом был провозглашен сын Иль-териша Могилян (имя известно только по кит. и ст.) под тронным именем Бильге-каган (716-734), в честь которого была воздвигнута мемориальная стела [БК].

Мемориальной стелы бал также удостоен и его младший брат Kūl Tegin(КТ), который хотя и не был каганом, но за свои великие заслуги как полководца, и как представитель царствующего рода, в качестве исключения был удостоен мемориальной стелы, стоящей на каменной черепахе с драконовым навершием, которые ставились лишь в честь каганов [Войтов 1989, 44].

Апеллятив *bilge* в тронном имени имеет два значения: 1."мудрый", 2."термин - титул правитель, правящий" [Кононов, 1980, 17] и в этих своих значениях часто встречается в ТРП: *Bilge Qağan* "славный правящий каган" (МЧ), *Türk Bilge Qağan* (КТ), "тюркский правящий каган", *Bulğa Qağan* "правящий каган" [Кононов. 1980, 17].

Имя второго брата транскрибировали по-разному: *Köl Tegin*: Луи Базен, основываясь на данных Махмуда Кашгари, допускает прочтение *köl* с символикой "озеро", как показатель неисчерпаемых интеллектуальных и духовных возможностей носителя имени [Bazin, 1981]. Аналогичной точки зрения придерживались и Ж.Гамильтон и турецкий ученый Т.Бангуоглу. В.В.Бартольд [Соч. т.У, 82], ссылаясь на Гардизи, предлагал чтение куртегин "стойкий твердый тегин".

Другие исследователи считают верным прочтение *Kūl Tegin*, но трактовки значения разнятся. В.Котвич видел в *kūl* значение "зола", отсюда *kūl tegin* значит не титул принца, а означает "хранителя золы, очага", т.е. младшего сына [Kotwich, 1975, 188]. Аналогичного мнения придерживается турецкий ученый А.Темир считая, что в слове *kūl* следует видеть значения "огонь очаг" и принять его как слово, связанное с культом огня и перешедшее в монгольском языке в форме *otçigin* [Temir, 1981].

Наиболее близкая к истине этимология апеллятива, лежащего в основе антропонима, основанная на вполне оправданном с точки зрения типологических универсалий тюркской антропонимии предположении, предложена А.Н.Кононовым (1980, 14) и Н.А.Баскаковым (1985, 53): *kül < külüg* "славный, знатный". Этот компонент часто встречается в составе древних антропонимов: *Kūl Bilge* - уйгурский каган, правивший в 682-712 гг. (Шине-Усу), *Kūli Çur* - предводитель тардушей, (КЧ), *Kūl tudun* - тюркский бек (Кошо-шайдам), в котором *tudun* КИТ. прохождения "наместник" [Gabain, 1988]. Также китайского происхождения второй компонент (титул) в антропониме *Kūl çığaj*, упоминаемом в рукописном памятнике рунической графикой, и проч.

В 734 г. Бильге каган был отравлен одним из своих приближенных. Наследовали ему Ижань каган и Тенри каган.

В 741 г. малолетний Тенри каган был убит своим дядей Кутлугом ябгу, захватившем царский престол. В это же время началась война с тройственным союзом уйгуров, бас-мылов и карлуков, завершившаяся гибелью Кутлука и последнего тюркского кагана Озмыша, после чего тюркский каганат завершил свое существование.

Имя кагана Ozmuş упоминается в памятнике Шине-Усу в контексте "тегин Озмыш стал ханом" (Шине-Усу,9). Значение апеллятива ozmiş возможно, связано с глаголом oz- : 1."спасаться, освободиться, избавляться"; 2."опережать, (ДТС, 374), причем скорее всего в его втором значении : ozmuş "опередивший, превзошедший".

Таковы антропони́мы, относящиеся к Восточнотюркскому каганату. В отношении Западнотюркского каганата большая часть сведений сосредоточена в китайских источниках, и ономастикой его представляет собой реконструкции имен исходя из его китайского написания (а часто и антропонима- титула, данного китайцами) [См.Тумилев 1959, Малявкин 1979, 1983, 1984; Уйгурлар тарихи, Шинжаннин кискичэ тарихи и проч.]

Известно, что первым правителем западных областей тюркского каганата еще до его распада был Истеми. Официальными титулами западнотюркских государей были "ябгу" и "каган десятистрельного народа".

После смерти Истеми (576 г.) на его место сел его сын Тегин (видимо, это не личное имя, а титул наследного принца), известный как Тардуш каган. Известно, что тардуш - название западной части государства, а также как определение племен, населяющих эту часть. Кроме этого встречаются также и имена зап.тюркских каганов Апа каган (букв, "старший каган"), Иналь каган, бывшие соправителями Бильге Тардуш кагана

После фактического раздела тюркского каганата на восточный и западный в Западнотюркском каганате правили сыновья Апа кагана: Тарман Чор каган (600-610 гг.), который под давлением длительных междоусобиц был вынужден разделить каганат на три удела, назначив двух малых каганов на западе и востоке.

На западе правил малый каган Джекуй (Шехуй), дядя Чор кагана, который совершил дворцовый переворот, напал на Чор кагана и захватил верховную власть (610-618 гг.)

Восточный малый каган Ашина Алп также претендовал на верховную власть и провозгласил себя Ишбара каганом всего Западнотюркского каганата.

Наибольшего могущества Западнотюркский каганат достиг во время правления младшего брата (по другим источникам - сына Джекуя) - Тон джабгу кагана (618-630 гг.)

Внутренние распри, внешнее нашествие со стороны Таиской империи в конечном итоге привели к полному распаду ЗТК и после частого смещения каганов, бывших марионетками Танской империи [см.Малявкин 1984]: Ашина Миш, Ашина Боркин, Ашина Торчи, Ашина Низок и проч. - власть на территории каганата в начале УШ в. перешла к тюргешам.

Антропонимы уйгуров Уйгурского каганата

Уйгуры, принадлежавшие к числу древних племенных союзов Центральной Азии, входившие в крупные объединения племен, как правило, в качестве главенствующего, на протяжении своей длительной истории создали ряд государственных образований, различной политической и идеологической ориентации, которые сыграли немаловажную роль в политической истории тюркских народов.

В 111-1V вв. они входили в племенное объединение, названное в китайских династийных хрониках "гаогюй" (букв."высокие телеги"), в V в. в китайских же источниках они возглавляют союз племен теле < тюркск. Tegrek (телеги).

После разгрома союза теле китайцами, остатки теле бежали в Северную Монголию и там их союз стал называться по китайским источникам "девять племен" (Тоquiz oғuz орхонских надписей, toquizguz арабских источников, букв, "девять огузов").

Собственно уйгуры представляли собой союз десяти племен во главе которых стояли представители рода Яглакар, которые за редким исключением обладали легитимным правом на верховную власть во всех государственных образованиях, созданных уйгурами. В отношении развития и соотнесенности антропонимических систем, созданных (или освоенных) уйгурами в рамках всех этих государственных образований будет справедливым сказать, что все эти системы были тесно взаимосвязаны единой этнополитической и лингвистической традицией, которая за небольшими отклонениями частного характера (некоторые титулы, другие социальные детерминативы и т.д.) прослеживается на всем историческом и географическом пространстве расселения токуз-огузских (уйгурских) племен. Данные по антропонимии уйгуров указанных государств сохранились как в собственно уйгурских источниках, так и в иноязычных источниках, особенно в китайских.

В настоящее время известны тексты пяти рунических памятников уйгурской эпохи, которые относятся к начальному периоду Уйгурского каганата: Терхинская надпись (753-756), надпись из Шине-Усу (759-760), Тесинская надпись (762), Сэврэйская надпись (763) и Карабалгасунская тюрко-согдийско-китайская надпись (820-821) [Камалов, 1960]. Эти памятники сохранили титулатуру, антропонимы правящего слоя уйгуров того периода.

Чрезвычайно богатый материал по антропонимии уйгуров Турфанского оазиса периода государства Кочо сохранен в памятниках будистского содержания, а также в уйгурских юридических документах, написанных древнеуйгурским письмом.

Китайские источники донесли до нас не только важнейшие сведения по истории уйгуров, но и также огромное количество антропонимов, которые записаны в китайской передаче, но достаточно аргументировано восстанавливаются учеными.

Сочинения арабских авторов, Якута, Факиха и других, а также персидских авторов дополняют эти сведения интересными материалами, сравнительный анализ которых позволяет сопоставить антропонимические системы уйгуров не только между собой, но и с именами других тюркских племен.

Анализ всех этих материалов позволяет говорить о преемственности антропонимических систем и их единой основе.

По периодизации Тесинской надписи первое государство уйгуров просуществовало 300 лет. Из трех каганов сохранились имена двоих: jolluq qağan и Bumin Qağan [Кляшторный, 1987].

Соответствия данным антропонимам имеются у тюркутов: это имя Бумин кагана - первого кагана древних тюрков, а также Иоллыг-тегин, автор надписей Кюль тегину и Бильге кагану. jolluq на первый взгляд сопоставимо с значениями "имеющий дорогу", однако в антропониме, скорее всего восходит к jolluq - равное qutluq "счастливый", или ср.: [Zieme 1987, 246: exizens form habend]

Еще в V в. был известен также старейшина гаогюев под именем Шу [ШКТ, 229], ср. у МК: также упоминается предводитель уйгуров Шу, который воевал с Александром Македонским]

Из китайских источников известно имя вождя уйгуров из рода Яглакар - Яоши, который был известен под другим своим именем Буса (Буса, Бусат), которое ученые связывают с именем Будды - Бодхисатва [Кляшторный 1973, 334]. Буса объявил себя Алп эльтебером и поставил свою ставку на

реке Тогла.

После смерти Буса вождем уйгуров стал Кюлюг Эльтебер Тумиду, (кюлюг "славный", эльтебер - титул уйгурских вождей), который разбил тюрков и подчинил их себе, возродив уйгурский каганат и "самовольно присвоив себе титул кагана и учредив при дворе должности одинаковые с тюркскими", как пишет об этом китайская хроника.

В 688-689 гг. тюркские войска вновь напали на уйгуров и нанесли им сокрушительное поражение, их каган был убит. Второе государство уйгуров, просуществовавшее в Монголии около 80 лет прекратило свое существование.

Возрождение Уйгурского каганата было осуществлено в 744 г., когда уйгуры, карлуки и басмылы, объединившись восстали против тюркского кагана и разгромили его. Верховным каганом был назначен правитель басмылов, но уже в 745 г. уйгурский род Яглакар занял престол.

Антропонимическая система Уйгурского каганата продолжает общетюркские тенденции, рассмотренные выше на примере тюрков-тюцзуе.

Для уйгуров была также характерна многоименность, наличие различных категорий антропонимов: личное имя - геройское имя - тронное имя - династийное имя и пр. Еще более ярко прослеживается тенденция наличия собственно уйгурского и китайского титулов представителей верховной власти.

Династийная титулатура уйгурских каганов в отличие от тюркской характеризуется большей напыщенностью, и как правило претендует на сакральную власть, данную Небом: *Aj-Tengride Qut bulmiş*. Династийным титулом уйгурских каганов стал титул Бильге каган "правлящий каган".[О династийном титуле уйгурских каганов см.МК, 1,428].

Первым каганом уйгуров стал Кюлюг Бойла : кюлюг "славный, знатный" [[ДТС,326]], бойла "знатный сановник, старейшина" [Менгес,1979, Мететп, 1930]. После воцарения ему присвоили титул *Qutluq Bilge kül Qağan*, в котором *qutluq* скорее всего обладает значением "благословенный,

святой], благородный = скр. Arya [ДТС, 473] , Bilge "правящий" [Кононов, 1980], kül "славный".

После смерти Бильге кагана на престол воссел его сын Моюн чур (кит.источников) < боюн чур < Buyan < скр. Punya "заслуга" ср. Buyan, Buyan Qalmış, Buyan Qutluq, Buyan Quli [Zieme1985, 209].

Он был посажен на престол с титулом Tengride bolmış el etmiş bilge qağan (Шине Усу), в котором Bilge в Терхинской и Селенгинской надписях заменено на племенное имя Uyğur: Tengride bolmış el etmiş Uyğur qağan [Кляшторный, 1987.32].

В 757 г. его старший сын, наследник Кутлук Бильге Ябгу был обвинен в измене и казнен, а титул и престононаследие перешли ко второму сыну "геройское имя" которого было Кутлук Бильге Тархан сенгун (Бильге тархан Тэрхинской надписи). В кит. источниках он упоминается также под именем Идигянь (тюркск. İdi kenç), которое, видимо, было семейным, личным именем. По восшествии на престол он получил тронное имя Мэууй кэхань (кит), которое на основании согдийской версии Карабалгасунской надписи восстанавливается как В. Наиболее полный титул также упоминается в китайской версии Карабалгасунской надписи как Tengride qut bulmış El tutmuş Alp Külüg Bilge Qağan [Кляшторный, 1987]. Böğü qağan известен как правитель, принявший манихейство. И в одном из манихейских текстов он упоминается под титулом Uluq İlig Tengride qut bulmış erdenin el tutmış Alp qutluq Bilge Uyğur Qağan Zahadi-Mani , в котором два последних слова означают "эманация Мани" (по Ф.Мюллеру), или "потомок Мани" (по В.Лившицу) [Кляшторный, 1987,26]. Именно с этим обстоятельством (принятием манихейства), видимо, связано также и то, что данного правителя иногда именуют Тенгри каганом (букв, "бог-каган"), что было несвойственно для тюркской антропонимии древности. О значениях апеллятива Böğü "мудрый, мудрость, вид таинственно духовной силы; лицо, обладающее данной силой (см. в разделе об антропонимии тюрков-туцзюе.)

В Сэврэйской уйгуро-согдийской надписи, не датированной, но также относящейся к Уйгурском каганату, согдийская версия несколько раз упоминает "господина уйгурского кагана", а в уйгурской версии сохранилось его имя İni Yaglakar, в которой яглакар "название правящего рода уйгуров", а ini адекватная передача китайского ини -сокращение от китайского титула Ин-и цзян-гун "мужество, справедливость, доблесть" [Кляшторный, 1971,1987]

Что же касается титула в согдийской версии "господин уйгурский каган" то он, очевидно, является переводом тюркского титула Bilge Uyğur Qağan "правлящий уйгурский каган", или "его величество уйгурский каган". Младший брат Эльтутмиш Бильге кагана (Бегю кагана) в надписях упоминается под именем Alp Uluğ Tutq Yaglakar, в котором Alp "богатырь", uluğ "великий", tutuq (кит.) название высшей административной должности, yaglakar - имя правящего рода уйгуров. В Терхинской надписи он именуется Alp İşbara Sengin Yaglakar, где işbara < санскр. Īṣvara "господин, повелитель, бог, всевышний" -титул присваиваемый западным соправителям, а sengin (кит.) "генерал".

В 779 г. родственник кагана и его влиятельный сановник Ton Bağa Tarqan в Тэрхинской надписи: глава внутренних буйруков İnançü Bağa Tarhan, возглавлявший анти-манихейскую оппозицию, поднял мятеж и, убив Бегю кагана воссел на престол с титулом Alp Qutluq Bilge Qağan (780-789). В этих антропонимах ton "первый", Bağa (согд.) "один из высших титулов" (ДТС,77), inanç "доверенный" (см.выше).

После смерти Тон Бага тархана на престол воссел его сын, имя которого восстанавливается по китайским источникам в виде Тараз (789-790) с титулом Alp Qutluq Küllüg Bilge Qağan.

Последующие правители Уйгурского каганата, продолжавшие носить династийный титул Бильге кагана с небольшими отклонениями в препозиции титула: Алп (Кутлук, Кючлюк и т.п.) вновь возродили в качестве государственной манихескую религию.

В 840 году каганат пал под ударами кыргызов, объединившихся с мятежным уйгурским генералом Külüg Baġa.

Из имен последних уйгурских правителей интерес представляют имена Касар кагана, а также вождя бешбалыкских уйгуров Буку чина сопоставимых с названиями уйгурских родов (касар, буку).

Антропони́мы уйгуров Турфанского княжества

После разгрома Уйгурского каганата уйгурские (токуз огузские) племена тремя группами покинули земли каганата и устремились в Восточный Туркестан на свои прежние приграничные земли.

Первая группа уйгурских племен во главе с Ука-тегином ушла на юг, за Великую китайскую стену. Спустя некоторое время они вновь были захвачены кыргызами, часть из них ушла еще дальше, часть вернулась.

Позднее об этой группе уйгурских племен уже нет никаких упоминаний.

Вторая группа, наиболее многочисленная группа племен тремя потоками двинулась на запад, и одна из них, обосновавшись в Ганьсу, в так называемом Хешиском коридоре, создала там Ганочжоуское княжество.

Другая группа племен обосновалась в Турфанском оазисе и создала там княжество, просуществовавшее более 400 лет и возродившее на обширной территории богатую материальную и духовную культуру, многочисленные памятники, оставившие богатейшее литературное наследие. Наконец, третья группа токуз огузских (уйгурских) племен, из тех, кто ушел в западном направлении, откочевала на территории Семиречья и Средней Азии и ее вожди приняли самое активное участие в создании Караханидского государства.

По рассматриваемой проблеме наиболее значительный материал сохранен в отношении к Турфанскому княжеству, в памятниках уйгурской древности, написанных различными видами письма и обнаруженных во многих местах Турфана, а также в Дуньхуане.

Древнеуйгурские сочинения носят ясно выраженную конфессиональную принадлежность, большая часть из них является

религиозными переводными сочинениями мани-хейского, главным образом буддистского, христианского содержания. Все эти произведения составлялись (переводились), как правило, по заказу какого-либо лица, имя которого, а также и имена его родственников, имя переводчика, переписчика и проч. фиксировались в коллофонах к этим рукописям, что и послужило тому, что памятники древнеуйгурской письменности сохранили богатейший материал по уйгурской антропологии. Кроме того, на территории Турфана в большом количестве обнаружены также и юридические (хозяйственные) документы, фиксировавшие акты купли-продажи, залога, передачи и др. имущества, земельных участков урожая, товаров и продуктов. Эти документы также сохранили множество личных имен гражданских лиц, выступавших непосредственными участниками, свидетелями сделок, или составителями данных документов.

Глава турфанского княжества носил титул *İdīqut* "священное величество", у которого было девять министров - шесть "внутренних" и три "внешних".

Полным титулом уйгурских государей Кочо был *Arslan Bilge Tengri ilig İdīqut*, в котором "арслан", видимо, осознавалось уже как родовое имя турфанской династии. Во всяком случае имя Яглакар встречается только у каганов в Ганьжоу и последний раз упоминается в 1000 г. Последним турфанским владельцем, носившим титул идикут был Токлуг-Темур (1347-1365) [Кляшторный-Колесников, 1988, 41].

Важным моментом в жизни Турфанских уйгуров был расцвет буддизма в княжестве. Буддизм в Восточном Туркестане имел давнюю и прочную традицию. Древние насельники этого края, потом и тюркоязычные (уйгурские) племена, в разное время поселившие эти земли, весьма часто принимали имена буддистского содержания, представлявшие собой титулы Будды, эпитеты к его именам, различные религиозные характеристики и т.д.

Известно, что Восточный Туркестан населяли субстратные индоарийские племена. Уже начиная с рубежа 11 и 1 тысячелетий до н.э. на территории Восточного Туркестана складывается индоевропейский массив

населения - абсолютно доминирующий этнический субстрат на протяжении полутора тысячелетий. И лишь с середины 1 тыс.-н.э. начался активный процесс тюркизации края.

Большое место в жизни восточнотуркестанского общества сыграли и элементы материальной и духовной культуры Китая. В ряде случаев наблюдался синтез китайских и местных (а также и пришлых - тюркских) элементов культуры. В средние века на территории Восточного Туркестана оседают несколько тюркоязычных и монголоязычных волн. Все вышеназванные народы развивали свою государственность и культуру в обстановке тесных взаимосвязей с племенами и народами Средней Азии, а также Индии, народами из Южной Сибири и Монголии, а определенной степени - Тибета, и конечно же Китая [Восточный Туркестан и Средняя Азия 1984, 21-23].

Этот своеобразный этнико-культурный симбиоз, естественным образом весьма ярко и красочно отразился на своеобразии антропонимии региона.

Во-первых, на начальном этапе Турфанского княжества и других государственных образований уйгуров в Восточном Туркестане сохранялась антропонимическая традиция, бытовавшая в Монголии.

Так, на одной из надписей уйгурского правителя Кочо называют Kün Aj Tengride qut bulmış uluğ qut ornatmış alpin erdemin el tutmış Alp Arslan Qutluq qul Bilge Tenrixan.

Типологически сходна с ней и надпись на стенной росписи: Qutluq Arslan Bilge Tengri elig qut el tutmış [Gabain 1972].

Один из уйгурских правителей Ганьжжоу (924-926) носил имя, которое восстанавливается как Ормузд < согд. маних. Harmuzda "Юпитер" [Малявкин, 1989] < авест. ANura Mazda "великий бог" (букв, "господин мудрость" - так называли Индру [Дюмезиль, 1986].

Многие антропонимы из китайских хроник восстанавливаются на уйгурской почве: Пан тэлэ < menglik; Буку чин, один из вождей уйгуров, в имени буку - название одного из уйгурских родов, Са-чжи, уйгурский

министр < savçi "messenger", Мо-хэ < Baga и т.д. [см.: Hamilton, 1955, Малявкин, 1979].

Во-вторых, самое широкое распространение получили антропо-нимы буддистского содержания и происхождения. Так, исследователи выявили целый ряд поэтов, творивших на древнеуйгурском языке, но бывших представителями буддистского направления в поэзии: их имена записаны в коллофонах: [Тугушева, 1973]. Аналогичные типы имен были присущи и представителям духовенства, знати, а отчасти и простого народа.

Наконец, в-третьих, целый ряд антропонимов турфанс-ких уйгуров в определенной степени связывается именни-ком индо-арийских племен, древних насельников края, или с их титулатурой.

Также, как и буддизм, в Восточном Туркестане прочные позиции сохраняло и манихейство. Манихейская традиция имела в ВТ глубокие корни еще с УП-УШ вв., а новый импульс оно получило в середине IX в. с приходом сюда новой волны уйгуров из Монголии [Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье, 1992, 526], также, как и христианство несторианского толка, получившее распространение еще в У1-УП вв., но достигшего подъема позднее в X-X1 вв. В Восточном Туркестане найдено немало памятников манихейского и христианского содержания, в том числе на уйгурском языке. Они сохранили и значительное количество антропонимов, ср.: Yausip (Иосиф), Yusomud (Иисус) и проч. [Тугушева, 1983].

Столь значительное фиксирование антропонимов в памятниках религиозного и светского содержания связано с особенностями составления этих памятников. Они создавались по заказу высших слоев аристократического общества, имена заказчиков непременно упоминались в коллофонах рукописей, также как и имена переписчиков, составителей и переводчиков, а также часто имена их родственников и близких, потому, что заказ, составление, переписка религиозной книги были средством совершения обета и т.п.

Среди обширного количества памятников древнеуй-гурского письма особое место занимают уйгурские юридические документы, основная часть которых обнаружена в Турфанском оазисе и относится, по мнению ученых, к домонгольскому и монгольскому периодам [Малов, 1951, Gabain, 1973].

Документы эти отразившие в себе хозяйственную жизнь, социально-экономические условия представляют значительный интерес как для историков, так и для лингвистов и этнографов юристов, как исторические памятники, содержащие "неоценимые данные этно-лингвистического характера" [Литвинский, 1984, с.8].

Огромное значение имеют эти документы для уйгурской исторической антропоники: они донесли до наших дней множество личных имен уйгуров (и не только уйгуров), отразили богатую титулатуру, термины родства и свойства того времени, зафиксировали структурно-семантические особенности- личных имен, функциональную насыщенность антропокомпонентов и антропоформантов и т.д.

На основе анализа антропонимов, представленных в юридических документах уйгуров, можно сделать вполне определенные выводы о происхождении, структуре, социальной дифференцированности™ уйгурских антропонимов и их формантов и в целом о системе уйгурских личных имен, бытовавшей в Турфанском оазисе в X-XIII вв.

В юридических документах уйгуров встречаются кроме собственно уйгурских имена китайские, монгольские, среднеиранские, сирийские и арабские (последние крайне редко [Gabain, 1974, 30].

Так, в юридических документах зафиксированы следующие монгольские личные имена: Ambi (Usp.53), Bululday (Usp.38), Burçuj(Шр.Usp48), İsika (Usp 3) , Mulda (..Usp 14), Sajiқ (Usp.122), Sanjaç (Usp .40), Sambun (Usp 77), Saranguç (Usp34), Samsiba, Senga,Soma,Soqta и другие. Причем в контрактах эти люди выступали как заимодавцы, кредиторы, должники и пр., что дало основание А.Фон Габен сделать вывод о том, что в Qoço проживали и монголы, перешедшие на оседлый образ жизни. А тот факт, что под долговыми расписками имеются подписи монго-

лов, свидетельствует о том, что и представители господствующего народа попадали в материальное затруднение [Gabain, 1973, 30].

Из перечисленных выше монгольских имен и многие и сегодня широко распространены у монголов язычных народов [Справочник личных имен народов РСФСР, 1979, с.208-257].

Много в юридических документах и китайских личных имен: Çisun Sengü, çawşu, Çitsu, Çitsu Sila, Pintun, Qajtsu Tutung, Liw Tajpu, Minsin, Kimtsu и др. (См.: Usp, Yamada, Gabain).

Вместе с тем факт наличия имен уйгурского происхождения в документах не всегда свидетельствует о том, что носитель подобного имени - не уйгур. Как китайские, так и монгольские имена давались уйгурами на основе личного примера или моды на имена, поскольку отрыв личных имен от собственной лексической основы, переход на иноязычный материал может быть результатом чисто внешних контактов с другими народами.

Уйгуры Турфанского оазиса в X-XIII вв. и ранее исповедовали манихейство, христианство и, главным образом, буддизм, поэтому буддийские имена санскритского или китайского происхождения также встречались антропони-мии уйгуров. Уйгурские монахи (а потом и представители знати, и даже простолюдины) могли иметь подобные имена, что нашло отражение в уйгурских юридических документах: Tojin, Tojin Çoq, Barça Tojin, Buyan Qara, Butaşıri, Baqşı, Surya Şiri, Baçaq(Usp).

Уже в тот период наблюдались случаи, когда заимствование, усвоение и широкое распространение какого-либо антропонима у уйгуров зависело от того, насколько оно по своей внешней форме близко собственно уйгурскому имени.

Так в юридических документах встречается много имен с компонентом qara. В одних случаях qara находится в препозиции в имени и выступает в значении, совпадающем со значением qara в именах представителей караханидской верховной знати "Великий, могущественный" (ДТС,424): Qara Baqşı (Usp), qara Buqa(Usp.15), Qara Temür (Usp.13).

В других случаях ЭТОТ компонент находится в постпозиции: *Altun Qara* (Usp.2), *Buĵan Qara* (Yamada), *Burluk Qara*, *Öĝrünç Qara*. В системе тюркских имен собственных *qara* в постпозиции почти не встречается.

Возможно этот компонент в постпозиции в уйгурских антропонимах возник по аналогии с *qara* из *qaja*, поскольку часто встречаются имена типа *Buĵan Qaja*, *Sevinç Qaja*, *Bolat Qaja*, . М.Шогайто возводит *qaja* в личных именах уйгуров к санскритскому *qaja*, которое имело следующие значения: 1. посвященный, 2. тело, туловище, живот [Shogaito, 1976, 30].

Часто встречается в юридических документах имя *Torĝi* которое, на первый взгляд, связано с апелятивом *torĝi* "тот, кто плетет сети". Однако, по мнению Л.Кара, в данном случае мы имеем дело с антропонимом, восходящим к тибетскому варианту санскритского *vajra*, тиб. *rdor-ji* "скипетр", "жезл" [Кага, 1976]. Этот антропоним в форме *Доржи* и сегодня широко распространен у монголоязычных народов.

Что же касается личного имени (или компонента) *Asan(a)*: *Asana* (Usp. 12), *Asan Buqa* (Usp.64), *Asana Qaja* (Usp.78], то его вряд ли следует сопоставлять с тюркским *esan* "здоровый, невредимый" и тем более с арабским именем *Хасан*. По мнению А. Фон Габен, *asan(a)* восходит к среднеиранскому слову со значением "самый невредимый", "самый целый". [Gabain, 1973, 37]. По мнению Пенти Аалто, уйгурское *ajaqqa tegimlik* "достойный поклонения, высокочтимый" совпадает с санскр. *Arhat* и представляет собой кальку с хотанского *rajsamana asana* [Aalto, 1971, 37].

Возможно уйгурское имя *Asan(a)* представляет собой реликт древнего хотанского религиозного титула. В связи с тем, что уйгуры Турфанского оазиса того периода не знали еще ислама, вполне естественно, что арабские имена у них употреблялись ограниченно, в юридических документах всего два подобных имени: *Ali*, *Mubarak qoç* (Usp).

Интересен еще и тот факт, что у уйгуров Турфана встречались имена обозначающие раб того-то, слуга того-то: *Burĥan qulı* "раб Бурхана", *Nom qulı* "раб учения", *Toĵin qulı* "раб тоина" и проч., которые по структуре чрезвычайно близки исламским именам.

Таким образом, заимствование личных имен у других народов вследствие религиозных, социальных факторов уйгурами Турфанского оазиса было весьма распространенным.

И все же главную роль в формировании системы уйгурских личных имен в Турфане играли исконные обычаи и традиции именования, поэтому большинство антропонимов в юридических документах - собственно уйгурские, образованные по единым для всех тюркских народов принципам.

Ко времени составления юридических документов тюркская (в том числе и уйгурская) система личных имен уже имела длительную историю и базировалась на прочно утвердившихся принципах и традициях, поэтому собственно уйгурские имена документов имеют много аналогий с антропонимами древнетюркских и других памятников древности.

К сожалению, в юридических документах, как впрочем и во всех остальных памятниках ничтожно мало женских имен, это лишь имена двух рабынь: Qutluq, Aj Silig (Usp).

Что же касается мужского именника, то он представлен весьма широко и полно, что дает основания делать определенные выводы об антропонимической системе уйгуров Турфана того периода.

Прежде всего обращает на себя внимание социальная дифференцированность антропонимических моделей для различных слоев населения Турфанского оазиса. Имена представителей знати во многих случаях резко отличаются от имен простых людей, рабов, прежде всего составом компонентов, структурой, набором наиболее распространенных антропоформантов и рядом других показателей.

Во-первых, имена представителей знати всегда многосоставны, усложнены титулами, что вообще характерно для древнетюркской антропонимии: 8tškш Тигип Ыа§ Гтатаc1a,15], КфзесЛ Азап [Каспт., 6], Вцап 1етиг e1c1 [ГСасНт.,7], Зпл/за! 1a15! [РТ,1], Оитаз Ыа[[115p.27].

У представителей простого народа также встречаются двусоставные имена, вторым компонентом в них, как правило, выступает компонент *етиг : <Зага Тетиг [11зр.17], Тиггтз Тетиг [Ызр.17], ©шМия {етиг [Уатаc1a,13], яага: Во1ик Яага [11зр.45], Ти1ак яага.

Однако в большей своей части личные имена простолюдинов односоставны и представляют собой антропонимы, восходящие к апелляциям, обозначающим названия родов, племен, народностей: Merkit [Usp. 13], *Qitay*, *Qurçaq* [изр.30] и др. Иногда именем могло стать название профессии: Bedizçi [Usp.61] "резчик по дереву", *Borluqçi* [Usp 63] "виноградарь", *Qorumçi* [Usp.53] "каменщик", *Başçi* "руководитель, предводитель" и проч.

Имена, восходящие к названиям животных, исследователи связывают с первобытным культом зверей. В антропонимах подобного типа также наблюдается социальная дифференцированность. Так излюбленным компонентом в именах представителей знати был Arslan "лев": Alp Arslan sangun [usp.26], Arslan Balban [usp.125], Arslan Syq Toğril [usp 63].

У представителей простого народа были распространены имена с компонентом buqa "бык-производитель": Bars Buqa [Usp 13], Bag Buqa [Usp. 19], Qara Buqa [Usp.14], Bay Buqa [Usp. 3 8], toğril "название хищной птицы": Adam Toğril, Basa Toğril [Usp. 107], Yap Toğril [Usp 109].

Очень популярен у представителей верховной власти был компонент el "род, племя": El tutmiş Sangun, El Qatmış [Usp.26].

Таким образом, система личных имен уйгуров Средневековья в Турфанском оазисе характеризуется резкой социальной дифференцированностью, приведшей к тому, что бытовали отличные друг от друга системы личных имен знати и простого люда. Свою организованную и отличную от других систему имен имело духовенство, а также высшая и средняя знать.

Такова наиболее общая характеристика антропонимии уйгурских юридических документов. Все многообразие антропонимов, приведенных в памятниках древнеуйгурского письма представляет значительный интерес для антропонимики, как наиболее полный фактический материал, представленный в историко-филологических источниках, равного которому нет.

Из анализа антропонимов из Турфана видно, что принципы номинации и наиболее общие тенденции отбора апеллятивов, употребляющихся как личное имя, сходны с общетюркскими. Вместе с тем, спектр и лингвистическое многообразие уйгурских антропонимов из Турфана, частотность употребления определенных антропокомпонентов, составляют специфику данной антропонимической системы, ее изюминку.

Антропонимы Караханидского государства

Важнейшим событием в истории Караханидского государства, внесшим кардинальные перемены в социально-культурной ориентации тюрков, было принятие ислама Сатуком Богра-каганом, правившем в западной части каганата, т.е. бывшим младшим, подчиненным каганом со ставкой в Таразе. Проникновение идеологии ислама в тюркскую среду было вызвано прежде всего наличием реальных политических и экономических выгод, проистекавших из этого обращения, и кроме того, определялось особенностями мусульманского вероучения, его гуманизмом, прославлением общечеловеческих ценностей и достоинств, духовной и телесной чистоты, к которым призывает ислам.

Новая идеология в тюркском мире привнесла в него изменения глобального характера, отразившиеся как на экономическом, так и на политическом и культурном развитии.

И, естественным образом, значительные изменения произошли в антропонимической системе тюрков. Непременным антропонимическим атрибутом тюрка-мусульманина было его мусульманское имя. Уже Сатук Богра-хан принял мусульманское имя Абд-ал Карим. Сын его Бай-таш, ставший великим каганом, известен в источниках под именем Мусы Буграхана (956-958 гг.). Второй его сын, Тонга Илик, известный как Сулейман Арслан хан, провозгласил в 960 г. ислам государственной религией [Тургун Алмас, 1984, 449], и начал газзават - под лозунгом защиты ислама объявил войну Хотану и Кочо, правда безуспешно. Турфан лишь в XI в. станет мусульманским.

С 1067 г. на монетах Караханидов обозначается титул малик-алмашрик ва-син "царь Востока и Китая", который существовал наряду с титулом Табгач-каган, который еще в орхонских надписях применялся к китайскому императору [Бартольд, 11, ч.1, 46].

Кроме династийного имени Бугра хан и Арслан-хан имелись соответствующие титулы и ранги более низшего ранга, которые также подразделялись на две группы: бугра-илик, арслан-илик, бугра-тегин, арслан-тегин и др.

Существенно, что на протяжении весьма длительного периода у караханидских правителей сохранялся собственно тюркский титул хан. Антропонимия тюрков эпохи караханидов зафиксирована в значительной мере в арабских источниках того времени и позднее.

Это, главным образом, имена правителей и знати. Наиболее полно сведения по антропонимии тюрков эпохи караханидов представлены в замечательном памятнике тюркской культуры "Дивану лугатит тюрк" Махмуда Кашгари, который, хотя и представляет собой по форме классический тюркско-арабский словарь, но по содержанию является подлинной энциклопедией тюркского мира и культуры XI века и по праву принадлежит к жемчужинам мировой культуры. В "Диване" нашли отражение все наиболее значительные элементы культурной, этнической, политической и социальной картины тюркского мира эпохи классического Средневековья.

Среди имен собственных в "Дивану лугат-ит-турк" Махмуда Кашгари значительное место занимают антропонимы - личные имена людей (105 имен). И хотя автор "Дивана" ставил своей целью описать только наиболее употребительные у тюрков-мусульман имена [МК, 1,27), состав антропонимов "Дивана" неоднороден. Можно выделить три наиболее значительных пласта - личных имен: арабский, иранский и собственно тюркский [Джанузаков, 1970, 20].

В "Дивану лугат-ит-турк" можно выделить также группы личных имен по признаку, который в какой-то мере объясняет наличие в "Диване" разноязычных имен, несмотря на желание автора памятника показать только самые распространенные у тюрков-мусульман имена: это, во-первых, собственно тюркские имена, представленные в качестве словарных слов, многие из которых подвергаются историко-этимологическому анализу автором "Дивана"; другая группа имен, не менее значительная - это имена, встречающиеся в толкованиях слов, в цитатах, в рассказах о том, или ином историческом событии, племени, городе и т.д. Имена второй группы не всегда могут быть отнесены к наиболее употребительным, но зато это имена исторических деятелей, легендарных героев, имена основателей городов, наконец, это древнейшие имена из фольклора и т.д.. Поэтому без их анализа мы не сможем получить наиболее полные сведения о составе и структуре личных имен тюрков времен Махмуда Кашгарского.

Наличие в составе антропонимии "Дивана" личных имен арабского и иранского происхождения не случайно и связано с определенными взаимосвязями тюрков с арабами и иранцами в определенную историческую эпоху.

В связи с принятием ислама тюрками в IX-XI вв., а вместе с ним, естественно, были приняты и личные имена этого учения, изменились обычаи и традиции наречения детей, отчасти вытеснились язычные имена, но зато широко распространены были арабские имена религиозного происхождения. Так в "Диване" приводятся имена библейских пророков: Nuh, İbragim, İshak, Yafes и др. [МК, 1,28,351].

Конечно, эти имена не являются собственно арабскими, так как они заимствованы исламом у религии более древней, у иудаизма. Но эти армейские имена адаптировались на арабской языковой почве (например, Авраам-Ибрагим, Иисус-Иса и др.), нашли свое новое применение в силаме и были освоены тюрками через прямое воздействие мусульманского учения, что дает основание считать их для тюрков арабскими заимствованиями.

Т.Джанузаков пишет, что арамейские имена проникли из арабского языка через религиозные книги или через проповедников культа и были распространены у тюрков. [Джанузаков, 1978, с. 197].

Влияние арабской культуры уже в XI веке было столь значительным, что многие представители тюркской знати носили чисто арабские по форме имена, сравните: Muhammed-ül-bi-emrillah (МК, 1,4) - имя халифа времени Махмуда Кашгарского и имена тюрков: Ebu Bekr İl-Kaffal-us -Sasi (МК, 1, 443), Ebu Bekr-il-mufit-ul-Cerçeraу (МК, 1, 351), İbnu-id-Dünya (МК, 351). Эти имена включают в себя все или почти все компоненты, присущие арабским именам: исм-алья-мия, даваемое при рождении, кунью - прозвище, показывающее родственное отношение, лакаб - прозвище, нисбу - имя по происхождению и т.д.

Часто встречаются у тюрков имена смешанного типа, когда наряду с арабскими, в состав имени включены также и компоненты тюркского происхождения. Так, например, тюрки - мусульмане, следуя заветам основателя ислама пророка Мухаммеда [МК, 1,4 и др.) включали в состав своего имени имя главного пророка, или один из его эпитетов, а также имена других пророков. В.А.Гордлевский объясняет это явление в антропонимии одного из тюркских племен стойкостью доисламских традиций тюрков, которые став мусульманами, все же цепко держались за старый родовой уклад:

"Официально огузы - мусульмане, - пишет В.А.Гордлевский, - но это внешняя оболочка, и долго еще у них существовали два имени: новое, мусульманское, и старое, родовое имя, или прозвище... Двойное имя наблюдается даже у придворной, или служилой верхушки (куда конечно, ислам должен был глубже проникнуть) [Гордлевский, 1865, с. 84].

В "Диване" подобного типа имена также представлены: Muhammed Sakir Tonga хан - тюркский бек; [МК, 1,111); Nizameddin İsrail Toğan Tegin - имя тюркского бека [МК, 1,111), где Nizameddin - арабский эпитет Мухаммеда "устроитель веры", а İsrail - имя одного из библейских пророков.

Довольно часто в связи с тем или иным историческим событием в "Диване" упоминается Александр Македонский, представленный в "Диване" под именем Zülkarṇayn (МК, 1,90,111,359 и др.), которое было одним из арабских эпитетов к имени великого царя. Зулкарнайн в переводе с арабского буквально значит "обладающий двумя рогами". По мнению А.Гафурова §1971, с.80), это имя было дано Александру после того как последний, завоевав Египет, короновался там как фараон. А фараоны носили высокий головной убор, украшенный двумя рогами с изображением солнца и луны между ними.

Более вероятной представляется гипотеза, приведенная в "Тарихи Табарий" (X в.): две стороны мира, куда заходит и восходит солнце называются "Карн". Александр завоевал весь мир, поэтому его называют Zülkarṇayn < zül , арабское "владыка" + karṇ "сторона мира + аyn - "показатель двойственности" - Zülkarṇayn "владыка обоих (всех) концов мира" (1978, с. 51). Махмуд Кашгарский приводит также имя Sultan Mas'ud [МК, 1,473) - имя газневидского правителя (1030-1041), который был женат на дочери Караханида Кадыр-хана. В данном имени sultan - "арабский титул монарх, государь", mas'ud , арабское "счастливый" [Гафуров, 1971, с.205].

Определенное место в "Диване" занимают имена ираноязычного происхождения (10 имен). О том, что контакты тюрков с иранцами существовали в глубокой древности, свидетельствует то обстоятельство, что один из героев иранского эпоса, который носил часто иранское имя Afrasyab "грозный" (МК, 1,159, 243, 381 и др.) и выступал в качестве предводителя Турана, связывался с тюркской героической традицией.

Тюрки не только приняли это предание, но более того, как отмечал В.В.Бартольд, династия тюркских ханов, которые покорили Туркестан, стала называть себя потомками Афрасиаба (Бартольд, V, 433), и уже в XI веке Махмуд Кашгарский и его современник Юсуф Баласагунский, независимо один от другого, включили в свои произведения древнетюркского эпического героя Alp Er Tonga, отождествив его с Афрасиабом (МК, 1, 159; КБ, 31).

Вместе с именем Афрасиаба были известны также и имена его детей: Barsgan - его сын, который основал город, названный его именем (МК, III, 417), Barman (МК, III, 369), его сын, Kaz (МК, III, 149) - дочь и зять Афрасиаба Siyavuş. (МК, III, 381, 466).

Buhtu-Nassar - имя, под которым арабы смешивали друг с другом Набонассара и Навуханоссора. По Бируни персидская форма этого имени звучит Bukhvu Nasri и означает "много плачущий", Buhtu-Nassar-арабизированная форма [9. 817].

Tahmures [МК, III, 149] - одна из легендарных царей Ирана. А.Гафуров пишет, что древнейшая форма этого имени есть в "Авесте" в виде Тахмаурупа "сильная лиса", которая принадлежит к первобытным именованиям племенных вождей. "Очевидно, еще в доисламское время урупа было переосмысление в урутха "тело"; так как наименование "лиса", видимо, казалось не соответствующим образу полусвятого легендарного царя. Тогда все имя приобрело новое значение - "сильный телом", которое вполне подходило древнему царю-богатырю. В то же время само имя претерпевало дальнейшие изменения. Тахмау-рутха превратилось в Тахмуратх, а это последнее уже в Тахмурас" [Гафуров, 1871, с. 136].

Имя хотанского бека Cengşi [МК, III, 378] восходит к имени древнеиранского мифического царя Джамшеда "блистательный Джам" [Джанузаков, 1874]. Махмуд Кашгарский приводит более правильную, на его взгляд, форму имени Cemşid [МК, III, 378].

О несомненном влиянии как арабских, так и иранских личных имен на формировании тюркской антропонимии не менее ярко свидетельствует также и "Кутадгу билик" Юсуфа Баласагунского. О.Каримов [1967, 42] отмечает, что из 32 личных имен, приведенных в "Кутадгу билик" - 23 арабского и иранского происхождения. Это, во-первых, имена религиозного происхождения: Nuh [КБ, 470], İsa [КБ, 470], Muhammed [КБ, предисловие, А], Ali [КБ, 313] и др. В отличие от "Дивана", в "Кутадгу билиг" Александр Македонский представлен под именем İskander [КБ, 470], более широко распространенным в исламском мире, нежели

Zülkarnaun и являющимся арабизированной формой имени Александр.

"Кутадгу билик" создавалась, как отмечают А.Н.Самойлович [1834, с. 161-167] и Е.Э.Бертельс [1947, с. 73] под большим влиянием ираноязычной литературы, что отразилось в наличии в памятнике имен героев иранского мира: Dahhaq, Feridun [КБ, 28], Rüstem [КБ, 470] - герои "Шахнамэ" Фирдоуси, Nuşin Revan [КБ, 32] и другие.

Таким образом, арабские и иранские личные[^] имена занимали значительное место в антропонимии тюрков XI века (по крайней мере у знати тюрков), что нашло яркое отражение в тюркоязычных памятниках той эпохи "Дивану лугат-ит-турк" и "Кутадгу билик", авторы которых, будучи тюрками, также носили имена арабские, включая даже такой компонент арабского имени как техаллус)махлас= -псевдоним)Кашгари = .

Полное имя автора "Дивана" Махмуд-ибн-ал Хусейн-ибн-Мухаммед. Часто собственными именами становились арабские слова, выражающие понятия геройства, силы, мудрости, знатности и т.д.: Ali [КБ, 313], "возвышенный", "верховный"; Nafaç [МК, I, 59]; Huseyn [МК, I, 351] "хороший"; Sabit [МК, I, 33 5] "твердый", "стойкий"; Selim[МК, I, 59] "здоровый", "невредимый".

Большинство иранских антропонимов представляют собой также эстетические и этические идеалы народа, понятия величия и красоты и т.д.: Rüstem[КБ, 470] "могучий ростом", Tahmures [МК, III, 149] "сильный телом", Feridun [КБ, 28] "втройне могучий", Afrasyab [МК, КБ], "грозный", Nuşin Revan [КБ, 32] "бессмертная душа" и т.д.

За очень короткий срок широко распространившись в тюркской, да и не только в тюркской языковой среде арабские и иранские имена оставались и остаются по сей день одними из самых распространенных, почти не утрачивая своего значения и не уменьшая антропонимического ареала.

Но несмотря на все могущество, на самое глубокое проникновение мусульманства во все стороны жизни тюрков, несмотря на широчайшее распространение в связи с принятием ислама как арабских, так и иранских имен в тюркской антропонимии, тюркские народы не отрекались

полностью от исконно тюркских имен. В "Диване" антропонимы собственно тюркского происхождения составляют 70% имен. Большая часть тюркских антропонимов - общетюркского происхождения.

Словарь Махмуда Кашгари представляет огромный научный и познавательный интерес в отношении традиций, принципов и способов именования людей того периода. В своих толкованиях того или иного словарного слова ученый приводит много чрезвычайно интересных и уникальных сведений, имеющих непосредственное отношение к ономастической науке, в том числе и к антропонимике.

Так, по данным Махмуда Кашгари, названия многих хищных животных и птиц могут быть именами мужчин: Турумтай [МК, III, 243], Чагри "название птицы - мужское имя" [МК, I, 424], Тогрул "хищная птица и мужское имя" [МК, I, 482], Яган "слон" - Яган Тегин - мужское имя [МК, III, 29], Тонга "леопард" [МК, III, 368] - название хищного животного, способного убить слона. Слово утратило свое значение у тюрков и употребляется как компонент мужских имен, Тонга Тегин, Тонга хан. Настоящее имя Афрасиаба Alp Er Tonga, т.е. "герой, подобный леопарду" [МК, III, 368]. Об имени Бурслан (Burslan) МК пишет, что это слово употребляется как второй компонент парно-повторного слова arslan-burslan самостоятельное слово, обозначающее "тигр, леопард", поскольку как часть парно-повторного слова оно не может употребляться в качестве личного имени [МК, III, 418].

Давая толкование тех или иных титулов, Махмуд Кашгари приводит сведения о тех племенах, у которых были распространены эти титулы, рассказывает о происхождении титулов, их употреблении. Так, уйгурские ханы назывались Köl Bilge хан "хан, ум которого обширен как озеро" [МК, I, 429, женщины из рода Афрасиаба носили титул Natun распространенный в доисламские времена у племени аргу [МК, I, 436], знать у карлуков именовалась титулами çuğlan, sagun [МК, I, 444, I, 403].

Интерес вызывает высказывание МК о происхождении титула "тегин": первоначально он означал "раб", дети Афрасиаба, принижая себя перед отцом, называли себя тегин, т.е. "раб великого хана", вследствие чего слово тегин стало означать "принц" [МК,1,413]. Отсюда имена с компонентом тегин употребляются как среди рабов: Алп тегин "мужественный раб", Кутлук тегин" [МК, 1,393], так и наследников престола: Бекеч Арслан Тегин [МК, 1,357], Кюч Тегин "сильный принц" [МК, 1, 413].

Махмуд Кашгари приводит весьма любопытные факты о диминутивных образованиях антропонимов, которые о сегодня широко распространены в тюркских языках [см. Махпиров, 1985]: так, антропоним Sülü по его мнению представляет собой усеченную, ласкательную форму имени Сулейман, так звали раба [МК, III, 323], в имени Bekeç Arslan Tegin, bekeç ласкательная форма слова бек "принц" [МК, 1,357] и др.

И, наконец, сведения Махмуда Кашгари о детских именах еще раз подтверждают мнение ученых о функционировании в тюркском мире двух и более антропонимических ярусов: Çava - "имя, даваемое юношам [МК, III, 225], İnal - детское имя мальчика, рожденного знатной женщиной от мужчины-простолюдина [МК, 1, 122], Kûç tegin -детское имя принца [МК, 1, 413] и т.д.

Еще одна жемчужина тюркской культуры XI века - поэма "Кутадгу Билик" Юсуфа Хае Хажиба, совершенство формы, глубина и философская насыщенность которой и по сей день продолжают очаровывать даже самых искушенных читателей, также представляет собой уникальный образец историко-филологического памятника, отразившего в себе все самые значительные стороны тюркского мира. И как произведение выдающееся, поэма эта поставила перед исследователями множество вопросов, связанных с проблемами текстологии, философии, истории и этнологии, культурологии и филологии. Разрешение этих вопросов несомненно послужит не только более глубокому пониманию сути и содержания великого творения, но и высветит наиболее важные грани культурной, социальной, политической жизни тюрков классической эпохи.

Так, одной из малоизученных, в силу, якобы, своей очевидности, является проблема имен главных героев "Кутадгу билик".

Общепризнано, что поэма основана на мусульманской идеологии и пропагандирует ее. Сам автор объявляет себя, в соответствии с духом идеологии своего времени, воинствующим мусульманином, и в первых главах поэмы разъясняет и пропагандирует общие положения ислама.

Вместе с тем, как поэт, как наиболее яркий представитель своего времени, своей культуры, своего народа, Юсуф Хае Хажиб широко использует народную мудрость, зафиксированную в пословицах и поговорках, народных легендах и преданиях, эпических сказаниях, он пропагандирует те нравственные и этические идеалы, которые наиболее близки его духу, духу его народа. И не во всем эти идеалы были мусульманского происхождения, хотя и отвечали его устоям. Более того, даже наиболее значимые религиозные понятия автор передает не исламскими, а соответственно тюркскими терминами, употребляя, например, вместо - Аллах - уган, баят, тенгри, вместо расул, пайгамбар "пророк" - йалавач, савчи.

Народная домусульманская традиция сказала и на выборе имен главных героев поэмы: Kün Toğdu букв, "солнце возшло", Aj toldi "Полнолуние", Ögdülmiş "Достохвальный", Odğurmiş "Пробуждающий", Küsemiş "Желанный".

Эти имена имеют ярко выраженную символику, смысл и значение которой поэт оговаривает в поэтическом и прозаическом предисловиях поэмы, а также дополняет свои характеристики в тексте непосредственно.

В структурно-типологическом плане данные антропонимы полностью соответствуют особенностям древнетюркских имен. Они образованы в полной аналогии с основными принципами номинации в тюркской антропонимии, которые выявляются как из других древнетюркских источников, так и из современного именника тюркских народов. Более того, данные антропонимы встречаются в различных памятниках, относящихся к средневековой истории тюрков [ср.: Кюнтувдый - имя плененного князем

Святославом хана черных клобуков (Баскаков, 1985, 68], ср. также: Küntowdu в арабских источниках о тюрках [Гусейнзаде, 1988, 13].

Однако, характеристика которая придается главным героям поэмы, в связи с апеллятивным значением антропонимов, дает основание полагать, что символика имен почерпнута автором "Кутадгу билик" в буддистской культуре, имевшей самое широкое распространение у тюрков до принятия ими ислама и даже сосуществовавшая на протяжении длительного периода наряду с мусульманством в тюркском мире.

Известно, что главные персонажи поэмы, по замыслу автора, составляют четыре непреходяще ценные сути и олицетворяют Справедливость, воплощенную в элике Кюн-тогды, Счастье, в лице везира Айтолды, Разум, олицетворенный в образе сына везира Огдюльмиша, и наконец, Непритязательность (Довольство) в образе отшельника Огдурмиша. Эти образы и их сущность имеют чрезвычайно близкие аналогии с буддистской духовностью, в частности с ее астрологическим культом, который в условиях тюркского мира, тесно соприкасаясь с местными воззрениями, образовал своеобразный синкретический пантеон божеств астрологического культа [Кочетова, 1947].

Так, образ Солнца, лежащий в основе имени элика Кюнтогды, олицетворяющего справедливость, согласно буддистского мировоззрения, олицетворял управителя природы, проявление света, князя, отца, императора, правителя, что полностью соответствует сущности этого главного героя поэмы.

Луна в буддизме была воплощением женской энергии инь, подчиненной и служила символом императриц, вассальных князей, министров (ср. образ Айтолды).

Образ отшельника Огдурмиша чрезвычайно близок третьему важнейшему символу буддистской астрологии - Сатурну, расположенному между Солнцем и Луной и воплощающему, как правило, старца с посохом, имеющего ярко выраженные черты аскета, отшельника, живущего в уединении [о буддистской астрологии в Кара-Хото см.: Кочетова, 1947]. 169

Лишь образу Огдильмиша, олицетворяющего Разум, нет полных аналогий в буддистской астрологии. Скорее всего данный образ - суть воплощение нового, побеждающего мусульманского мировоззрения. Не случайно, именно Огдильмиш, несмотря на свою молодость, занимает место везира, да и основное содержание поэмы связано с его именем.

Интересен также и тот факт, что ученик и последователь Огдурмиша, прислуживавший ему, носил имя Кумару, происхождение которого связано с санскритским kumaṇi "завет, завещание, наследие" [ДТС, 465].

В целом, антропологический материал, представленный в "Дивану лугат ит тюрк" Махмуда Кашгари и "Кутадгу Билик" Юсуфа Хас Хажиба отразил наиболее существенные особенности, характерные для именника тюрков XI века, который явился естественным продолжением антропологических традиций тюрков доисламской эпохи, несмотря на всепоглощающее влияние ислама, все же сохранившихся и получивших дальнейшее развитие в мусульманскую эпоху.

Таковы основные культурно-исторические пласты антропонимической системы тюрков древности и средневековья.

Необходимо отметить, что несмотря на различие политических и религиозных ориентации всех государственных образований тюрков, в антропонимике, за небольшими отклонениями, прослеживается единая структурная, типологическая и лингвистическая база, связанная с тюркским этнокультурным миром. Как показывает историко-этимологический анализ антропонимов (см. словарный раздел настоящей главы), приведенных в памятниках древнетюркской, древнеуйгурской и арабской письменности, базовую основу в них составляют собственно тюркские имена, образованные по единым лексико-семантическим моделям, основанные на единых принципах номинации, использующие единые структурные конструкции.

То же самое относится и к антропонимам тюрков-несторианцев, зафиксированных в надписях в Семиречье в большинстве своем надгробных плитах и отразивших христианский пласт тюркской антропонимии. Христианско-сирийские надписи из Семиречья оказались вне рамок нашего исследования, поскольку они хронологически относятся к более позднему периоду истории - XIII-XIV [Малое, 1959, 77].

Источники показывают, что еще у Сельджука сыновья носили христианские имена Михаила, Исраила, Давида, Иосифа, Моисея. Они основали огузское ханство с центром в Янгикенде (980-1040) Огузские ханы также носили смешанные имена: Исраил Арслан Ябгу, Муса Инанч Ябгу и тп.[Алмас, 1981, 504]. Тургун Алмас считает, что сельджукиды были не христианами, как утверждает В.Бартольд [Соч. 11, ч 2 285], а иудеями, поскольку первоначально были подчинены хазарам [Алмас, 1981, 504, см. также Алиев Г., 1989,24].

Пространный список личных имен из надгробных памятников из Семиречья,относящихся к тюркам-христианам, приводит П.К.Коковцев. Список, по его мнению, дает полное представление о распространении христианства среди тюркского населения в XI-XII вв.[Коковцев, 1907]

Общая характеристика этого списка показывает, что наряду с большим количеством христианских имен, типа Авраам, Исаак, Израиль, Исая, Илия, Алексанр, Иоан, Иисус, Ешус, Моисей, Маттай (Матфей) и др. в этих памятниках большинство составляют имена собственно тюркского происхождения, чрезвычайно близкие по своей структуре, принципам номинации, апеллятивным основам именам тюркских племен и народов древности и средневековья: Алтун-аба, Арслан, Арслан-Ака, Арслан-тунга (тонга), Арслан Угя, Йол Кутлук, Йултуз бег, Кучук, Кут-лук Арслан и т.д.

Более того, часто встречаются имена смешанного типа, когда христианское имя дополнялось собственно тюркским: Тарим Маттай (Матфей), Иоан Акпаш, Иоан Тегин, Иоан Жомарт и т.д. Наконец, чрезвычайно интересными представляются факты употребления имен мусульманского и буддистского происхождения в этих же (христианских) надгробиях: Кумру, Кумру Мажар (кумару), Ман-сур Кучаг, Махсут, Сабр-Ишо, Абд-Ишо(!), Шахмалик (!) и проч.[См. полный список имен Коковцев, 1907].

Указанное обстоятельство еще раз свидетельствует о самом тесном взаимодействии всех мировых религий в тюркском мире, и о терпимости тюрков ко всем проявлениям религиозного мировоззрения. Как впрочем, и наличие тюркского пласта в славянском именнике [С.Баскаков 1979-1985].

Структурные типы и смысловые модели древнетюркских антропонимов

Как уже неоднократно указывалось, тюркские антропонимы в структурном и смысловом отношении характеризуются чрезвычайной близостью и основаны на единых принципах номинации.

В структурном отношении, на основе анализа древне-тюркской антропонимии можно сделать вывод о том, что антропонимическая система того периода предполагала по крайней мере, двухкомпонентное имя, причем, один компонент был личным именем в основном значении этого слова, второе имя, предоставляющее собой, как правило, кодификатор, выделяющий данное лицо из круга остальных лиц, могло быть представлено родовым именем, титулом, семейным, или патронимическим прозвищем, или названием профессии. Если учитывать, что в прошлом профессия, ремесло также носили семейный, наследственный характер, следует признать, что и кодификатор - название ремесла или профессии, был также своего рода семейным (или родовым) прозвищем.

Таким образом, второй компонент антропонима аналогичен по своим функциональным параметрам современным фамилиям. В целом же древнетюркская антропонимия в памятниках представлена в большинстве случаев многосоставными антропонимами, включающими в себя пышные титулы. Это связано с тем, что в памятниках письменности фиксировались прежде всего представители знати, правящей верхушки, антропонимикой которых характеризовался развернутыми формами имен.

Для тюркской антропонимии характерны отдельные способы словообразования, среди которых наиболее продуктивными являются прежде всего две основные структурные модели: аналитическая и синтетическая [Баскаков, 1985, 76].

Образование аналитических антропонимов в тюркских языках базируется на:

а) простых детерминативных определительных сочетаниях типа: Апа Тархан, "Старший тархан", Адай Кыз "любимая дочь", Ариг Тегин "чистый, незапятнанный принц", Кутлук тегин "счастливый принц", Тюнюк "Первая драгоценность" и мн. др.;

б) определение - приложение: Арслан Апа "лев -старший", Барс бек "барс-бек", Алп Кутлук "богатырь- счастливый", Арслан хан "лев-хан", Ерк Арслан Сангун "воля-лев-титул", Бек Арслан "бек-лев" и прочие;

в) притяжательное словосочетание: Боняк "его шея белая", Бурхан кули "раб Будды", Тонн кули "раб тонна", Ном кули "раб учения", Инанчи Менгу "вера (его) вечная" и т.д.;

г) причастные и глагольные словосочетания: Ельтут-миш "державший эль", Ель Этмиш "сотворивший эль", Ельтебер "попирающий эль", Кут Булмиш "обретший благо" и др.

Синтетическая модель образования включает в себя модели именного и глагольного словообразования.

Прежде чем рассмотреть основные способы аффиксального словообразования в древнетюркской антропонимии необходимо отметить, что для нее в значительной мере характерна также и корневая (безаффиксальная) модель антропонима, типа: Барс, Апа, Арслан, Бахши, Тутук, Тогрил, Кай, Шу, Турумтай, Баса, Бек и многие другие.

1. Для моделей именного словообразования в древнетюркской антропонимии наиболее характерны следующие аффиксы:

-лык/-лук - аффикс обладания: Кутлук <кут-лук, Кюллюк <кул-люк, Иоллыг <йол-лыг и др.;

-чи/-чы - аффикс, образующий слова обозначающие профессию: Баш-чи, Борлук-чи, Буша-чи, Тамга-чи, Еки-чи и др.;

-чук/-чак - аффикс диминутива: Бок-ча, Тайин-чак, Орна-чук, Или-чук;

-сиз^/-сыз -аффикс отсутствия, не обладания: Мунсыз, Керексиз, Кира-сиз, Сан-сиз и др.

2. Из моделей глагольного словообразования наиболее продуктивны в древнетюркской антропонимии следующие аффиксы:

-**миш** '**-мыш** - аффикс причастия настоящего-прошедшего времени: Тогмиш, Тутмиш, Тапмиш, Йигмыш, турмиш, Озмиш, Огдурмиш, Огдюль-миш, Кусямиш и др.

-**уш** /**-ыш** - аффикс имени действия (масдара): Болуш - "помощник", Атыш - "стрельба", Утуш - "выигрыш" и др.

- **ык**: бат-ык, Сай-ык и др.

-**сын** /**-син** - повелит. формы 3 лица: Кай-сын - "пусть примкнет", Кина-сун - "пусть накажет" и ряд других аффиксов.

В отношении смысловых моделей древнетюркских антропонимов следует отметить, что они обнаруживают чрезвычайно близкое типологическое сходство для всех антропонимических систем тюркского мира древности и средневековья, как впрочем и для современных систем личных имен. Более того, основы личных имен у разных народов также обнаруживают типологическое сходство, которое может быть результатом заимствования, взаимного влияния имен разных систем или следствием аналогичного самостоятельного развития, основанного на общности исходных категорий, на которые они опираются и привлечением в качестве исходных средств апеллятивов определенных лексических полей [Суперанская, 1988,8].

У исследователей антропонимических систем самых разных языков распространенным лингвистическим приемом является метод анализа антропонимического материала путем лексико-семантической классификации. В основе данного метода лежит принцип классификации личных имен по типу значения, с учетом тех обстоятельств, которые послужили основой для той, или иной мотивировки имени. Эти мотивировки играют определенную роль в лексико-семантической классификации антропонимов.

Количество лексико-семантических групп по их смысловому содержанию и происхождению ограничивается определенным кругом семантических полей, и потому личные имена представляют собой "продукт порождающегося процесса, обусловленного определенными закономерностями антропонимизации апеллятивов". В языке имеется определенный разряд слов, использующихся в указанном процессе называния, т.е. существует своего рода совокупность антропонимических лексем, обладающих повышенным антропонимическим коэффициентом [Юркенас, 1979].

При относительной универсальности процесса онимизации апеллятивов для всех языков и культур, разные языки обладают определенными расхождениями, связанными с отражением в антропонимии политического устройства, социально-правовых институтов, религиозных догм и концепций и т.п.

Так, к специфическим особенностям восточной (в том числе и тюркской) антропонимики относятся составные имена, включающие различные социальные детерминативы: титулы, ранги, должности.

Также отличительной особенностью тюркской системы личных имен является наличие в ней большого количества причастных образований, высокая частотность диминутивных форм личных имен и проч.

С учетом типологических общностей и специфических особенностей тюркской антропонимической системы, основываясь на классификации венгерского ученого Л.Рашоньи, наиболее оптимальную схему классификации личных имен предложил В.А.Никонов(1974). Принципы классификации В.А.Никонова успешно использованы при анализе татарских и башкирских личных имен [Шайхулов, 1979], антропонимов кыргызского эпоса "Манас" [Воронов, 1988], "Дивану лугат-ит тюрк" "Махмуда Кашгари [Махпиров,1990] и др.

Согласно классификации В.Никонова все личные имена можно разбить на три большие группы, объединенные общими истоками мотивировки:

1.Имена описательные (дескриптивы), констатирующие физические характеристики ребенка, характер, обстоятельство родов, данные о его родителях, и проч.

2.Имена-пожелания (дезидеративы). Эти имена выражают пожелания родителей ребенку (долгих лет жизни, счастья, достижения славы, смелости, и проч.). Сюда же следует отнести имена-обереги, которые давались ребенку с целью оградить его от злых духов, недругов, напастей, также имена, в которых выражено пожелание родителей самим себе, своему народу, стране и т.д.

3.Имена-посвящения (меморативы), выражающие понятия памятные, связывающие носителя имени с обозначенным в его имени другим человеком, божеством и проч., связанные с культами и верованиями.

С учетом особенностей древнетюркской антропонимики все личные имена можно сгруппировать в указанные три группы:

А. Имена - посвящения (меморативы)

1. Одними из самых древних, по мнению исследователей оно-мастики различных языков, являются антропонимы, связанные с культом неба, светил и звезд. В "Диване" приводится личное имя Aj [МК, 1,193], восходящее к тюркскому названию луны. Имена с компонентами Aj-"луна", Kün - "солнце" были одним из самых распространенных у тюрков. Так, главных героев "Кутадгу билиг" звали Aj Toldy , "полнолуние" и Kün toğdu "восход солнца"; их имена олицетворяли соответственно счастье и справедливость. Т.Джанузаков, выделяя казахские личные имена, связанные с культом неба и светил, связывает их древнейшими верованиями тюрков, которые поклонялись небу, вод, земле, считая их священными [Джанузаков,1960, с.7].

2.Древнейшими являются антропонимы, в основе которых лежат названия животных и птиц, представляющие собой пережитки первобытного культа животных и птиц. Наличие личных имен, связанных с названиями животных и птиц, объясняется тем, что в обществе, дающем эти имена, имелись особые представления, связанные с древними верованиями людей, обожествлявших различного рода животных и птиц .

Чаще всего такие имена давались представителям знати тюрков: так легендарного героя иранских преданий, предводителя туров Афрасиаба, тюрки называли *Alp Er Tonga* [МК,3,368 и др. КБ,31] "герой, подобный леопарду". Аналогичного происхождения имена *Tonga han*, *Tonga tegin*[МК,3,368]. А имя одного из первых представителей династии караханидов *Boğra Qara Han* [МК, 3,221] включает в себя *Boğra* "верблюд-самец". Позже *tongaa* и *boğra* стали широко употребляться в качестве титулов. Также распространено у тюрков имя с компонентом *Arslan* "лев", которое входило как составная часть в почетные прозвища караханидов: *Bekeç Arslan Tegin* [МК,1,357], *Arslan han* [МК,1,357].

Многочисленные антропониимы тюрков, в основе которых лежат названия птиц, подтверждают мысль о том, что в древнейший период религиозное мировоззрение у них было связано самым тесным образом с птицами. Чаще всего в основу личных имен ложатся названия хищных птиц, отличающихся стремительностью полета, силой: так , в составе имен *Çağrı Bek* [МК, 1,421], *Çağrı Tegin* [МКД,413], *Muhammed Çakır Tonga Han* [МКДД11] лежит *çağrı*//*çakır* "сокол".

Несколько иного плана как по форме, так и по "содержанию" имена простых людей, восходящие к названиям животных и птиц: чаще всего это односоставные имена типа *As*, имя рыбыни [МКД,80] "горностай", "ласка"; *Qaban* [МКД,415] "кабан"; личное имя *Toğrı* восходит к названию хищной птицы, которая уничтожает тысячу гусей, чтобы съесть одного [МК, 1,422], ср.Радлов: тогрил "какая-то охотничья птица" [т.3,с.1167]; *Turumtaj* "хищная птица", название употребляется в качестве мужского имени [МК, ПД10,111,243]. Ср.: Турумтай "перепелятник", "копчик", "маленький ястреб" [Радловд.3, с. 1456];] *turumtaj* "дербник" [КБ,с.589].

Традиции именования по названиям животных, как уже отмечалось, характерны для всех народов. В "Диване" и "Кутадгу билиг" приводятся имена: *Hajdar* [КБ,470] "лев", арабское, почетное прозвище Али; *Tahmures* [МК 3 ,49] восходит к авестийскому *тахмаура* - "сильная лиса"; в имени *Bahram Çubin* [МК, 3,99], *çubin* - "древнеиранское -ворона и т.д.

3. Значительное место в группе имен-посвящений занимают имена, восходящие к названиям родов, племен. Род имеет определенные имена, пользоваться которыми во всем племени может только один он, так что имя отдельного человека также указывает, к какому роду принадлежит он. Льюис Г.Морган, анализируя индейские личные имена, пишет, что "каждый род имел личные имена, которые составляли его исключительную собствен-ность и как та-ковые не могли употребляться другими родами того же племени. Эти имена по своему значению указывали на род, кото-рому они принадлежали, ибо были в качестве таковых общеизвестны" [Льюис Г.Морган, 1934, с.27].

Этноантропонимы представляют собой, по-видимому, имена для обозначения выходца из какого-либо рода, или племени, например: Kumuq//Kumuq "личное имя" [МК,1,383, Ш,339]; комук// кумук "название тюркского племени" [МК, Ш, 339]; Kaj [МК.Ш, 158] - имя раба из племени кай; имя одного из старейшин кыпчаков Qangli [МК,Ш,379] восходит, вероятно, к названию племени qangli, ср. также антропонимы : Merkit, Qytaj, Qurçaq (Usp) ; имя Текеş по мнению Б.Аталая [МК, 1,368, примечание] произошло от названия племени теке.

4. Близки к этноантропонимам по происхождению имена, восходящие к терминам родства и свойства, часто это имена, данные ребенку в честь одного из предков: Abi [МК,1,81] "мужское имя", восходит к abi "отец", "дядя", "дед".

Термины родства нашли отражение также в имени İnal Öz [МК,1,361], где inal "сын женщины из знатного рода и простолюдина" [МК]; имя Begşi [МК,Ш, 228] восходит, вероятно, к Begşi "муж", "супруг", "герой" [ДТС 91]. Аналогичный термин родства, но более распространенный eg "муж", "супруг", имеющий также ярко выраженный оттенок "храбрый", "сильный", "мужчина", "герой", "богатырь" использован в имени A1p eg Tonga [МК,111,368] и многих других именах.

5. К именам-посвящениям относятся имена в честь исторических лиц, к такого рода именам в "Диване можно отнести антропонимы арабского происхождения, включающие имена пророка Мухаммеда, Абу Бекра, Хусейна и др. (7 имен). В честь древнеиранского мифического царя Джамшеда "блистательный Джам", назван, видимо, хотанский бек Çengşi//çemşid [МК,Ш,378].

Б. Имена описания (дескриптивы)

Многие имена тюрков представляют собой отражение обстоятельств рождения, место и характер родов и т.д. Они констатируют признаки носителя имени, различные обстоятельства и условия его рождения, данные о родителях и др.

Так, имя одного из старейшин племени ябаку Budraç//Budhraç [МК, 1,144,452] представляет собой, по-видимому, описание внешних признаков носителя имени и образовано от производной основы с уменьшительным аффиксом -аç: Būdūr 1) "рябой", "шероховатый", "корявый"; 2) "рябина от оспы"; 3) "веснушчатый" [Севортян, 240, с.285-286] + -аç - Budraç "рябенький", "веснушчатенький"; или budra со значениями 1) "кудри"; 2) "кудрявый", "курчавый" [Севортян, 240,с.245] + -аç- - budraç "кудрявенький", "курчавенький".

Тюрки - народ, славившийся своей воинственностью, подчас свирепостью, обусловленной кочевой жизнью - беспрестанно воевали: войны за землю, за пастбища, за воду, войны между племенами, войны с Ираном и т.д. почти не прекращались. Это важнейшее обстоятельство не могло не отразиться на антропонимии - своеобразном зеркале жизни. Так, перемирия были недолговечны и редки и являлись, по-видимому, значительным событием, что нашло отражение в личных именах: слово Qawşut "мир между царями" [МК, 1,451], стало личным именем человека, по-видимому, родившегося в период кратковременного перемирия. Чаше встречаются имена типа: Atuş [МК,1,60] "стрельба", "перестрелка" "бой"; süngüş [МК,Ш,365] "сражение", "война", "драка на копьях"; Toquş [МК,1,368] "битва", "сражение", "бой"; и т.д.

То обстоятельство, что в семье долгое время не было детей, или рождались одни девочки, почти всегда так или иначе отражалось на имени ребенка (мальчика), наконец-то родившегося на радость родителям. Подобного происхождения имя представлено в "Кутадгу билик": Küsemiş [КБ,46 и ел.] "желанный", см. также Sevinç "любимый"(Usp).

Род деятельности, профессия отражены в имени родоначальника сельджукидов - Selcük [МК, 1,478].

О.Н.Сенковский (1859,с.639) видел в личном имени Selcük < salçük "лодочка" и считал, что имя или прозвище дано потому, что Selcük был в молодости перевозчиком на Аму-Дарье.

А.А.Семенов выдвигает следующие версии относительно происхождения данного антропонима, связывая имя Сельджук со словом саль "плот из камыша", исконно бытовавшем на территории Средней Азии: Сельджук "личное имя" < сальджи "перевозчик", "плотовщик""+ -чик "уменьшит.аффикс" 9 Сальджик, пренебрежительное "плотовщицешко", "мастеришко плотов"; или 2) Сельджук < саль "плот" + джик "уменьшит.афф." - "плотишко" [Семенов, 1946, 241].

Особо следует рассмотреть имена рабов и рабынь в древности, так как их имена обусловлены особым положением в обществе, которое занимали рабы.

Рабов в обществе рассматривали прежде всего как вещь, как источник наслаждения, как рабочую силу, что и отразилось прежде всего в их именах, которые становились описанием определенных черт характера, внешности и т.д.: рабов красивых, чистых называли Ajaz "чистое, ясное небо" [МК,1,123]; Süli [МК,Ш,233] по Махмуду Кашгарскому представляет собой усеченную форму от имени Suleyman, но вполне вероятно, что süli восходит к sül "свежесть", "сочность" [МК,Ш, 134].

Название драгоценного металла легло в основу имени Kümüş [МК,1,371] и Kümüş Tegin [МК, 1,413] "раб, чистый как серебро".

Такие признаки рабов как сила, отвага, мощь отразились в именах Alp Tegin [МК, 1,413] "герой-раб"; Küş Tegin [МК.1,413] "сильный раб"; Yağan Tegin [МК,Ш, 29] "Слон-раб" и т.д.

Часто рабов называли Qarabaş [МК,111,222] "черная голова". Имя рабыни Qaşaş восходит к названию китайской шелковой ткани [МК,Ш,285].

Такого же описательного характера и прозвищные имена: Sökmen [МК, 1,444] прозвище для богатырей, "герой" от слова sök-"разделять", "рассекать", "разрубать" и т.д. [Радлов, т.4, с. 570, 96, с. 510].

Слово сокман, прозвище для богатырей, "герой" как антропоним зафиксирован в "Родословной туркмен" и у Рашид-аддина. [Кусимова, 1975, с.31]. В именах-прозвищах *Qylyç* [МК,1,358], *Qylyç хан* [МК,1,359] - отражение воинственности характера, силы, непобедимости и т.д. По мнению А.А.Гордлевского в имени Кылыч содержится воспоминание о культе меча, распространенном среди гуннов. [Гордлевский, 1968, с.84].

Определенные стороны человеческого характера получили отражение в именах: *İnanç Bek* [МК,1,133], "доверенный, надежный бек"; *Ögdülmiş* [КБ,94] "достохвальный"; *Oğdurmuş* [КБ,23 4] "пробуждающий"; *Aryğ(Usp)* "чистый, незапятнанный"; *Adaj (Usp)* "любимый", *Edgü* "хороший, добрый"; *Bulğaq* [МК, 1,467]: < *bulğaq* "бездельник", "праздношатающийся" и т.д. [Н.А.Баскаков, 1978, с. 15].

В. Имена - пожелания (дезидеративы).

Значительное место в системе личных имен занимают имена-пожелания. Пожелание ребенку долгой жизни, счастья, славы, богатства и т.д. были часты у турков. Вера в сверхъестественную силу слова служила основной причиной появления имен-пожеланий: *Bektur* [МК,1,455], из *bek* - "крепкий", "крепко", +*tur* "стой" - "стой крепко"; *Çava* [МК,111,225] "славься", "стань известным", - это имя давалось юношам. Ср.: *Çawaldur*, *Çawly Bej*[Аталай, 313, с.42], *Qutan* [МК,1,415] "будь счастливым" и др. Имя *Qatмыш* [МК, 1,460] мужское имя, образовано из *qat* "становиться твердым", "твердеть" [Радлов, т.П, с.277]; БТС, 432] + -'аффикс причастия со значением прошедшего неочевидного или прошедшего повествовательного. *Beklen* [МК, 1,444] "стань беком"; *Tarхан* [МК, 1,436] "титул правителя" в качестве имени. Мужское имя *Badruk* [МК, 1,466] восходит, вероятно, к фонетически ранней форме слова *Bajrak//badrak*, представленной в древнеуйгур. - *badruk* Э.В.Севортян приводит следующие значения для слов *Badrak//bajraq*: 1= "знамя", "флаг", "хоругвь", 2= устар. "войско, собранное под одним флагом", 3) "древко", с шелковым полотнищем", 4) "бумажный змей", 5) "приз", "награда" [Севортян, Словарь 2, с.34]. Наиболее вероятно сопоставление личного имени *Badruq* со значениями "знамя", "флаг", или "приз", "награда". Ср. *Ürüngü - ürüng* "знамя" - антропоним.

Одним из самых распространенных способов сохранения ребенка был обычай мнимой купли-продажи или находки, совершавшейся при наречении, чтобы направить враждебную силу по ложному следу [Гордлевский, 1968, с.132].

Отражением этого обычая стали имена: Tapdu [МК.205], "нашел"; Тараг [МК, 1,361] "найдет"; Utuş [МК.1,60] "выигрыш"; Utar [МК,1,367] "выиграет" и др.

В группу имен-пожеланий можно включить также имена, в которых выражено пожелание родителей самим себе. Так, если родители не желали иметь больше детей, они называли последнего ребенка Azaq [МК,1,66] "конец", "последний". Надежда, что ребенок будет хорошим помощником, отражена в имени Boluş [МК,1,358] < boluş "помощник", "поддержка", "заступничество" [МК, П,367].

Историко-этимологическое описание древнетюркских антропонимов

Рассмотрим наиболее характерные и интересные с точки зрения историко-лингвистической интерпретации антропонимы и антропоформанты древних тюрков.

Abamu Burhan [Маних.1] - и. с. будда Абаму, abamu “вечный, постоянный, неизменный”, burhan “будда”.

Abi (МК) - антропоним < abi - “отец, дядя”, “старый родственник”.

Adam Togrıl - личное имя, в данном имени adam//адам - “человек, первый человек, Адам” - связано с манихейством, togrıl “назв. птицы.”

Afrasjab (он же Alp Er Tonga) - миф.герой тюрков < иранск. “грозный” [МК, КБ].

Aga - антропокомпонент, титул знатных женщин: Qınçıhan Aga, Tugluq Qutluq Aga. В совр. т.я. aga “старший брат”.

Alp - “герой, богатырь” витязь”, распространенный компонент личных имен: Alp Qutluq [Usp), Alp Tarhan [Man), Alp Togrıl [Usp), Alp Tutuq, Alp Sali, Alp Ürüngü (ДТС), Alp Er Tonga [МК), Alp Aja [МК).

Adaj “любимый”: Adaj Qınçıj Tangrim [Zieme, 1985], Adaj tutun [Yamada 1972], Adaj Qiz [Usp 118).

Arslan “лев” - чрезвычайно распространенный компонент лич-ных имен, титул турфанских (и караханидских) правителей: Arslan Balban [Usp, 125u, Arslan Sig Togrıl, Arslan Bilge Tengri ilig, Arslan Bilge Xan [Zieme, 1985].

Altun tarım - прозвище знатных женщин (МК), Altun Tamgan Tarnan: altun “золото”

Ajas - “имя раба” [МК] < ajas “чистое ясное небо”.

Apa Tarhan - имя и титул [Топ] < Апа “старший родственник” + Tarhan (титул).

Anantasiri < скр. Anandasrı: Камала Ананташири, Анан-ташири тойун [Zieme, 1985, 198].

Aprin Çor, имя одного из уйгурских поэтов [Тугушева, 1973]; имя *тюркского* принца [Маних.11] < перс. африн сар “владыка гимнов” [Бомбачи, 1986, 196].

Ara - препозитивный компонент антропонимов: Ara Buqaç, Ara Buqa, Ara Temur < ср.: скр. ага “верный, благочестивый, святой” [CPC, 69].

Arig : < arig “чистый, незагрязненный” [ср.: Arig/ Qurtqu Tarim [Ziemme, 1985], Arig Tegin [Usp,8], Arig qunjuj, .Arig qurtga Tengrim j

Asig Bulmiş - антропоним: asig .”польза, выгода, прибыль” + bulmis “получивший, нашедший [Usp,57].

Adgü - компонент личного имени: Adgü Togrıl [Usp, 14] < adgü “хороший, добрый” + togrıl “название птицы” [МК,1,482].

Asana - препозитивный компонент антропонимов: Asana Inal, Asana [Yamada, 1972], Qudug?i Asana [Yamada], Asana Kaja, Yuz basi Asana [Yamada], Asan Buqa, Asan Temur [Usp]:

1) Вряд ли допустимо его сопоставление с esen “здоровый, невредимый”, антропоним часто употребляется в современной тюркской антропонимии [см.Джанузаков, 1982].

2) форма asana позволяет предположить связи с санскритским asana “трон, сиденье, поза(у йогов)” [CPC,104] или с санскр. asanga “независимый, свободный”[CPC,899].

3) А.Ф.Габен возводит этот компонент к ср.иранскому слову со значениями “самый невредимый, самый целый” [Gabain,1972,74],

Aşina - имя первого вождя тюрков < 1.хот.-сак.asana “благородный, достойный” [Кляшторный, 1964,111]; согд... axsena - ср.ир. axsina “синий” - ранняя субституция собственно тюркского этнонима kok “.синий”. [Шервашидзе 1989,79].

As - прозвище рабынь [МК] < as “горностаи, ласка”.

Atyş (МКй - мужское имя < atyş “стрельба, перестрелка”.

Aruni - антропоним [Usp,115], ср.: скр. aruna “солнце”, имя сына мудреца Кашьяпы, “утренняя заря” [CPC,69].

Arti Inal - антропоним [Usp,113]: арт,- .+ ти “увеличился, прибавился”.

Aşmiş [Usp,26], **Aşqan** [Usp,82] - отглагольные имена от аш- “переходить, пересекать”.

Azaq /Adaq - мужское имя [МК] < azaq - adaq. “конец, завершение”.

Elçi “посол”., антропокомпонент: Elçi Çur (E614), Elçi tiri [Usp,4].

Elik “правитель, государь”, распространенный титул и антропокомпонент: Elik [Usp,114], Elik Qaja Açı [Vamada,1972],

Er “муж, мужчина”, распространенный антропокомпонент: Er Bori [ТТДХ] er + borı “волк”, Er Buqa [Usp, 18], buqa “бык”, Er Togmis:.. er + toğmış “родивший” и проч., ср. Алп Ер Тона (МК, КБ).

Erk Arslan Sangun [Usp,26]: erk “сила, воля, могущество, власть”, arslan “лев”, sang.un “кит.титул”.

Elgur Tutung [Jamada] ср. elgur “сито?”. + tutung , кит. “ титул”

Erdeni Qatun [Usp,38], женское имя: Erdemi < скр. Ratna “драгоценность” + qatun “титул супруги кагана”

Ediz [Usp,267], антропоним < едизы - телесское (токуз огузское) племя.

Eren [Usp,38] < eren “мужчина, муж, воин”.

Baça [Usp,72] антропоним, ср. парное munsuz baçasız “безгрешный, совершенный” (парн.), возможно Baça“грех, порча”, как антропоним-оберег. 2. Н.А.Баскаков: бача/badza уйг. “свояк, муж сестры” [1985,51].

Baçaq [Usp,8] - антропоним и антропокомпонент: Baçaq [Usp,107], Baçaq Toğril [Jamada,1972] < baçaq “религиозный христианский пост” [МК, Хуаст.].

B a ç a r a [Usp,52]- антропоним, ср.: скр. bhattacharya “достославный учитель” [СРС,475] или bha-çhara “живущий” [СРС,480].

B a j - широко распространенный антропокомпонент, популярен и в современных тюркских антропонимических системах, встречается как в препозиции: Baj Ара, Baj Buqa [Usp,14], Baj Temur [Usp,25], так и в постпозиции: BortBaj., TurBaj. [Usp,14].

Bağa - распротр. антропкомпонент и титул < согд.титул[ДТС 77]:Ton Bağa Tarhan, Inanç Bağa Tarhan [Терх.]

Badruk - мужское имя <. badruq - 1.”знамя, флаг”; 2.”приз, награда” [ЭСТЯ, 11,34].

Bagatur Çigşi антропоним, ср.: batur “богатырь” - звание или титул у болгар и др. 1. 9.р.монг. Bagatur “сме/ лый воин, витязь, военачальник” [Баскаков,1985]. (

Baqşy -. антропоним и антропокомпонент [Usp,39] к кит. боши “учитель, наставник” [ДТС,83].

Baraq Buqa Sanggun [Zieme] -. антропоним: baraq “собака с длинной шерстью” [ЛБ,1,539], ср. Барак - антропонимы в древнерусских источниках [Баскаков,1985], buqa “бык”, sanggun кит. “принц”.

Barça “все, весь, полный, совершенный”, антропокомпонент: Barça togmis [Usp,32], Barça Toj.in [Usp,32], | Barça Turmis [Usp,14], \

Bars чрезвычайно популярный антропокомпонент, “барс”: Bars beg, Bars Buqa [Usp,13], Bars Urungu [Usp,16], ; Qutadmis Bars

Barsgan сын Афрасиаба. По МК по его имени назван город
Barsgan

Barman - сын Афрасияба < brahman [ДТС)

Basa, антропокомпонент: Basa Temur [[sp,126], **Basal** Togril

1)возможно рассматривать как отглагольное имя **бас-**,
+ аф. -а “давить, побеждать, жать” или баса - учащательная глаг. форма; 2)ср.:
скр. bhasa “блеск, сияние”, имя драматурга 11-111 в. [СРС].

Basan//**Basana**: Basana Tngirim, Basan [Usp,77], **Basan** Jalavaç (Mo) ср.:
скр. bhadrasana “трон, поза” [СРС,475 или скр. bhasana “выступление,
появление”, скр. **vassana** “впечатление, представление” [СРС,935].
Используется как в мужских, так и в женских именах [Тугушева,1978].

barv [Usp,107] - антропоним, ср.скр. Parva “первоначальный, восточный”;
имя древнего мудреца [СРС,

Beg// bek - .распространенный антропокомпонент, имеет два значения:
1. в преп.озиции: Beg Arslan, Beg Buqa, Beg Temur и др. восходит к берк
“крепкий, сильный, непоколебимый и т.д.”; 2. в постпозиции: İrinçin Bek,
Nimasiri beg, Nirmalasiri beg (Ziemeii антропокомп бек - социальный
детерминатив, происхождение связано с согд. бага

Bilge “мудрый, правящий” - широко распространен титул у тюрков, уйгуров и других тюркских племен: Bilge Tngrim, Bilge Tngrim

Bekeç Arslan tegin (МК): bekeç- диминутивная форма от bek, arslan “лев”, tegin “принц”.

Beklen [МК] - мужское имя < beklen “крепись, будь прочным”.

Bogra Qara xan [МК] - титул правителя караханидов < bogra “верблюд-самец”, qara “великий”, xan “хан”.

Boluş [МК] - мужское имя < boluş “поддержка, заступничество” [МК].

Bolat Buqa Inal [Тугушева 1978] - антропоним с.болат “сталь”, buqa. “бык”, inal. “титул”; ср.: Булат|Ви1а1 [Usp,56], Bulat Tomur [Zieme 1985,208].

Borluqçi [Usp, 18] - антропоним < “виноградарь” (у уйгуров Турфана) [ДТС]

Bongak [Usp,7, МЮР,7] - антропоним, ср.: Баскаков Н.А. приводит целый ряд антропонимов Боняк в памятниках древнерусской истории: боняк < bojun//mojung “шея” + aq “белый” boj(u)nuaq , Woj(u)naq “белошейка”, часто встречающаяся кличка собаки - Wojnag “антропоним” [Баскаков 1985, 83].

Boqça [Usp,115] - антропоним, < bok//buq “силач, герой” + -ça - аффикс диминутива (или, напротив, усилительный аффикс) [Кононов, 1980, Gabain, 1988, Щербак 1977] .

Bort baj [Usp 26] - антропоним; ср.: Qara Bort, Qitaj Bort [Usp 30]. На тюркской почве апеллятив борт не этимологизируется. Возможно его сопоставление с санскритскими словами; ср.: bhartja “слуга, министр, подданный” [СРС 485], или bhartar “господин, повелитель; супруг, муж” [СРС 476]. Компонент бай “богатый” широко известен как и древней, так и в современной тюркской антропониимии.

Barq Turmis [Usp, 6] - антропоним, ср.: 1. barq. “присутствующий” [Zime 1987,204], 2. барк |барк “имущество, состояние, достояние” [ДТС,84, ЭСТЯ “Б”, 62].

Batyq (Usp, 38) - антропним, ср.: батык- бат -+ -ык “погруженный, запавший, увязший” (ЭСТЯ, “Б”,80).

Barunçu (Usp, 26й - антропоним, ср.: барын “имущество, Состояние, все, что имеется, скот” [ЭСТЯ,”Б”,62] + -4yг* Ми афф, обозначающий лицо по характеру

занятий, привычек [Щербак 1977, 103], барунчу “тот, кто копит, собирает имущество, богатство” или “торговец имуществомUsp, скотом” (ср.,др.-тюрк.борчи “торговец вином”, йолчи “проводник”, сутчи “торговец молоком”, уйг.кокчи “торговец овощами -(Щербак 1977,104).

Başçi [Usp,38], антропоним < başçi“руководитель, гла-ва .

Badrun [Jamada 1972] - антропоним < bedur- “увеличить, приумножить” + -ün афф.повелит.накл. - bed(u)rün “приумножся, увеличься” - антропоним Bedrun.

Bekira [Usp,276,55] - антропоним < bekira “сильный, могущественный, здоровый” [ТТ,У 111].

Bekina [Usp,118] - антропоним < баки- + -н “ будь крепким”.

Borluqçi [Usp,269] - антропоним < borluqçi “виноградарь”.

Buçan - антропокомпонент:BuçanÇinatun [МО,4] Bçan Teka [МО,4] кит. ?

Budasiri [Usp,6]; Будашири Бакши (Budasiri Baxsi < скр. budha “будда” + siri “принадлежащий” [СРС] или sgi “почтенный, величественный” [СРС,492], “принадлежащий будде”.

Burxan Quli [Usp,108 , Zieme 1987,274] - антропоним <“Раб Будды”, калька с санскр. Budhadasa.

Buqa - антропоним и антропокомпонент: Buqa, Bars Buqa,. Ара Buqa, Baj Buqa:. Bu qa “бык” [ДТС,125], как тотем

Bumin - основатель первого каганата тюрков (Jami) - Tümen китайских ист.

Busaçi [Usp,91] - антропоним < кит. буши “подаяние, милость + -чи аффикс 9 бушачи “нищий, живущий подаянием” [ДТС,128], ср. также Busi Quli [Zieme, 1987].

Bögü - антропоним и антропокомпонент böğü 1. “герой, муж, супруг” [ДТС,91, МК,КБ]; 2. “мудрый, мудрость” [Molnar,1985]: Bögü Tutuq, Bögü Qağan.

Budraç /Budhraç [МК) - старейшина, племена ябаку, budhraç <budur//budzur+ аç: 1. “рябенький, веснушчатый”, 2. “кудрявенький”[Севортян].

Bulğaq, мужское имя .[МК) < 1. “гордый”, 2.”праздношатающийся”[Баскаков 1985]

Bujan распространенный антропокомпонент: Bujan qara [Usp,25], Bujan temur [Usp,15], Bujan Tonga [Jamada 1972], Bujan quli ср. также: Bujañçuq Silavanti [Usp 88], Mojuñçur (Bujañçur) [Bk]; bujan < скр. puñja “заслуга, благодеяние, благодатный поступок” [ДТС,121].

Butur, **Бутур Tengrim**, **Butur Tengrim** [Zieme 1987, 21]<. butur - повелит, форма глагола but- 9 “заверши, закончи”.

Çatyr [Мюр.3] - антропоним, возможно сопоставление с скр. Jayitar “победоносный”, скр. Jaitriya “победа” [CPC,219] ср.также chatyr-mhuta “четырёхликий”, эпитет многих богов [CPC 205].

Çavşi /Çavsu [Usp] ,. вероятно кит.происхождения, ср. кит. цаошу, Tsau-sy бот.”, род акации, плоды которой сравниваются с девичьими пальцами”. [МК , ДТС, 142].

Çağ Oğlu. [Usp 74] , антропоним: çağ .”время, пора” + ogly “сын” - “сын времени”.

Çaırırça [Usp 30] - антропоним [ср.также Zieme 1985] связан с апеллятивом ça qır “пепельно-серый (о глазах)” [ДТС, 140], ср. quba ça qırça [Usp,22] парн. “саврасый, светло-бурый” [ДТС,4 62].

Çaqıdu [Usp,22] - антропоним, происходит от глагола ça q- : 1.жалить; 2.высекать (искру) - ça qı d u “ужалит” или “высечет”.

Çanır Tajsi [Usp,91] - антропоним кит. происхождения.

Çarığ Inal [Zieme,1985] - антропоним: < ça rıg “войско” + инал “титул”.

Çараq Tegin [Zieme,1985] - антропоним: çараq 1. гной в глазах; 2. красноречивый + inal “титул”.

Çava - мужское имя [МК] < ça w a “славься, стань известным.

Çigşi - широко распространенный антропокомпонент: Batur Çigşi, Kul Çigşi, Qutluq Çigşi, Çıq Bilga çigşi; çigşi восходит к китайскому титулу [ДТС 156].

Çigil - антропокомпонент: Çigil Arslan, Çiigil Tutuq (Ma) восходит к названию племени чигилей.

Çağri Bek [МК], Çağri tegin, Çağir qan [МК] < ça ğ ri / / çakir “сокол”.

Çiguş [Usp,108] - антропоним, ср.: çu ğ a j Quş -. топоним,, наз вание местности

[КТ] или ср.: скр. Jıgyu “победоносный” [СРС,224].

Çin -. антропокомпонент: Çin Tigin Kelin Tengrim, Çin Vuusin [Zieme 1985]< çin “истинный”, tigin ,. vuusin - титулы.

Çidin [Usp,25] - антропоним < чыдын “воздерживающийся в пище” [Р, 111,2,2093] или читин “упрямый, трудный”

Çinar Terek Qiz [ДТС,148] женское имя< “цветок чинары”.

Çintsu Sila [МО] - антропоним кит.происхождения. **Cjtsu Sila** [Мурд]: кит. Chi-tsach бот. “трава бессмертия” [Gabain,1 973,213].

Cisun Sengi [Usp,34] - антропоним кит.происхождения.

Çiting **Seli** [Uig. 11,80] < кит. Chi- t’ung - уйг. . Çitun”. буддистский монах высокого ранга”. [Gabain 1973,213].

Çoluq [Usp,8] -. антропоним, ср.: aqsaq çoluq “увечный”, çolaq “однорукий, безрукий” [ДТС,152].

Coqi [Usp,26] - антропоним çoqi=çoğı “распря, скандал; ср.: **чакар**, назв.българского рода “тот, кто подстрекает, сеет вражду” [Баскаков 1985,39].

Çuri(Usp)- антропоним - чури - дочь раба, рабыня

Çor Qağan- тюркский каган (600-610 гг.) - çor - титул

İdi qurt (Usp,4)- правильное будет iduq qut - от титула Турфанского княжества İquq qut "священное величество"

İkiçi (Usp) - антропоним, возможно от ekiçi/ekçi "хлебопашец, сеятель"

İliçuk < ilig “князь” + -çuk аффикс диминутива [Zieme, 1987], ср.: ilig, ilig er [Баскаков, 1985].

Inal Çuq (Usp, 110) - антропоним < inal “титул, должность” < “сын женщины из ханского рода и простолюдина” [МК] + -çuq, аффикс диминутива, ср.. Inal Savçu (Usp, 26), Inal Oz, Inal qağan [МК].

Inanç- антропоним- “вера, доверие”, ср.: Inançi Mengü “доверенный, вечный” (Usp, 26), Inanç Sagu (Usp, 26), Inanç bek (МК).

Inç - антропокомпонент- inç “покой, здоровье, спокойствие” [ДТС 210]: Inç Buqa, Inç Seka, Inç Qara, Inç Kalmis Tengrim, Inç Buqa, Inç Seka, Inç Qara Inç Buqa Taruğaçi [Zieme, 1985].

Inçkalmis Tengrim [Тугушева, 1973]: inç kalmis, ср. устойчивые сочетания in? kalmak, inç turmaq.

Ini (Usp, 78, 272) - антропоним Ini Jaglakar. (Сэвр.), где ini кит.сокр. титул Ин-и Цзянь-ци, “мужество, справедливость, доблесть” [Кляшторный, 1987].

Irinçin Bag - антропоним П.Циме возводит иринчин к тиб. Rin-chhen [Zieme, 1985, 21].

Indzu (Usp, 4) < indzu//incü “жемчуг”

Iş /eş - антропокомпонент < eş “друг, сподвижник”:. Iş Uuqa; Eş Qara (Usp, 14, 18), Isbars., Iş bul, Eş [Баскаков, 1985].

Isira (Usp, 52) - антропоним < ср.: Içvara “господин, повелитель”.

It -. антропокомпонент <. “собака”: It Saman, It Tarhan (Usp, 26) ср.: антропонимы. Baraq, Kobak [Баскаков, 1985].

Istemi - первый ябгу, брат Бумина. < Тох.. А. **astami** [Зуев]

Işbara kagan - пятый каган, тюрок (Нивар) < скр. Içvara 1. “господин, повелитель”; 2. “бог, всевышний” | СРС, 181].

Jabatu - антропоним [Usp, 29, 273] < jaba atlıq “имеющий иноходца” [ЛБД1, 320], или “имеющий дикую лошадь” [ДТС, 221]. Печенежский этноним Jabdu erdemі связывается с антропонимом Jabatu [Баскаков, 1985, 55]

. ср. Yabatu Tirak [Usp, 273]. Jabasuntu (Usp, 118).

Jabiz Ajna, антропоним [Usp,9]: < jabiz “ничтожный, плохой, скверный” - имя оберег [ДТС, 222].

Jaçangir - антропоним [Usp, 85], ср.: jaçan- “стыдиться, смущаться” + -gur “устыди, смути”.

Jagan - антропокомпонент: jagan “слон”: Jağan tegin (МК), Jagan Burqan Quli (Usp, 74) ср. также: Savinç Jangga Vusi, в котором jangga “Слон” [Zieme, 1985]. Savinç “любимый”, vusi “кит, титул”.

Jaqmıs tutuq - антропоним [Ths I] от глагола 1. jaq- “поправляться, быть здоровым”, 2. “зажигать”, или от глагола jaq- “разрушать” - “здоровый” или “разрушивший”.

Jagmur - антропоним [Zieme, 1987] < jagmur “дождь”.

Jam - антропокомпонент Jam inal [Тугушева, 1973] 1. jam- “командовать, приказывать, быть во главе” [Баскаков, 1985, 41, со ссылкой на Голдена], 2. скр. jama- “бог смерти” [СРС, 527].

Japdu terak - антропоним < “назв.дерева”, ср. Japatu - антропоним (Usp,29).

Japig- антропоним [Yamada, 1972] < “наслоение, придаток” [ДТС 236].

Jaқ Sylyq - антропоним [Usp, 22,27] < jaq- 1. “нравиться”, “приставать”; 2. jaqa- “предводитель, шеф” [Gabain,1988,307] + Sylyq - “чистый, благородный” [ДТС, 500].

Jar - антропокомпонент: Jar ОУ1У (Usp,23) < иранское jar - “друг, любимый”.

Jaraspidi (Usp, 74) - антропоним, ср.: Yarsa “сверхъестественное существо, дух” [СРС, 524] + pitar - “отец, предки” [СРС,383] - “дух предков”.

Jariçi - антропоним (Usp, 77), ср.: basutçi jariçi парн. ‘помощник, заступник’, basutçi - “покровитель, помощник” [КБ, ДТС, 86]. Ср.: также Jariçuq Tengrim [Тугушева, 1973]

Jaruq, имя собственное и титул < jaruq “свет, сияние” ср.: Jaruq Tegin (E, 15).

Jegan, антропокомпонент < jegan “внук, племянник” Jegan Çur (К), Jegan Qara (Usp,51), Jegan Kulug Sangu (Usp,26), Jegan Kulug Sangun (Usp, 26), Jegan SiliY Beg Jegan Qinrul Sangun (Usp,26).

Jeka - антропокомпонент: *Adi jeka* (Usp,77), **Jeka В** < апеллятив *jeka* имеет следующие значения: 1. “одинаковый”, 2. “огромный, толстый”, 3. “прекрасный, красивый” [Р, 111, 317].

Jetmiş Qara Açarı < *jetmiş* - “семьдесят”, *qara* “великий”, *açarı* скр. “учитель, наставник” [ДТС].

Jezir Tomga - антропоним (USP, 108), ср.: *Jazir Bulas* [Баскаков, 1985, 48].

Jiqmis Taz (Usp) - антропоним < *jiqmis* - “разрушивший”, ср.: *Jiqsun* [Баскаков 1985], *Jigmis Tengrim* Тугушева, 1973].

Jıqınçı Tutung (Usp) < *Jıqınçı* “разрушитель”.

Jölakçi (Usp,20) < *jölakçi* - “помощник, заступник”.

Junsaq (Usp,32) - антропоним < *jumsaq* “мягкий”.

Junçi, имя мальчика (Yamada, 1972) < *juncü* - “жемчуг”.

Juqa, антропоним (Usp, 112) *juqa* - “малый, незначительный”..

Jollug teğın - автор надписи Кюль Тегину и Бильге Кагану : 1) *jolluğ* = *qutluq* - “счастливый”; 2) *jolluq* “Existenz Form nabend” [Zieme, 1987, 146].

Kamala Açarı, Kamala Anantasırı - антропонимы [Zieme, 1985].

В данных антропонимах первый компонент довольно четко восстанавливается на санскритской почве: *kaṃala* - “цветок лотоса” [СРС 149], также скр. происхождения *açarı* “учитель” и *anantasırı*.

Kad - распространенный антропокомпонент древнеуйгурской антропонимии: *Kad Burqan* (Usp, 11), *Kad Boran* (Usp), *Kad Tas*, *Kad Kağa*. Значение апеллятива *Kad* - “сильный, крепкий”, или “слава, известность” обладают весьма сильной способностью онимизации. По А.Габен *kaḍ* в значении “сильный, крепкий” < согд. *Каба* < сак. *kaada* [Gabain, 1988, 279]; ср.: *Kadık Tutuq Beg* антропоним Тугушева 1977].

Kenç - антропокомпонент: *kenc* ~ “ребенок, младенец” [ДТС, 298]; *Kenc İstemi* (Usp,74), *Kenc Bersu* (Usp,85), *Kenç Toğmış Tarqan* (Usp, 28).

Keruki - антропоним (Usp.74), ср.: [Баскаков, 1985, 86]- *Куря* - половецкий антропоним из древнерусских летописей < *kurak* - *korek* - “красивая фигура”, “красота” [ЛБ, 11.148].

Keraksiz - антропоним [Тугушева, 1977]: 1- возможно антропоним - оберег keraksiz “ненужный, ненадобный”, но ср.: Kirasiz Iduq Qut, Kirasiz TaruDağı Sengun [Zieme, 1987, 214] - антропонимы древнеуйгурских памятников, в которых П.Циме связывает kirasiz < с тибетским bkra-sis [Zieme, 1987, 214].

Kerej - антропоним [Usp,21], [Arat, 1964], возможно возведение антропонима к этнониму кереит, или ср.Керу- ки.

Kimsun [Usp, 114] - антропоним, вероятно китайского происхождения, ср.: Kuiksa [TT], Kintsu [Arat], Kimtsu [Usp,78], Kuintso [Su].

Kintsu [Usp 78] - антропоним, ср.: Kuintso [Su.], Kintso Bizji [Zieme. 1987], Kuntsun [Rohrnborn], П.Циме возводит антропоним к китайскому < Yan zang - “сокровище, драгоценность” [Zieme, 1987, 273], ср.: также Kuintso= Сюань Цзань.

Kök - распространенный антропокомпонент: Кок Tutuq, Кок irkin [KB] значения апеллятива - “небо”, “синий, небесный”, “свободный, вольный”, “основание, опора”, “корень” [ДТС] обладают активной способностью к онимизации.

Köküz Eram [MO, V], антропоним, ср.: [Баскаков, 1985]: Кокус - антропоним < köküz - “грудь, сердце”.

Köni Quz - антропоним: компонент koni обладает значениями “верный, правдивый, истинный”, ср. Кюнячук - половецкий антропоним < koni - “прямой, справедливый, надежный, откровенный” + çuk аффикс диминутива [Баскаков 1985, 87].

Konçoq - антропоним [Zieme, 1987, 215]. П.Циме связывает антропоним с тибетским dkon-mijhog, однако ср.: Кюнячук [Баскаков, 1985,87].

Körkla [Zieme, 1987, 273] - “красивая”, ср.: Sarak ƣapʔa Korklug [Zieme, 1985,215], Керкя [Баскаков, 1985].

Kümüş tegin (МК), имя раба: күмүш. - “серебро”.

Küç - “сила, мощь” - распространенный антропокомпонент: Küç Basliq, Küç Tutuq , Küç Tegn , Küç Temir, ср.[Баскаков, 1985,57].

Küçük Temur - антропоним [Usp, 14] < kuçük - “маленький, младший, щенок” + temur - “железо”, ср.: [Баскаков 1985,57]:Куçug - имя печенежского князя.

Kün Toğmiş [Usp,26], в ДТС: Kin togmis. В разных вариантах весьма распространено в тюрском мире: Kün Toğdu [KB] - один из главных героев Юсуфа

Хас Хаджиба; Кюн- тувдей - имя хана черных клобуков, плененного князем Святославом [Баскаков 1985]. Существует ясная и общепризнанная этимология апеллятива “восход солнца” [Баскаков 1985], ср. также аналогичный антропоним в арабских источниках [Гусейнзаде 1988, 13].

Kül - антропокомпонент, kül/küllü “славный, знатный” [Кононов, 1980, Баскаков, 1985, 53]: Kül Bilga - уйгурский хан (Sine usu), Küli Çor - предводитель тарду-шей (KU), Köl Bilge qagan [МК], Kul Cigsi.

Kültirtaj [Usp, 31] - антропоним < küldir - “заставь смеяться, радоваться” + taj “жеребенок”. Оба антропокомпонента широко распространены, ср.: Kuldur - имя князя черных клобуков [Баскаков, 1985, 68], Taj Beg (Usp,67), Taj Bilga Tutuq (M 4).

Küllüg - широко распространенный антропоним и антропокомпонент < kiiliig “славный, знатный”, ср.: Azguluğ < az kulug [Баскаков, 1986,53,65,80] - имена тюркских князей в русских летописях. Küllüg Qigsi (E 7), Küllüg İnanç Sangun (Usp,26), küllüg tirig (E 44), KÜllüg Tutuq (E, 6), Küllüg Urungu (Tns 1).

Kusamis, Kusamis Tngrim [Zieme, 1987, 280], антропонимы, имевшие распространение в тюркском мире: ср.: Kusemis - один из героев “Кутадгу Билиг” < kusemis - “желанный”.

Kusan Inal, Kusan Çor, Kusan Tngrim [Zieme, 1987, 274], П.Циме, вслед за А.Габен связывают антропоним с древним дотюркским названием города Куча < Kusan [Gabain, 1988, Zieme, 1987, 274].

Quzunçi - Kuzunçi (Usp,47), антропоним, ср.: 1. kozunlug - “предназначенный для кувшина, горшка” [МК, 1, 506], отсюда kozunçi - “горшечник”, или 2. Kuzunç - “славный, известный” [Ман.11].

Kutak (Yamada), антропоним, ср. Котьяк - тесть галиц- кого князя Мстислава < kutah - kutak - перс, “короткий, малорослый” [Баскаков, 1985, 88].

Kutan (Usp, 110) антропоним, ср.: Котан - печенежский Котян Сутоевич, котян - имена тюркских князей в древнерусских летописях котян “прямая кишка” [Баскаков, 1985, 57.86J, ср. также “гость” [ДТС, 324].

Kusala - антропоним < скр. kusal - “благо” [Zieme, 1985].

Laçin Inal - антропоним [Zieme, 1985, 218] < laçin - “сокол”+ inal - “титул”.

Lama: Орун Лама Бахши - антропоним, < lama < тиб. Bla-ma - “Учитель, гуру” [Zieme, 1985, 218].

Likan [Yamada, 1972] - антропоним, ср.: Likan кит. Люй Сян - китайский посол, прибывший на похороны Кюльтегина [КТ].

Liv Tajpu [Usp,61] - антропоним китайского происх.

Masi (Usp,4) - антропоним: 1. Masi Balta, Sasi?i Masi [Yamada, 1972], ср.скр. maharad. 1. Большеглазый - эпитет Шиви [СПС 999], или 2. Mahasiva - “великий Шива” [СПС 505], в антропониме Sasig9i Masi [Yamada, 1972], sasigsi - “гончар” [МК, ДТС, 490] - sasiq - Гончарные изделия”.

Mamat Mongul Çin (Usp, 55), антропоним, ср.: скр.имя собственное Mhamotgalcin < Mhamaudgal [Майтр. 430].

Markid [МюрДЗ], ср.: скр.: Mrkt < marakata - “драгоценный камень” [Майтр. 431].

Mekiling Qurça [Usp,31] - антропоним: < menglig - “счастливый” [Майтр. 430] + Qurç - “сильный, крепкий” [МК, 1, 343].

Meñçük (Usp,76), антропоним: 1. muñçuk - “жемчуг”, ср.Маначук - имя сына князя черных клобуков < Мончук “бусы, амулет,талисман”, или “драгоценный камень”[Баскаков 1985, 69] [Zieme 195, 69]. 2)mengi - “веселье, радость, счастье” + -cuk аффикс диминут < mengiçuk - “веселенький, счастливенький”.

Mengü Temur (Usp,14): 1. mengü - “вечный”, 2. mengi - “радость, веселье, счастье” [ДТС, 342] + Темур “железо”.

Mensin [Usp,74], ср.: кит. minsin - “название снадобья” [ДОС, 354].

Ming Qara [Usp, 21], Ming Temur [Usp,21]. Ср.: 1.минг “тысяча”, или 2.менг “родимое пятно, родинка”. Оба апеллятива обладают высокой степенью они-мизации

Mysyr. - антропокомпонент: Мысыр [Usp, 11,14,19],Мысыр Кара Куз , Mysyr Оага Çur (МБ), Мысыр Шила , Мысыр Улуг [Мюр]. На первый взгляд антропокомпонент явно восходит к топониму Мысыр "Египет", но вполне возможно сопоставить его с скр.именем собственным MHesvri < Mahesvara [Майтр. 427]

Mulda [usp 14], антропоним, может быть < скр. Munda "Аскет, с выбритым черепом" [CPC.516].

Mubarak Qoç [Уйг.57]- антропоним, вероятно единственный случай арабского заимствования антропонимов в уйгурских юридических документах: мубарак ар. "священный, благословенный".

Monğul Buqa [Usp 81, Arat 1964], антропоним < монгол - этноним + Бука "бык".

Munsuz [Usp 16] - антропоним < munsuz "беззаботный, не ведающий тягот, страданий" [ДТС, 3 51].

Mojuñçur//Мойунчур - уйгурский каган < mojun+ Çur, где mojun < bojun < скр. Punya "заслуга"+çur "титул"

Nirmala Şiri Bag, илиНима-шири Баг [Zieme 1987 19], антропоним.Ср.скр.: nira - слово, со значениями "не обладающий, не имеющий, без" [CPC, 334-335] + mala "грязь, нечистоты" [CPC,500] - nirmala "чистый, не грязный" + şiri < скр. Sri + Bag. 2. ср. скр.niramaya "благоденствующий, здоровый, идеальный"[CPC 334].

Nom Quli [МО 6, Usp, 1], букв, "раб учения" из скр. Nom "религиозное учение,сутра+тюркс. Qul "раб". А.Габен считает, что данная форма имени, позднее широко распространенная в именах мусульманского происхождения "раб такого-то", уже имела распространение в Кочо [Gabain 1973, 74].

Nomdaş [Usp 88] - антропоним < nom "учение" (религиозное)+ -daş - аффикс, образующий лица со значениями соучастия, сопричастия" - nomdaş "единоверец, единокнижник".

Oğul -"сын, ребенок,мальчик"- распространенный антропокомпонент древнетюркской антропонимии:Oğul Tarqan (КТ), Oğul Tegin,Oğul Tonga(Usp). Ср. Женские имена Oğul yitmiş " сыновей достаточно", Oğul Asunmis Tngrin [Zieme,

1987, 273].

Ordu Buqa Tarugaçi (Zieme, 1985, 221) - антропоним < ordu “дворец” + buqa - “бык” + tarugaçi < монг.. darugaci “управитель” [ДТС 159].

Otçi Bujruk Beg [Usp,97] - антропоним: < otçi др- уйг. “лекарь” [P, 1,1119]+ bujruq - “буйрук”, “приказный” [ДТС 121] + beg - “бек”.

Otuz [Usp, 73]- антропоним < otuz - “тридцать” (числительные сакральные “семь”, “девять”, “тридцать” - часто встречаются в составе личных имен); 2. ср. utuz- побудит. от глагола ut- “проигрывать” [ДТС 619] < utuz- “заставь проиграть”.

Ozmiş [Usp,30], ср.: Озмыш тегин - имя последнего кагана западных тюрков (742-755), Ozmiş Toğril [Usp, 107] < ozmis , прич. форма от глагола oz- “опасаться, освобождаться, избавляться”, 2. “опережать” < ozmis - “освобожденный”, “спасшийся” или “опередивший”.

Ödamiş [Zieme, 1985, 223], антропоним < ödae- 1. “исполнять, совершать” + - mis, афф.прич. - odamis - “исполнивший, совершивший [P. 1.1276], 2. oda- “платить” + - mis афф.прич., ср. Otamis (МК).

Odkak [Yamada, 1972] - антропоним < ot- “проходить- (сквозь, через)” + -kag- Yaq - афф., образующий имена существительные, на-зывающие процесс, орудие, результат действия [Кононов, 1980, 92] - “происходящий”.

Ödüş: Odüş İkiz [Usp,1 16], Одуш Инал [Тугушева, 1973]: ödüş “заем” [P,1,1283].

Ögaçük [Usp,59] - антропоним öga - “мудрый, мудрец”[ДТС,379]+ -çük аффикс диминутива. Ср. [Баскаков, 1985,36,38,62].

Ögrünç - антропокомпонент: Ögrünç Kara [Usp,30], Ögrünç Tegin, Ögrünç Ana Tengrim [Zieme, 1987] -ögrünç - “радость” [ДТС 380].

Ötükan Temur [Usp,73, Yamada, Zieme, 1987] - антропоним восходит к названию древней родины тюрков, священной горе Отукен.

Ögadaј хан [Usp,22] - антропоним, имя монгольского хана Угедея.

Ötünç Temür [Usp,81] - антропоним < ötünç “просьба, ссуда, заем” [ДТС,393; Р, 1,1266], ср.: Ötünç [См.ЭС ТЯ, 1,506].

Öz Beg [Zieme, 1987, 272] - антропоним < öz “свой” + beg - “бек”(ср.: Озбек - имя золотордынского хана, по которому получили свое название современные узбеки) [Баскаков 1985,127].

Qaban (МК, 7) - антропоним < qaban “кабан, свинья”, перен. “герой, витязь” [Р,11,439]. Распространен в тюркской антропонимии, ср.: QabangQaran [МК,1,415, Баскаков, 1985,85; Джанузаков, 1984 и др.].

Qaçaç [МК] - имя рабыни < qaçaç - название шелковой ткани Qaçaç Kuka [Usp, 53].

Qadyr Çigşi [Usp,92]: qadyr“твердый,т р у д н ы й” [М К , 1 , 3 6 4], “с у р о в ы й , жестокий” [ДТС 403] + кит.происхожд. название должности “чиновник”; ср.также: Qadyr хан [МК], Qadyr Bilga [Баскаков, 1985].

Qajimtu [Usp,19,37]: П.Цимме считает, что qajimtu < kajim + tu сокр.от тутук - “генерал” [Zieme,1987].

Kyjtsо Tutun [Usp, Yamada, Zieme] - оба компонента китайского происхождения [Gabain, 1988, 1988; Zieme, 1985,270].

Qajmys Sengun [Usp,86] - антропоним < qajmYs - “склонившийся, принявший (чью-либо сторону)” < кай- + аф.п- рич.-мыш + sengun кит. “генерал”.

Qajsadu [Usp,77] - антропоним ср.: Кайсиду, Кайсиду Тутунг [Usp, 113].

Qajsyn [Usp, 78, Arat 1964] < kajsyn - “пусть примкнет, пусть склонится”, ср.: Каймыш.

Qan, антропокомпонент: Qan Quli [Тугушева, 1973], Qan [Usp31], QanEⁱ, Qan OYul [Usp 18], ср.: [Баскаков, 1985]:

Qan, Qanmis, антропокомпонент qan/хан распространен как в древней, так и в современной тюркской антропонимии : qan “хан”, “верховный правитель”. По мнению Г.Рамстедта и ряда других ученых имеет китайское происхождение и является одним из древних китайских заимствований в тюрские языки [Ramstedt, 1955, Баскаков, 1985].

Qançuq [Usp 124] < qançuq - “сука” [ДТС, 418], как имя - оберег. Известно, что имя половецкого хана Кончака также связывается с данным апеллятивом [Баскаков, 1985, 149, со ссылкой на И.Н.Березина].

Qaqaç Inal [Zieme, 1987, 280], женское имя, ср: Qaçaç - имя рабыни [МК, 1,11,285] < Qaqaç - название китайской шелковой материи, или qaqaç - “грязь, грязный” [ДТС, 400], как имя -оберег.

Qanturmys Sali [Zieme 1987, 271], Кантурмиш Тог-рил / Qanturmys Togril [Usp 48] < qanturmys - “удовлетворивший, исполнивший, угодивший”.

Qaragan qağan < qaragan “хищный”, “завоеватель” [Кононов, 1980, Раджабов, 1970] - титул второго тюркского кагана Мочжо.

Qara - антропокомпонент в препозиции: Qara Baqsu [Usp 10, 28], QaraBuqa [Usp 16], Qara Sengun [Usp 26], Qara Temur [Usp 137] и др., кара, букв, “черный”, перен. “злосчастный, злополучный, плохой, скверный, [ДТС, 423], как титул династии караханидов - Кара хан - “великий хан”.

Qara в постпозиции также чрезвычайно распространен в антропонимии древних уйгуров Кочо, причем, в данном случае он чередуется с антропокомпонентом qaja: But Qara [Usp 70], Altmys Qaja [Arat 1964], Altun Qara [Usp 21], Inal Qara, Is Qara [Yamada 1972]. Bolak Qara, Ming Qara, Bujan Qara, Ogrun9 Qara, Tulak Qara [Qabain, 1973], Bujan Qaja, Sevinç Qaja, Bolat Qaja, Çinaç Qaja [Kara, 1976] и др. Компонент qara-qaja по свидетельству некоторых авторов был присущ именам бешбалыкских уйгуров [Тугушева 1973, 255]. Некоторые авторы склонны видеть в кара в постпозиции также “черный” или “злой”, “великий”. Известно, что данный компонент встречается и в современных именах калмыков, но его значение не выяснено: Санджи горя, Джорджи Горя, Бадма Горя и проч. [Сельвина 1984, 89]. Известно также, что кара (кушанских монет) в форме kala было высшим титулом в Крорайне - kala “принц” [Воробьева-Десятовская 1984, 79]. Эти обстоятельства дают основания сомневаться в возможности сопоставления qara//qaya - “черный”. Л.Кара видит в антропокомпоненте qaja - “Rachter”: Bujan Qaja “Rachter de le vertu”, Sevinç Qaja “L'amour” [Kara, 1976, 128], Масагиро Шогайто склонен отождествлять qara с qaja и возводить последнее к санскритскому. В санскрите qaja имеет значения “посвященный”, “тело, туловище” [СРС, 158], “основатель, создатель” [СРС, 158, 559]. Все эти значения обладают повышенной способностью к онимизации и вполне допустимо именно данные значения видеть в qara//qaja в постпозиции древнеуйгурских (а также современных калмыцких) антропонимов.

Qaramuq Inal [Тугушева, 1973] < qaramuq бот.вухоль [МК, 1,487] + инал “титул”.

Qariq [Usp 81]; ср. qaruy “старый”.

Qatuq [Usp 32] < qatuy - “твердый, прочный, жесткий” [ДТС,433].

Qatqaj [USP 51], антропоним < qat - “твердеть” + -qaj аффикс абс. будущего времени, иногда с мод.значениями возможнос-ти, долженствования” [ДТС,651] < qatqaj - “должен стать прочным”.

Qavsud [МЮр, 7], ср.: Qavsud - антропоним < qawşut “договор о примирении двух правителей” [МК, 1, 451].

Qjjimtu [Usp 11], ср.: Кайимту

Qina [Usp 87], антропоним, ср.: qina-“наказывать”, “качать”. qinajuçi- “тот, кто карает, наказывает” [ДТС, 444].

Qinisun, Qinsun [Usp 87, 113], антропоним < qina-sun - “пусть накажет, пусть покажет”.

Qinrul [Usp 26], антропоним, ср.: qin - “враждебный, злобный”, Qinru - “косо, зло” [ДТС, 445].

Qipçaq [Usp 57, Yamada 1972], Qipçaq Suin Si [Zieme 1987]антропоним < qipçaq - “этноним” qurçaq + Suin shi кит. xuan shi “посол” [Ziemme 1985 230].

Qiz - антропокомпонент: Qiz Turmis Tengrim [Тугушева, 1973], Qiz Turmis [Yamada 1972, Usp 61], Qiz Çeçak [usp 54/. В основе антропокомпонента лежат два омонимичных апеллятива: 1. “дорогой, драгоценный”, 2. “девочка, дочь, девушка” [ДТС, 449].

Qizikus [Usp 29], антропоним, ср.: qizkus “ название птицы (голубой зимородок) [ДТС 450].

Qytaj - антропокомпонент: QYtaj Qara [Usp 116], QYtaj Bort (Usp 30), Qytaj Buga (Usp 32) < qytaj < этноним “кыдане”

Qoludi Bintun [Юр., ФТ] - имя юноши, проданного в рабство, имя китайского происхождения.

Qorla [Usp 53], антропоним, ср.: qor “вред,убыток” [ДТС 457] +-la - навреди, нанеси вред - имя -оберег (?)

Qorumçi Oğul [Usp 53], антропоним, см.: gorum “каменные россыпи, обломки скал” [ДТС, 460] < gorumçi “каменотес” (?); 2.ср.уйг. корумак “защищать, охранять” < корумчи “защитник”(?), ср.: goryçi “сторож” [МК, 111, 242]

Qutadmiş - антропокомпонент: Qutadmis Bars, Qutadmis Bort [Usp 88], Qutadmis togril [Zieme 1987], Qutadmis Bars [Rohmborn] в основе лежит аппелятив qutadmis “сделавший фчастливым”, обладающий высокой степенью онимизации.

Qutan, Кутан Тогрил /Qutan Togril [Usp 61], ср.:МК: Qutan - антропонимы < qutan- “будь счастливым” [МК, 111,154]

Quba Cagırça [Usp 22],антропоним: quba “цвет между красным и желтым” + çağırça “пепельно-серый” [МК,111,217]

Qul - антропокомпонент; встречается как в препозиции: Qul Qara, Qul Qara Qobuzak и в постпозиции: Bujan Quli, Tengri Quli < qul “раб”.

Qulan [Usp 77] - антропоним < qulan назв. животного “кулан” [ДТС 465].

Qulun Qara [Usp 22], антропоним: < qulun “жеребенок” + qara **gCM.Bbinieg**, или 2. qulun “название цветка”

Qumar - антропокомпонент: Qumar Arslan (Usp 92), Qumar Çor . ср.скр. Qumaru “завещание”, “завет”, “наставление” [ДТС, 465] 9 Kumari - имя собств.[ДТС 232, КБ].

Qumaş Baj [МЮр, 27], антропоним , вероятно диминутивное об-разование при помощи аффикса - аш, ср.: современные антропонимы: Балташ, Кумаш, Бабаш и проч.[Джанузаков, 1981]

Qunçuy - кит.происхождения, титул “принцесса”, часто встречается в составе антропонимов в качестве детерминатива: Qunçuy Tengri [Usp 26], Qunçuy Adaj [Zieme 1985, 227, 227] и др.

Qutluq, антропоним и антропокомпонент < qutluq 1. “благословенный, святой, благородный”[ДТС 473]. Все значения апеллятива обладают повышенной способностью онимизации, в силу чего антропонимов с данным компонентом очень много: Qutlug, Qutlug BaBa Targan (E, 47), Qutlug Bajutmis [Usp 26], Qutlug Beg [Usp 55], Qutluq Bort [Usp 117],Qutluq Cigsi [E,19], Qutluq Ödül [ТТ], Qutluq Qaja, Qutluq Temur и др. ср.:[Баскаков 1985,129], антропоним распространен и в современной тюркской антропонимике.

Qutrulmiş [MO], антропоним [MO, Yamada 1972] < gutrul- “спасаться, избавляться, быть спасенным” + - miş аффикс прич.< gutrulmiş “спасенный, спавшийся”

Qutqan [Usp 30], антропоним < qut + qan “благословенный хан”.

Qutuz Uringu [Ths 1a], антропоним, ср.: Qutuz 1. “бла- го-родный олень”, 2, “бешеный” [ДТС, 475] + Uringu “знамя” [ДТС, 615].

Quduqçui Esan [ФТ,2] < quduqçi “колодезник”.

Sabi Buda [Usp 56], антропоним, ср.: sabi < кит.шамы// шамбы < сКр.sramanera “Novize” [Zine 1985] + buga “бык” Sabin Sati [Usp]

Sabit (МК), м.и. Sabit “крепкий, прочный” (МК).

Sada [Usp 13, МЮр] < скр. sadhu “верный, правдивый” [СРС, 72.]

Saj Buda [Usp 2], ср.: saj - “почитать, уважать” [Баскаков, 1985. |ДТС, 48 /+ buga “бык”.

Sajig (Usp 122), антропоним saj - “почитать, уважать” + аффикс -ig - Sajig “почитаемый, уважаемый”.

Sali, антропокомпонент: Sali, Sali Qutlug Qaja gUsp 291 g.

Seli (Usp 61), Singgu Seli Tutung - переводчик “Биографии Сюаньцзана” на древнеуйгурский. Слово встречается и в форме Sali: Un Tapmis Sali, Qanturmis Sali. В основе антропокомпонента лежит salı “монашеский титул”! Zieme, 1987, 274/.

S a m u n s i (Usp 74), ср.скр. samanjas 1) “верный, правильный”. 2) “прекрасный” (СРС, 692)-апеллятив, обладающий повышенной способностью к онимизации.

Sambudu [Usp 13, Yamada 1972], антропоним, ср.скр. sambudhi “совершенное знание”, или сКр.sambod - han “пробуждающий” [СРС, 707].

Samsiba [Jamada 1973, Usp 61], антропоним, вероятно санскритского происхождения.

Sansiz Inal [Тугушева, 1973] , ср.: san - “достоинство, честь” + -siz - “частица отсутствия” 9 sansiz - “недостойный, бесчестный” + inal - титул (имя - оберег, или прозвище), ср.: [Баскаков, 1985, 88] : Сантуз < сан+туз.

Saniiac [Usp 40] , антропоним, ср.скр. samjanc - “правдивый, верный” [СРС, 710].

Sarangu? [Usp 32], антропоним < saran - “скупой, скряга” [ДТС, 488g + -и? уменьшит.аффикс.

Saryg - распространенный антропокомпонент: Saryg (Arat), Saryg ^ur(Ths), Saryg Saman [Usp 119] Jawlaq sarig (МК), Saryg Tojin < saryg - “желтый”. Аппеллятив, наряду с кара часто встречается в тюркской антропонимии, причем кара - “черный” употребляется по отношению к подчиненным подразделениям родов, а сарыг “желтый” - цвет аристократический [Аристов, 1986, 302].

Sengaktaz [Usp 57], ср.: Sangatazi - имя монаха < sangga < тиб. senge - “лев” < скр. simbha [Zieme 1987], “лев, повелитель”[СРС, 729]. Ср.также антропонимы Sengka, Senga [USP]

Savik Tengrim [Тугушева 1973], антропоним < savik ⁷ savuk - “любимый, милый” [Ман.Хуаст.].

Selim [МК] < ср.: “здоровый, невредимый” [МК, 1, 59].

Sel\$uk [МК]- имя предводителя огузов < Sel^uk - “лодочка”, [Сенковский 1859].

Sevin 9 антропокомпонент < sevin 9 - “радость, веселье” [ДТС, 497]: Sevin9 Tengrim [Тугушева, 1973], Sevinf Qara [Usp 6], Sevin9 Vusin, < vusin кит. “титул знатных дам”. Sevin9 Qutluq Taruga9i < taruga9i монг. “губернер” [Zieme 1985].

Sungun - титул < кит. xiang gong - “принц” [Zieme 1985, 228, P, IV, 44], часто встречается в составе антропонимов:

Sengun [Usp 26], Artadaz Kirasiz Taruga9i Sengun [Zieme 1985] Tegin Buqa Sengun, Baraq Buqa Sengun[Sengu] [Usp 74], Sengu Ara, Sengu Tuduncp.: Sengun Silig Tegin [Zieme 1985, 229] < silik - “чистый, благородный, изящный” [ДТС, 500, P, IV, 712].

Singur Tutuq Beg [Тугушева] <sing “внедряться, усваиваться” + -gur аффикс с побудит, знач. < singur - “заставь внедриться, заставь усвоиться”.

Sisi - титул кит. происхождения [Zieme 1985, 229], входит в состав многих антропонимов: Sisi Oq [Usp 13], Sisi tu [Usp 87], Kiki Sisi [Zieme 1985].

Siris Bajn [Usp 123] < syrys - “прилежный” [P.IV, 642] + bajn < bajan - “богатый”, или bajn < bajan скр. “заслуга”.

Sivsaj Tajsi [Yamada 1972, ФТ, 2] < sivsaj кит. “человек, имеющий первую ученую степень” [ФТ] + tajsi - кит.- титул.

Soma [Usp 57, 62, Yamada1972], антопоним < скр. soma - “бог луны, Луна”, “Сома - напиток богов” [CPC, 748].

Somaçi [Usp 62], антропоним, ср. Сома - “напиток богов” + -чи аффикс, 2. скр. soma-çita - “возбужденный Сомой” [CPC, 748].

Soqta [Usp 45], антропоним, ср. монг.-бурятск. антропоним Сокто [Справочник личных имен народов РСФСР, 1979, 245].

Solda - антропоним: Солда бай, Солда ака [Usp 13, МЮр, 13], ср. монг. имена Солдоо, Солдой [Спр.личн. имен, 245].

Sokmen - прозвище богатырей (МК, РТ) “герой” [P.IV, 96]. **Süli** - [МК] < по указанию Махмуда Кашгари, имя есть сокр., ласкательное от Sulejman [МК, 3, 233], что встречается часто в современных тюркских именниках.

Sungus - м.и < singus - “сражение, драка на копьях” [МК, 3, 365].

Surja - антропоним и антропокомпонент < surja - “солнце”, скр. [CPC, 745]: Suriј A9ari [Usp 20] - Ачари скр. “Учитель”, Sujaqliq Surja [Usp 13] - “Сурья из Суяклик”.

Suin Si - кит. титул “посол”: Qipgaq Suin Si [Zieme, 1985, 230].

Sutza [Usp 17, Arat 1964], антропоним < кит. титул [Zieme 1985, 230], ср.: антропоним Sutza Adgu Tutung.

Sasi [Usp 102], антропоним, ср. < скр. < sasi - “благосклонность, доброта, помощь” [CPC, 633], или Шаши- выходец из Шаша (Ср. Кашгари, Баласагуни, Югнеки и проч.)

Şila, антропокомпонент < скр. Şila - “характер, нрав, добродетель” [CPC, 648]: Baj Jaka Şila [Yamada, 1972], Misir Şila, Titsu Şila, Tojin Quli Şila, ср.: Şilavanti [Usp 88], скр. Çilavant - “благонравный, честный, почтенный” [CPC, 648] - духовное лицо религиозной общины [ДТСб 523]: Bogi Silavanti Tengrim [Тугушева 1973].

Qoçoluq Sulajdu [Zieme 1985, 231] - Шулайду из Кочо.

Tadarçin Tengrim [Тугушева, 1973], антропоним. П.Цимме предлагает чтение Tatarçin Tengrim и возводит антропоним к названию этнонима татар. [Zieme 1987,280].

Tagaj Inal [Тугушева, 1978], антропоним < tagaj - “дядя” + inal - “титул”.

Taj антропокомпонент taj - “жеребенок” [ДТС, 527]: Taj Beg [Usp, 67], Taj Bilga Tutuq [МК], Taj xan [Uig 11].

Taimdu Sila [Yamada 1972]-антропоним кит. происхождения

Tajnaq, антропокомпонент:Тайнак inal, Tajnaq Sila, Tajnaq Silavanti [Yamada 1972, Usp 4], ср.: tajan- 1. “опираться, прислоняться”, 2. “полагаться, доверяться” + -aq аф-фикс.

Tajsi [Usp 29], Cangir Tajsi [Zieme 1987]< tajsi кит.дао- ши 1. “старший наставник” 2. знаменитый, именитый” [ДТС 528 [.

Tamgaçi Tarig [Usp 64] < tamgaçi “хранитель печати + tarig”земледелие, землелашество” [ДТС 536].

Tangusug Wusin < tangi - sug “чудесный” + wushin“кит - титул” [Zieme 1987, 232].

Tangut [Usp 108] антропоним < tangut этноним “тангу-ты”.

Tarпыз [Usp 29], антропоним < tap - “находить”, “получать, приобретать” + -mys аффикс прич,- tapmis “нашедший”, ср. Tahi?ug [Usp 114, Yamada 1972], антропоним < Tag + - fug “аффикс диминутива”.

Tajinçaq [Usp 69] - антропоним < tajanç “опора” + (c)ag аффикс диминутива.

Tarxan [МК], м.п. < тюркский - титул “сборщик дани”.

Tarim - антропоним [Usp 114] < tarim - “титул знатных женщин”[МК,1,396[, ср.: Tarim [Yamada], TarimQun5uj [Тугушева, 1973].

Tarigçi [Usp 22], антропоним < tariqçi . tarigçi - “хлебопашец, земледелец” [ДТС, 537].

Tartis [Usp 12], антропоним < tartis -”дар, подарок, посвящение” [Caferoglu 1968,227].

Taş Qan [Usp 18] антропоним < taş - “камень” + qan - “хан”.

Tawgaç Jeka [Arat 1964], антропоним < Tavgaç - “Китай” + Jeka, ср. : Jeka Bas, Jeka Buqa[Usp]

Tegmilik [Usp 16], антропоним < tegmilik < tegimlik - “достойный”, ср.: ajaqqa tegimlik - “достойный почтения, поклонения” [ДТС,26].

Tadmilik//Tatmilik (Yamada), Tatmilik Qara Buqa [МЮрДб, Yamada 1972], антропоним < tatmilik < tatimlik - “упрямый, упорный, стойкий” [ДТС, 556].

Tengrim Quti Savınç [Yamada 1972] антропоним. Tengrim Quti “божья (небесная) благодать”, Sevinç - “радость”.

Teriş [Usp 55] антропоним: < ter- “пинать, драться” + -is аффикс, обр.сущ. teris - “пинок, драка” ? антропоним

Teka Baqsi [Usp 28], антропоним < teka - “козел” + baqsi < кит. баоши “учитель, наставник”, ср.: Bujan Teka.

Tekali [Usp 73], антропоним < tekali - “обладающий козлами”.

Tekas Qul [Usp 34], антропоним < teka *”козел” + -s аффикс диминутива.

Temîçi[Usp 2], антропоним < temîçi < temirçi- “кузнец”.

Temir//Temur - распространенный антропокомпонент, встречается как в препозиции, так и в постпозиции: temir - “железо”. Temir [Arat 1964], Temir Qaja [Usp 3], Temir El’i [Usp 91], Temir Asaq Ming Temir]], Baj Temir, El Temir., Mangu Temir, Turmis Temir, Tulak Temir. Bujan Temir.

Telik | Tilik [Usp 72], ср. Tilik Tegin [Zieme 1987, 235] < тилик[тилак tiluk[tilak - “желанье” [ДТС 560].

Tegin | tigin - часто встречающийся антропокомпонент: tegin - “принц”, титул, присоединяемый к именам младших членов ханской семьи, по МК: первоначально - “раб” [МК, 1,434]: Tilik T. Tigin Buqa., Alp Tegin, Kumus Tegin, Kul Tegin, Ogul Tegin.

Tengri Quli, Тенгри Кули Ким D3aT[Tengri Quli Kim Sat [Zieme 1987] антропонимы < tengri quli - “раб бога”.

Titakçi Qarimis [Usp 26], антропоним < titigçi “архитектор глиняных и кирпичных сооружений” [Gabain, 1973, 72].

Tinmiş, антропоним < tinmiş “успокоившийся”.

Tiniz [Usp, 74], антропоним < tiniz “море” (ср.Денизих - имя младшего сына князя [Баскаков 1989])

Titso [Usp 83, MOP] антропоним кит. происхождения.

Togan [МК, Manada, 1972], антропоним < toğan “сокол” **Togma** [Usp, 12] Qara Togma, Bela Togma < togma не рожай”

Toğmıŝ - антропокомпонент: Barça Togmıŝ Er Togmıŝ, Kin Togmıŝ < togmıŝ “родственник” [ДТС, 571].

Toğril, антропокомпонент: Ozmis Togril, Basa Togril, Asan Togril < togril “название хищной птицы, употребляется как мужское имя” [МК, 1, 482].

Tojin - компонент личного имени: Tojin Quli Tutung [Yamada, 1972], Tojin Çor [Usp 73], Tojin Quli Sila [Usp 84] < tojin “монах” (кит.).

Tolmis Ajaq - антропоним буквально “наполненная посуда”?

Tolu, Толу Кара [Tolu Qara] < tolu “полный, наполненный” (в прям, и переноси.знач.) [ДТС6 573], ср.Тольбек [Баскаков, 1985, 90].

Tonga - распространенный антропокомпонент: tonga “леопард”, “герой” [ДТС, 575]: Tonga Alp Er [МК.КВ], Tonga Tegin [МК], Tonga Tegin,

Tonma Baqsi [Usp 16], антропоним < tonma “мл.сестра, мл.брат” [Р.Ш, 1435]

Toq Bogut [Usp 9], антропоним: < toq “сытый” [ДТС, 576], или toq кит. “лысый, безрогий” [МК, 1, 332], bogut, ср.: Боут - одно из названий племен узов < “сильный, могучий, богатырь” + -t - аффикс множ. числа - bogut “племя сильных, могучих” [Баскаков, 1985, 64]. Ср.: Toq Temur, Токлук темур, Toqluq [Usp 22]-toqluq “сытость, достаток” [ДТС, 575], или toquliq “благонравный, благовоспитанный” [ДТС, 577, Usp 43].

Toqsus [Usp 74] антропоним, ср. toqlig “правый, благовоспитанный”, отсюда токсуз “невоспитанный”

Torçi - антропоним [Usp 98, Yamada 1972, Aratat1964], Torçi Tarugaçi [Zieme 1987, 283] < rdoŋje тиб. < санскр. “алмаз”, религ. “жезл, скипетр” [ДТС, 631].

Tolak, Tolak Temur [Arat 1964, Usp 18] ср.: tolak “без деятельный, спокойный” [МК, тулак “скромный” [Р. 111, 1568], ср. Tolak Qiz Tengrim [Zieme. 1985, 236]

Töratü [Usp 16], антропоним, < tōrat - “создавать, творить” [ДТС, КБ, 580]

Tuda Aşari [Тугушева, 1973], антропоним, ср. < скр. Tud- “бить ударять”, tuda “Бьющий, ударяющий” + *aşari* скр. “учитель, наставник” [СРС, 244]

Tujnaq Silavanti [МО, 111], антропоним, ср.: Tujnad < туйнак = туйгак “копыто” [Р. 111, 1425], ср. Наделяев В. [1973]

Tulat [Usp 56 Yamada 1972], антропоним < тула - “бить ударять” [Р. 111, 1467] + -т аффикс - tulat “заставь бить, ударять”

Tuman Ingul [Usp 77], антропоним < tuman < “туман = туман “десять тысяч” [Р. 111, 1518]

Turbaj [Usp 10], антропоним, ср. Баскаков [1985, 90] Турбей, антропоним в древнерусских летописях; а также название огузского племени [Баскаков, 1985, 66] < turbej < turpj < turbj “последователь”

Тура Тутук \ **tura tutuq** [Usp 26], антропоним тура “прямой” справедливый” [Р. 111, 1448] + тутук “кит. назв. должности”

Тури, Тури Бакши [Usp 17.1] turi “неприятный, негативный, враждебный” [МК, КБ] - имя-оберег

Тоньюкук // **Tonjuquq** (он же Ашидэ Юаньчжань) кит. < ton “первый” + juquq “драгоценный” - tonjuquq “первая драгоценность” [Кляшторный, 1966]

Tugluq - антропокомпонент < tugluq “имеющий бунчук, знамя” [ДТС, 584], т.е. предводитель отряда, вождь племени, ср.: Tugluq Qutluq aja, Tugluq Temur [Zieme, 1985, 237]

Turmis, антропокомпонент < tur - “стой” + -mis аффикс прич. turmis “стоящий”: Tumis Temur [Usp 21], Turmis Tutun [Usp 55], Bar?a Turmis, Beg Turmis, Qiz Turmis, Tasak Turmis [Usp], Turuq Ebgu Togril [Usp 122], антропоним < turuq “чистый” [ДТС 589], edgu “хороший, добрый” [ДТС, 163], togril “название хищной птицы, употребляющейся как мужское имя [МК, 1, 482]; ср.: Турук Огячук [Turug Qga?uk [Usp 55]

Turur Munsuz [Usp 25], антропоним, букв “будет (стоять) без грусти”

Turus Qatun [Usp 26], антропоним ж., ср. < турус из перс, “верный, истинный”, или турус “помощь” [Р. 111, 1454]

Turumtaj [МК] мн. < turumtaj (перепелятник, копчик [Р. 111, 67])

Tutun, титул, часто встречается в китайских именах : to-thon “НаЗВ.должности правителя области и титул:” [ДТС 593]: Abaj Tutun., Asan Tutun, Elgu Tutun, Qajsidu Tutun, Qajtsu Tutun

Tutuq кит. название должности “военный правитель области” и титул - компонент л.и.[ДТС 593]: Abaq Tutuq, Alp Tutuq, Begu Tutuq., Tutug Beg (МК) и др.

Tukal [Usp 108], Тукал Кара [Usp 21] антропони́мы < tukal “полный, совершенный” [ДТС, 595]

Tülük [FT], Tuluk Qara [Usp 12], Тюляк Темур \ Tulak Temur [Usp 15], антропони́мы, ср. Толяк

Tunsak [Usp 74], антропоним, может быть: < tun “ночь” + sak аффикс, обр.прил.: tavarsaq “любитель приобретать имущество” Bagursaq “сострадательный” [ДТС 662], tunsak “любитель ночи”

Tengrim < tengri 1. небо, 2. “бог, божество”, 3. “божественный” + -(i)m~ аффикс диминутива, образующий названия особей женского пола [Кононов, 1980, 96]- tengrim “императрица” [Кононов 1980, 97]: Abaj qunçuǵ tengrim, Bas ana Tengrim, Butur Tengrim, [Zieme, 1985, 235] и др.

Toz Temur [Zieme 1985, 237], антропоним: <toz “существо, корень, элемент” [ДТС, 582], или tuz “верный, истинный” [ДТС, 602], ср.: Tuz Baj [Е, 17], Белдюз, антропоним <бели-дюз “стан (его) прямой, стройный” [Баскаков, 1985, 82]

Tirak [Zieme 1987, 268], антропоним < tirak “опора, подпорка”

Udaj EI91 [МЮр, 2], антропоним, ср. Udaj San< кит. Wu Tai S?hi [Zieme 1985, 239] + el\$и “посол”

Udmyş [Uzr 14], антропоним <udmys “последовавший” или utmis “выигравший”

Umaj [Usp 5], антропоним < Umaj “имя Богини Умай”

Umiçi [Usp 77], антропоним < 1. umdiçi “жадный”, алчный”, 2.umduçu “нищий”, 3. emgi “лекарь” [ДТС, 172]

Urmiş Inal, антропоним [Тугушева, 1973] < urmiş “бывший” + inal “титул”

Ürüng Lama Barxan, Ürüng Tigin [Zieme 1985] < urungu “знамя” -
распространенный антропокомпонент, или ürüng “белый

Uravasi [Usp 102], антропоним < скр. urvasi **Utuz** [Yamada, 1972], антропоним
< utuz тридцать **Ulagur El?i** [MO, IY], антропоним ula- “делить, распределять” + -
gur аффикс - ulagur “раздели, распредели”

Ulam [Usp 35], антропоним < ula- “делить, распределять

Uklit Tengrim [Rohrborn] - антропоним < ик1ц “приумножь”

Visvabu [Usp 128], антропоним < скр. vasvabhu [ДТС]

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ТОПОНИМИЯ

Географические представления древних тюрков

Географические представления и познания древних тюрков, зафиксированные в памятниках, весьма обширны и выходят далеко за пределы их военных походов, хотя в основном те или иные географические объекты упоминаются в связи с военными действиями и учреждением ставок на завоеванных землях.

Так, часто упоминаемые в надписях Железные ворота - Тегшг 0_ap1Я - трактуются как западная граница дальних походов тюркского Бильге Кагана и Кюль Тегина. По локализации современных ученых - это Дербент.

На востоке (впереди - по древнетюркской географической традиции) тюрки знали киданей, татабов, воевали с татарами, и даже имели представление о приамурском народе мукри [по Л. Гумилеву 1967].

На юге тюрки были знакомы с двумя крупными государствами - Табгач и Тибет, вступали во всевозможные взаимоотношения с пограничными народами байирку, курыканами - на Байкале, кыргызами - на Енисее, карлуками - в верховьях Иртыша.

Центром тюркской державы был Отюкен - центральная ставка кагана древнетюркского государства, которую в качестве главной резиденции переняли впоследствии и уйгуры.

Центром Западнотюркского каганата стали земли Средней Азии и Казахстана.

Средневековое Караханидское государство значительно расширило территории тюркского мира от Балхаша на северо-востоке и Черчена на юго-востоке и включая территорию всей Средней Азии и значительные земли Восточного Туркестана.

Известны две столицы восточных караханидов - Баласагун и Кашгар, и столицы западных караханидов - Узгенд и позже Самарканд. В эпоху караханидов Отюкен был просто местом в татарских степях [МК], зато центром своей карты, приложенной к "Дивану" Махмуд Кашгари делает Баласагун, одну из сто-

лиц караханидов. В Семиречье караханиды воевали с басмылами, ябаку и чумулами, на севере - вели безуспешные войны с йемеками, на востоке - с уйгурами Турфана.

Уйгурское Турфанское княжество, существовавшее на карте истории более 400 лет, занимало огромные территории, и власть уйгурского идикута простиралась по сведениям китайских источников от Дунхуана до Семиречья. Турфанское княжество успешно противостояло караханидам и их стремлению распространить ислам на территории Восточного Туркестана и далее. Турфанские уйгуры, в свою очередь, вступали в тесные и долговременные взаимосвязи с Китаем, Тибетом, Индией.

Еще одна крупная тюркская общность в лице кимаков-кыпчаков распространила свое влияние далеко на запад и уже в середине XI в. Кыпчаки переходят Волгу, а в 1054 году под именем половцев появляются в русских летописях. Не случайно Махмуд Кашгари писал, что у границ Рума (Византии) живут печенеги, а рядом с ними - кыпчаки [МК 1. 64].

И вновь исключительный по значимости и наиболее полный фактический материал в отношении географической картины тюркского мира и его сопредельных стран представлен в "Диване" Махмуда Кашгари.

И это не случайно, ибо почти всегда, упоминая какое-либо имя, автор Дивана упоминает город или селение, в котором он живет, или выходцем из которого является, повествуя о каком-либо племени, он непременно перечисляет города, принадлежащие этому племени, реки, текущие на его землях, горы и перевалы, на которых пасутся стада племени и т.д.

Данные Махмуда Кашгари о местонахождении того или иного географического объекта в большинстве случаев оказываются заслуживающими доверия и очень часто подтверждаются новыми археологическими открытиями [Крачковский 1957, 268], а многие из топонимов, упоминаемых Махмудом Кашгари существуют и поныне: Фергана, Ташкент, Или, Яркенд, Кашгар, Исык-коль, Тарим и мн. др.

Приведенные в "Диване" сведения о географии огромного региона основаны на двух источниках. Во-первых, это классическая географическая литература. Автор "Дивана" был образованнейшим человеком своего времени и использовал в своем труде богатейший классический географический материал.

Так, сведения об странах Сарагга [МК 1, 29], Yemen [МК 1, 355], Rum, Rus и др. заимствованы им, по всей вероятности из арабской географической литературы. К числу бесспорных свидетельств использования им арабских историко-географических источников можно отнести упоминание автором "Дивана" народов и стран Yesüs ve Mesüs [МК 1, 29], находящихся по библейской, христианской и мусульманской эсхатологии у крайнего предела мира и отделенных от цивилизованных стран громадной стеной, якобы сооруженной Александром Македонским (Искандером Зулкарнаином арабских источников).

На основании данных географических источников Махмуд Кашгари уточняет некоторые свидетельства своих современников. Так, например, приведя название местности у Рума - Üreng, автор "Дивана", в то же время указывает, что правильное это название звучит Vereng [МК 1, 135]. Этот топоним по мнению И. Умнякова следует отождествить с Киевским княжеством [1940, 123], а по мнению С. Волина [1968, 116-117] это скорее варяги, по Бируни жившие на Балтике.

Но наибольшую ценность представляют, конечно, те историко-географические данные "Дивана", которые основаны на собственных наблюдениях автора во время его многолетнего путешествия. Махмуд Кашгари обошел тюркскую землю с востока на запад и с юга на север. Им приводятся и названия крупных городов тюрков, и больших и малых рек и озер, он не оставляет без внимания и малые географические объекты: кишлаки, селения, пастбища, горные перевалы, пастбища, и даже мосты и родники, причем, средневековый автор в своем труде дает и первые письменно зафиксированные этимологии топонимов.

Так, слово aḡḡи означает "межгорье", отсюда и происхождение названия области между городами Талас и Баласагун, поскольку данная область расположена меж горами [МК, 1-127], мелкий лечебный песок назывался Ваḡрам qum, и поэтому песчаный массив между городами Кашгар и Яркенд получил свое название - Ваḡрам qum [МК 1-484] и проч.

Махмудом Кашгари приведена типично народная этимология гидронима Ertiṣ от глагола ertiṣmaq "спорить, соревноваться" - кто быстрее переплывет через реку [МК 1-97].

Приведены автором "Дивана" также и данные о том, кто основал тот, или иной город. Так, Кашмир был основан пророком

Сулейманом, большое количество городов было заложено легендарным Афрасиабом и его детьми. Причем, многие города обязаны свои названием основателю города. Так, город Barsgan назван в честь основателя, сына Афрасиаба - Барсгана [МК 3-417], по другой версии, приведенной МК этот город назван в честь погонщика коней уйгурского бека, который пас здесь коней [там же], в честь другого сына Афрасиаба - Бармана назван также город [МК 3-364]. Дочь Афрасиаба Каз также основала город, названный Kazvin. В основе названия по мнению МК словосочетание qaz оупі ' место, где играла Каз" [МК 3-149]. Река, на которой она любила охотиться называется Qaz suwī "вода (река) Каз [МК 3-413].

Самое серьезное внимание уделил автор " Дивана" вопросам местонахождения городов, рек, гор, озер и проч. Почти каждое географическое название, упоминаемое им, сопровождается конкретными указаниями на месторасположение объекта.

Махмуд Кашгари четко очерчивает границы земли тюркской. По его данным территория современных ему тюрков включала в себя земли от моря Хазар от Рума до Чина и занимала территорию длиною в 5 тысяч фарсахов, шириной 3 тысячи фарсахов [МК 3-150].

Все свои наблюдения и данные о месторасположении географических объектов Махмуд Кашгари показал на карте, приложенной к " Дивану". Карта эта круглая, цветная, жирными красными линиями обозначены горы, тонкими - разграничения отдельных стран, моря обозначены черно-зеленым, реки - синим цветом. Ориентировка карты : восток -верх, запад - низ, боковые стороны - север и юг.

Карта мира, представленная в "Диване" , была уже сама по себе явлением исключительным и привлекла самое пристальное внимание ученых, первоначально, даже большее, чем сам текст Словаря. Первые попытки расшифровки карты сделаны К. Миллером, затем А. Германом [Müller 1931, Hermann 1935]. Однако эти ученые при расшифровке карты почти не привлекали текст Словаря и потому ими был допущен целый ряд неточностей [Крачковский 1957, 268].

Позднейшие попытки изучения карты мира Махмуда Кашгари поразному объясняли суть карты. Так, Ю. Крачковский [1957] сомневался в оригинальности карты, приложенной к " Дивану". И. Умняков [1940] считал, что карта МК " не есть первоначальная , составленная автором

текста, и что за существующей картой должна скрываться старая карта, которая, возможно, соответствовала первоначальной редакции словаря Махмуда Кашгари, во всяком случае на ней были размещены все тюркские народы, о которых говорится в тексте. И. Умняков и позднее С. Умурзаков [1959] находили в карте воздействие арабской картографической традиции и указывали на ее схематизм и геометризм.

Другая группа исследователей (С. Волин, Х. Хасанов и др.) отмечает, что Карта мира МК абсолютно чужда как арабской, так и всякой другой картографической традиции. В отличие от арабских круглых карт, например, Махмуд Кашгари, в центре своей карты обозначил Баласагун и Исык-куль, а не Мекку и Медину. Известный исследователь топонимии "Дивана" Х. Хасанов считает излишними споры об оригинальности карты МК, поскольку вопрос об авторстве карты поясняет сам текст, в котором упоминается о существовании данной карты [Хасанов 1960, 98].

Узбекским ученым проведено детальное исследование географических данных "Дивана". На основе сопоставления текста Словаря и карты Х. Хасанов приходит к интересным выводам. Так, он подтверждает мнение А. Германна о тождестве названия Сарагга с Японией и считает, что первое упоминание Японии было не в XII в. у Марко Поло, в XI в. у МК. Им расшифрована надпись, которая обозначала территорию венгров (алмаджар), что также относится к первому упоминанию этого названия. На основе сопоставления карты МК и современных карт мира Х. Хасанов пришел к выводу о большой точности карты "Дивана". Ценным вкладом ученого явилась реконструкция круглой карты "Дивана" на современную карту [Хасанов 1960, 1963].

Таким образом, карта, приложенная к "Дивану" является ценным картографическим трудом и представляет большой интерес уже сама по себе. При создании данной карты МК если и использовал опыт арабской картографии, но отразил в ней также и свой творческий подход к проблеме, поместив в центре карты тюркские политические центры.

Основные пласты древнетюркской топонимии

Древнетюркская топонимическая система представляет собой весьма сложное структурно- типологическое образование, в основе которого можно выделить несколько основных пластов.

Естественно, что новые территории, занятые тюркскими племенами были обозначены географическими названиями на языке автохтонного населения. Тюрки усваивали эти названия напрямую, на языке источнике, или же калькировали значительную часть из них. Наряду с этим в этом обширном регионе создавалась и своя тюркская топонимическая структура .

Таким образом, формирование топонимии обширного региона распространения тюркского влияния и расселения тюркских племен в древности и средневековье проходило посредством заимствования и освоения субстратной топонимической номенклатуры, относящейся к местным дотюркским, главным образом ираноязычным в Восточном Туркестане и Средней Азии, топонимическим образованиям, а также в результате сложения собственной системы географических названий , и , наконец, освоения новой волны иранских(персидских) и арабских топонимов в средневековый период.

В ранние эпохи на территории Восточного Туркестана и, видимо, соответственно на территории Средней Азии прослеживается индоевропейский пласт, основными носителями которого были тохарцы - древнейший этнический пласт восточнотур-кестанского населения, смешавшийся с еще более древним местным, субстратным [Литвинский 1984, 11] . И лишь в дальнейшем, в период позднего средневековья происходит сплошная тюркизация населения Восточного Туркестана, что в значительной мере наблюдается в Средней Азии.

" С древнейших времен на территории Восточного Туркестана проживало индоевропейское население, и оно составляло в древности основной пласт в оазисах Восточного Туркестана -тохары, хотаносаки, согдийцы, а также индийцы. В средние века на территории Восточного Туркестана последовательно оседают несколько тюркоязычных и монголоязычных волн: уйгуры, карлуки, монголы и др.

Все названные выше местные народы развивали свою государственность и культуру в обстановке теснейших связей с племенами и народами Средней Азии, а также Индии, народами Южной Сибири и Монголии, в определенной степени - Тибета" [Литвинский 1984, 32].

Известный исследователь топонимии данного региона Э.Мурзаев пишет, что древнейший топонимический пласт в Синьцзяне, который может быть определен в своей основе, является индоевропейским. [Мурзаев 1966, 115].

Указанные обстоятельства этногенетического характера оказали существенное влияние на формирование топонимической системы данного региона, которая к концу позднего средневековья была полностью освоена тюрками и воспринималась как собственная.

Древнейшим считается пласт топонимических названий, унаследованный от прежних насельников территорий, т.е. субстратные топонимы. Данные названия относятся, как правило, к макротопонимам, обозначая крупные оазисы, города, реки и проч : **Чач**, или **Шаш**- название города Ташкента и области, принадлежащей ему - В.Бартольд указывал, что в древнекитайских известиях (со 11 в. до н.э.) коротко упоминается область Юни (Юйни), которая позже совпадает с районом Ташкента, позднее эта же область называется Чеши, а также просто ши, причем соответствующий иероглиф употребляется в значении " камень".

Китайская транскрипция несомненно соответствует известному в мусульманских источниках туземному названию Чач (арабское Шаш) , но до сих пор остается под вопросом, связано ли, и как именно, нынешнее тюркское название, впервые упоминаемое в XI в. с Чачем, или Шашем - писал в свое время академик В.В.Бартольд. [Соч. 3-499].

Последние исследования ученых позволяют говорить об этой связи. Так, Э.Пуллиблэнк предполагает связь слова Чач - с енисейскими языками с тем же значением " камень"= кет. Tuēs, котт. Sis, что могло быть следами завоевания хуннами Согдианы [Пуллиблэнк, 1988, 39].

Фергана - название города и области - Fergana - название тюркского города (Огкепа) < fergana < ир. Parkana " межгорная равнина с одним выходом" - что полностью соответствует морфологии Ферганской долины [Мурзаев 1974 , 199]

Хотан по сведениям Махмуда Кашгари относился к тангутам и к тюркам был присоединен позднее. Жители Хотана имеют свой язык и письмо, тюркского языка хорошо не знают [МК 1- 29, 111 - 118] Название города восходит к термину hotan " жилище, дом , поселение, город, крепость" на многих индоевропейских языках; позднее термин стал достоянием тюрко-монгольских народов [Мурзаев 1974, 355]. Санскритское название города Kustana " грудь земли", " пуп земли" считается ученой этимологией [Бартольд т. 3, с. 533]. В исторических документах встречаются различные варианты топонима: Khotana (в 111 в. на шрифте кхарошти, Qaustana - в памятниках на санскрите, Yutiana(брахми), кит. Yu-Tiyeu, Udun [Герценберг 1965: 10].

Kaşgar - название города - культурного и политического центра Караханидов < санскр. Qaş " нефрит" +gar " камень, или гора "> кашгар "нефритовая гора" [Мурзаев, Pelliot], или " нефритовый город" [Ибрагим Мутъи 1996, 103],

Keşmir - город тюрков, основанный пророком Сулейманом [МК 1-457] < скр.. кашмир < кашьяпа мира " озеро(море) Кашьяпы" - где Кашьяпа - мифологический герой, якобы прорывший тоннель в горе и соединивший горное озеро с Индом [Никонов 1974, 185, Березин, 1968, 135] и проч.

Кроме древнейших названий иранского пласта можно выделить также топонимы , имеющие происхождение более позднего порядка, и относящиеся к новоиранским языкам: **Ba1и** [МК] -название города племени аргу < иранск. Balo " верхний", "находящийся выше по течению реки , или выше по горному склону" [Розова 1975, 108], Baḡṣan - название местности [МК 1-408] , возможно связать с ир. Bar " предлог, выражающий направление к поверхности" [Розова 1975 , 18] + san " вершина горы" [Розова 1975 , 108] > Baḡsan " местность на вершине горы ", Тапан - река в Кашгаре [МК 1- 402] <ср.: иранск. taban " сверкающий, ясный" [Абаев1971, 260].

Второй пласт древнетюркской топонимии составляли названия, усвоенные в результате аккультурации тюрков под воздействием различных факторов религиозного, культурного, политического характера. Топонимы данного пласта обозначают иноязычными средствами объекты проживания тюрков (Дешт-и-Кыпчак, Мавераннахр, Туркистан) или сопредельные страны (Чин, Мачин, Хитай и проч.), вымышленные территории (Йед-

жуж ве Маджуж) , а также многочисленные топонимические объекты самого разного назначения. Эту группу названий лишь условно следует назвать топонимическим пластом, поскольку они не составляют какого-то хронологически определенного слоя в топонимической системе, а представляют собой иноязычные вкрапления в эту систему, вызванные как культурными взаимосвязями тюрков с другими народами, так и непосредственно межэтническими контактами.

В данную группу входят топонимы арабского происхождения. Арабизмы внедрялись в топонимику Средней и Центральной Азии в течение длительного времени, начиная с времен вторжения арабских войск на эти территории, а затем еще более широко под влиянием религиозных, культурных и экономических взаимосвязей с мусульманами Среднего Востока. Как правило, арабизмы в системе древнетюркской ономастики были явлениями культурного характера.

Так, земледельческие области севера Аму-Дарьи, завоеванные арабами и подчиненные исламу назывались Мавераннахр -арабское " страна за рекой".

Название реки **Джейхун** (Аму-Дарья) трактуется Махмудом Каштари как слово , обозначавшее реку вообще[МК 1, 394]. По мнению В. Бартольда названия Джейхун и Сейхун в Средней Азии появились по аналогии с названиями рек Северной Сирии - Джейхана и Сейхана [Бартольд, Соч. 3, 474].

Город **Мерв** назывался также Мерв-еш-шахиджан " Мерв -шах великий", так арабы называли среднеазиатский Мерв в отличие от Мерв-ар-Руда [МК 3-149]. Город Сайрам назывался также и арабским названием Асбиджаб, причем оба слова, лежащие в основе как тюркского ,так и арабского названий, обозначали одно и то же - " сухое пространство между двух рек", " каменистое пространство меж двух рек" Этот же город называли также Ürüng kend - тюркское " белый город" и madinatul bejza - арабское " белый город"[Хасанов 1965, 67].

К топонимам культурного пласта относятся также и названия китайского происхождения, обозначавшие как территорию собственно Китая, так и места проживания отдельных тюркских племен : Ст [МК, KB] - Китай < скр. ста . По мнению В. Никонова (1966, 193(название Чин восходит к имени династии Цинь (111 в. до Н.Э.), или же происходит от китайского жи-

нэнь " на юге от солнца"

Ср. также **Чин-Мачин** - "Верхний и Нижний Китай"< в Центральной Азии Китай назывался Махасинадис < санскр. Mahacinadesa " Великий Китай " [ДТС 338, Кычанов 1962, 152].. Средний Чин назывался также Qytaу - [Топ, МК] - название страны (китай) - Средний Чин. Название восходит к этнониму -кидань, народу известному с У- XII вв., владевшему Северным Китаем [Радлов, Бартольд, Никонов и др.]

Наконец, самым мощным пластом, естественно, был собственно тюркский пласт топонимии, пронизывающий все реалии, от названия самых обширных объектов до названия водоемов, родников и проч.: Beşbalyq "пятиградье", Ordu Balyq " город-ставка", , Suwlaq - название местности - " водопой" и др.

Целый ряд названий собственно тюркского пласта восходит к периоду алтайской языковой общности: Ötüken - древняя столица тюркского каганата - букв. " горы покрытые тайгой" < " земля-владычица", " божество земли", Oguz - название крупных рек - букв. " река", İla - название реки < общеалт. " светлый, ясный", " сверкающий" , Temir Qaryğ - название местности - " железные ворота", и проч.

Как составные части строго организованной системы, названия всех трех пластов и составляли цельное ономастическое пространство тюркского культурного мира, употребляясь в исторических источниках и воспринимаясь как собственно тюркское достояние.

Древнетюркская географическая номенклатура

В древности географические названия служили своего рода кодификаторами, очерчивающими пределы влияния той или иной государственности, того или иного этноса. Не случайно, поэтому стремление зафиксировать границы своего государства собственными географическими названиями, сменяющими прежние субстратные. Чаще всего подобные переименования представляли собой типичные кальки, например, Jeşil oguz [КГ], букв. " желтая река" - калька с кит. Хуанхе, **incü oguz** [КТ] -"жемчуг-река" , калька с др. Иранского Яксарт [Кляшторный 1964, со ссылкой на И. Маркварта], Özkend - букв."город на равнине меж двух гор" - калька с ир. Pargana " межгорная равнина с одним выходом" .

Результатом взаимодействия элементов данной топонимической системы часто было параллельное употребление двух или более названий для одного объекта: Кашгар - Орду кент, Фергана - Озкент, Ташкент - Шаш (Чач) - Таркан, Тарбанд - Отрар -Фараб и т.д. Такое явление относится к так называемым индикаторам этнических границ в зоне лингвистического взаимодействия, и возникновение топонимов- дублетов и топонимических калек свидетельствует о наличии двуязычного населения, что в свою очередь часто говорит о размывании эндогамного барьера этноса.

"Топонимия может хранить информацию о характере межэтнических контактов, их глубине и интенсивности. Такую информацию могут дать не только субстратные топонимы, но и топонимический диапазон пришлого населения, т.е. соотношение географических объектов, поименованных на языке пришельцев и объектов, соответствующих названиям автохтонного населения" [Соколовский 1985, 31].

Это утверждение для тюркского мира справедливо лишь в первой части. Что же касается частотности привнесенных топонимов - для тюрков , в силу специфики кочевого вида хозяйствования, главными были объекты естественно-географического характера: горы, реки, долины, водоемы, - вследствие чего "новые" топонимы чаще встречаются в оронимии, гидронимии.

Для древнетюркского мира географические представления имели весьма важное значение, поскольку отмечая пределы своих владений теми или иными ставками, древнетюркские правители тем самым очерчивали совершенно четко государственную территорию, на которую не мог более претендовать никто. Совершенно четко определялись пути кочевий и территории пастбищ, зимних стоянок, летних резиденций и ставок. Границами территорий, как правило были реки, горные массивы, зоны степей и пустынь.

Для обозначения своих исконных и вновь завоеванных территорий тюрки употребляли уже четко сформировавшуюся к периоду становления государственности систему географической номенклатуры. Можно выделить три основные группы географических названий, которыми обозначались наиболее важные в культурно-политической жизни объекты:

оронимы - названия гор, холмов, ущелий, перевалов и других орографических объектов, гидронимы - названия водных объектов и ойконимы - названия населенных пунктов. И в каждой группе данных географических названий использовались собственно тюркские географические термины, формирующие тюркскую топонимическую систему.

В оронимии древними тюрками использовался ряд терминов, которые часто употреблялись в географических именах собственных.

К числу наиболее значимых и важных относится термин *jyş*- горная гряда, чернь, нагорье с долинами, пригодными для поселений. Термин *jyş* входит в состав многочисленных оронимов, обозначавших наиболее значимые для тюрков древности горные массивы, часто служившие местом и объектом поклонения, начиная с легендарного *Ötüken jyş*: в древнетюркских письменных памятниках упоминаются *Çuğaj jyş*, *Kögmen jyş*, *Ötüken jyş*, *qadyrqaŋ jyş*, *Sünga jyş*.

В современных тюркских языках Сибири *йыш* означает "хвойный лес, черневая тайга, горный лиственный лес" и проч. [Мурзаев 1984, 237], однако в древности *jyş* означало :чернь, нагорье с долинами, пригодными для проживания [ДТС 268]. *Йыш* (чыш, чыс) в тюркских языках Саяно-Алтая означает "горы, покрытые хвойным лесом" [Боргояков 1975].

Известно, что в мифологии и фольклоре гора и лес могут перевоплощаться друг в друга, представляя собой полный синкретизм терминов, обозначающих гору и лес [Криничная 1988, 238]. Гора являлась наиболее распространенным вариантом трансформации мирового дерева, существуют многочисленные примеры совмещения горы и дерева, нередко понятия горы и дерева передаются словами общего корня [Мифы и легенды 1, 311]. В тюркской мифологии самым ярким примером совмещения понятий гора-лес является ороним *Ötüken jyş*, где оба компонента, в принципе означают одно и то же - "горы, покрытые тайгой".

Термин *ав* в топонимии - нагорье, горный перевал, хребет, холм. В современных тюркских языках значение "перевал" сохранилось только в тувинском, шорском и алтайском языках, в других же языках сохранилось в иных значениях или же только в топонимических названиях [Конкобаев 1980, 172, Мурзаев 1984, 56].

Термин в составе оронимов чрезвычайно продуктивен с древнейших времен. Ср. у Махмуда Кашгари: Bedel Art [МК 1-392], Buqaç Art [МК 1-392], Toruğ art tiz [МК 1-374], Qavaq Art[МК 1-383], Yafgu art[МК 1-392].

Еще один оронимический термин sengir "мыс горы" [ДТС 340], каз. "крутой обрыв, высокие цепи гор, возвышенность с крутыми склонами" [Конкашпаев 1951], отмечен в следующих названиях: Kencek sengir [МК] - название города у Таласа на границе кыпчаков [МК 1-480] < kencek - название тюркского племени кенджек [МК 1-480] + sengir " вершина горы" [МК 111-362] > " вершина (гора) кенджеков". Qara sengir - название вершины в горах близ Барсгана [МК 3-241], букв. " черная вершина". По указанию Э. Мурзаева кирг. диал. qaqa " непокрытое снегом место в горах" [Мурзаев 1984 , 256]

Еще один важный оронимический термин - это öz, означавший " долина, проход между горами [ДТС ,394]. Термин возможно , восходит к древнетюркскому öz " сердцевина, нутро" [БТС, 395] и в оронимическом смысле означал ущелья или долины, расположенные в сердцевине гор. Данный термин исследователи видят в топонимах Özkend - по Махмуду Кашгари -тюркское название Ферганы ,- " город в долине меж гор", являющийся калькой иранского раггана " межгорная равнина с одним выходом", Qyzyl Öz [МК 1-199] - название горной долины и расположенного в ней кишлака .

Arğu - название местности между Таласом и Баласагуном [МК 11-269]. По указаниям Махмуда Кашгари словом аргу назывались области , расположенные меж гор, отсюда и название данной местности. Ср. также названия города Талас: Arğu Talas , Altun Arğu Uluş [Map]

Сравните также : Udhu - название города в местах расселения племени аргу < udhu " холм" [МК 1 -152].

Знаменательно, что оронимический термин tağ "гора" широко распространенный в современной тюркской топонимии не слишком часто встречается в древнетюркских источниках: Kömür tağ , Baqyrlyq tağ, Kögmen tağ, Benglikik tağ .

Э. Севортян [1980,118] кроме основных значений данного термина - " гора, горы, горная цепь,холм" указывает также и на значение " тайга, лес" - (ср.: juş " гора-лес").

Для обозначения водных объектов - гидронимов у тюрков также существовала четко оформленная терминология.

Так, все крупные реки типа Джейхун, Ефрат обозначались у тюрков (огузов) словом öküž "река" [МК 1-91]. Этим словом огузы обозначали долину Бенегит, отсюда же и название города, расположенного меж рек Ила и Яфинч - İki Öküž [МК1-59], общее название двух рек, протекающих в Хотане - Qaş öküž, одну из них называют Ürüñg qaş öküž "река белого нефрита", вторую - qara qaş öküž " река черного нефрита". Это единственное место, где добывается камень каш - нефрит [МК 3-152]. По указанию МК Ефрат также назывался словом tadpun , синонимичным слову öküž [МК 1-438] . Сыр-Дарью тюрки называли İncü Öküž "жемчужная река", что было калькой местного названия реки Yaksart . Название yaksartes по древнеиранским материалам этимологизируется как " истинный жемчуг".

Исследователи тюркской ономастики выделяют в составе гидронимии еще один утраченный термин - qatun - также имеющий знаменательные значения "река" [Мурзаев 1974, 190-191, Батманов 1962]: Egük qatun [Е 3] - название местности. Во втором элементе топонима qatun исследователи видят тюркское " река" [Мурзаев 1974] и Qatun Sini - город между Чинном и тангутами [МК 3-152]< букв. " могила госпожи" .. Э. Мурзаев [1974,192] склонен видеть в катунь ныне утраченной древнетюркское " река", но это оспаривается И. Добродомовым который отмечает, что топонимы, производные от нарицательных наименований женщин широко представлены в в разных регионах земного шара и даже в мифах [Добродомов 1984, 142]

Древнетюркская топонимия сохранила еще один термин, обозначавший реку, или большую реку - Edil//Etil - название реки протекающей в землях кыпчаков и впадающей в море Булгар, один из рукавов реки протекает в землях Рус [МК 1 -103] (река Волга). По мнению ученых термин этиль // итиль первоначально имел значение "река, большая река" [Кононов 1975, Хасанов 1965]

Следующий активный в древнетюркской (и современной тоже) гидронимии термин - su/SUB" вода, река" [БТС 512, МК 3-235]также широко представлен в письменных памятниках: (Qaz suwı - название реки, впадающей в Ила. Название реке дано в честь дочери Афрасиаба Каз, которая построила на берегу реки крепость [МК 3-165] < qaz suwı " вода (река) Каз", Adhiraq suwı- река племени - река племени Ягма [МК 1-144]<

adhiraq " горный козел, муфлон" [МК 1-44], Yabaqu suwı - название реки, вытекающей из гор Кашгара и протекающей меж городами Фергана и Озгенд [МК 3-36] в основе гидронима - название племени > "река племени ябаку", Yamar - название местности . Река, берущая здесь места и текущая в степях ябаку называется Yamar suwı [МК 3-28]

Устья рек, впадающих в болото, или теряющихся в песках называются tarım - отсюда и название реки Тарим [МК 1-394].

Приуроченность многих топонимов, образованных при помощи этого термина к окончаниям рек, иссякающих в пустыне, подтверждает объяснение , данное ему Махмудом Кашгари, -пишет Э.М. Мурзаев, - в основе слова тарим лежит тюркское тар- " разделяться, разбиваться на части" [Мурзаев 1974, 296].

Название реки Kem [Мч] < букв., и.-е. " река" , упомянутое в памятниках древнетюркского письма, связывается с индоевропейским прототипом [Мурзаев 1974,184], данный термин широко распространен в гидронимии Сибири и Центральной Азии

Для обозначения озера тюрки с древних пор употребляли и употребляют термин köl. Этот термин встречается в составе названий многих древнетюркских гидронимов: Aj köl, İsiq köl, Tering köl , Qara köl [Кг], Tajğan köl [Мч], Açığ Altyn köl [Мч], Yıldız köl , Qarluq köl и др.

Известно, что термин распространен не только в тюркских, но и многих других языках в том же , или близких значениях [Мурзаев 1984, 312].

Э.М. Мурзаев предполагает, что термин köl гомогенен термину qol " долина, бассейн реки, низменность [МК], ответвление, рукав": Julun qol [Мч] < может быть, jılan qol , букв."змеиный рукав", по руслу реки, извивающемуся подобно змее.

Известный гидрографический термин агуq " канал, ручей, арык"[МК 2-10] отмечен в древнетюркском топониме < Jun агуq -название летовки вблизи Баласагуна [МК] .

Термин саурам обозначал "мелкую, неглубокую воду" [МК], этот термин был распространен в алтайских языках в близких значениях. Происхождение названия города Сайрам на юге Казахстана, известное еще во времена Махмуда Кашгари [МК 3-176] исследователи связывают с данным термином < саурам" каменистое пространство меж двух рек" > Sayram - название города .

Более того, еще одно название города - арабское - Асбиджаб - также означает по-арабски "сухое пространство меж двух рек"[Хасанов 1965].

Близок к нему не только по значению, но и гомогенно термин say. "каменистое пространство", "пустынная равнина" [МК 3-158]. В памятниках термин сай в составе географического названия приведен МК [1-81] - Aq say- название местности.

В современных языках say употребляется также и в значении "река", "сухое русло реки" (каз., кирг, туркм., узб., уйг. и проч.) [подробно о значении и употреблении термина см. : Мурзаев 1984, 491].

Таковы основные гидронимические термины, употреблявшиеся в древнетюркской ономастике.

Наконец, третья категория географических названий - ойконимия, т.е. названия населенных пунктов, составляет наиболее широко представленную в памятниках тюркской древности группу собственных имен - топонимов. Наличие древнейших (общеалтайского происхождения) терминов для обозначения города, селения совершенно определенно свидетельствует о тесном взаимодействии и взаимопроникновении кочевой и оседлой культур, имевшем место еще в глубокой древности.

Одним из самых древних ойконимических терминов, без сомнения, является термин balyq "город". Как пишет Махмуд Кашгари в доисламские времена тюрки этим словом называли крепости, укрепления, города. Уйгуры и сегодня называют свои города Beş balyq "пятиградье", Yengi balyq "новый город" [МК 1-379]. См. также: Baranas balyq [Usp102] - название города < санскр. baranas "название одного из семи священных городов, он же Бенарес, Каши" [Кочергина 1987], Babil balyq - город Вавилон [Usp 95]. В.Бартольд [т.5, стр. 494] отмечал, что слово balyq принадлежит к числу наиболее древних тюркских слов также как его омоним со значением "рыба". С.Толстов возводит оба эти омонима к корню bal // bar "не текущий водоем, болотистый водоем и считает, что данное явление омонимии свидетельствует о том, что в период завершения формирования тюркских языков, вероятно около сер. 1 тысячелетия н.э. взаимосвязь оседлости с рыболовством и обитанием в условиях озерно-болотистого ландшафта продолжала существовать [Толстов 1947, 74]. Герхард Дерфер в своем словаре намечает следующую схему выработки значения balyq "город": глина > глиняная стена > место, обнесенное

глиняной стеной = город . См. о значениях балык " город-рыба" [Севортян-2, 65]. Кроме этого слова для обозначения города широко распространено было у тюрков слово kend "город". У огузов и их ближайших соседей, как пишет МК это слово обозначало " кишлак, селение" [МК 1-344]. Известно, что кенд - слово иранского происхождения. Но это заимствование было столь древним, что уже в XI в. связь его с иранскими языками была утрачена для тюрков, более того, при определении границ земли тюркской Махмуд Кашгари проводит своеобразное ареальное исследование и считает исконно тюркскими земли от Маверннахра на восток, ибо названия городов Taşkend, Semizkend, Tünkend, İnç kend - по его мнению образованы с помощью тюркского слова кенд " город" [МК 3-150]. **Кашгар** - главный город тюрков средневековья назывался также Ordu kend "город-ставка, город, где живет хан", потому, что в нем жил некогда Афрасиаб, легендарный предок тюрков, **Самарканд** - персидское оформление тюркского названия **Семизкенд** " жирный (богатый) город" [МК 1-343]. Т.Рахматов [1973,49] утверждает, что слова kat, kat употреблялись согдийцами, а его вариант - kend - тюрками, причем, сначала только в значении "город", а затем - " селение". В. Хромов считает, что топонимы на канд- относятся к тюркскому топонимическому слою[Хромов 1978, 94]

Чигили для обозначения селения употребляли слово uluş. Так назывались города аргу выше Баласагуна, а сам Баласагун назывался Quiz uluş [МК 1-62]. Улус//улуш в тюркских языках имеет ряд значений, в том числе: народ, племя, союз племен. В древних памятниках улус встречается в значениях "страна, область, город селение, село"[МК].

Также для обозначения селений употреблялось слово qyşlaq, имевшее значения " зимовка, зимовье" [МК 1- 464]. Man qyşlaq - название местности в земле огузов [МК 1-465] < man " укрепленный " + qyşlaq " зимовка, селение" - Манкишлак " укрепленная зимовка (селение) [Атаниязов 1974, 27]

Махмуд Кашгари указывает, что уйгуры называли свои города Koçi, откуда и произошло название одного из уйгурских городов [МК 3-238]. Название и термин связаны, по-видимому, с иранским куча " улица, ряд домов, проход" [Мурзаев 1984, 324]

Ханская ставка называлась у тюрков ordu , и потому город Кашгар назывался Ordu kend " город -ставка" , а Баласагун - Kuz Ordu.

Таковы основные термины, употреблявшиеся в древнетюркской топонимии. Отметим, что большинство из них и сегодня весьма продуктивны в тюркской топонимии.

Структурные типы и смысловые модели тюркских топонимов

Описание и анализ собственных имен невозможны без определенной классификации, которая либо присутствует в ономастической работе, как своеобразная платформа автора, либо специально им вводится для более четкого разграничения явлений, - пишет известный теоретик ономастики А. В. Суперанская [1973,148]. И в самом деле, вопросу классификации собственных имен, и в особенности, топонимов уделяется самое серьезное внимание в исследованиях.

Были предложены различного рода классификации топонимов, в основу которых положены разные принципы подхода [Обзор топонимических классификаций см.: Суперанская 1979, Мурзаев 1979, Черняховская 1970, Молчанова 1982].

А.В. Суперанская [1973,159 и ел.] выделяет следующие типы классификаций собственных имен :

1. Классификация имен в связи с именуемыми объектами;
2. Естественно возникшие и искусственно созданные имена;
3. Классификация по линии микро-макро;
4. Структурная классификация;
5. Хронологическая классификация;
6. Классификация имен в связи с их мотивировкой;
7. Классификация имен в связи с объектом закрепленных в них понятий;
8. Стилистическая и эстетическая классификация.

Из всего многообразия топонимических классификаций наиболее ярко выделяются, как указывает Е. Черняховская [1970, 55] три основных принципа классификации топонимического материала:

1. Лексико-семантический принцип классификации;
2. Морфолого-словообразовательный принцип
3. Бинарно-двуплановый (лексико-семантический и словообразовательный).

За основу топонимической классификации С. Роспонд берет грамматическую структуру (главным образом морфологическую) имен и выделяет следующие типы топонимов: первичные (при-марные), с нулевым топонимическим формантом; вторичные (секундарные), с морфологической деривацией и составные [См.: Суперанская 1969, Мурзаев 1979].

Принятое большинством исследователей разделение тюркских топонимов по структуре на простые и сложные охватывает все три типа, предложенные С. Роспондом, поскольку в составе простых имен выделяются производные (корневые) и производные имена собственные [Донидзе 1971, Бегжанов-Абдимуратов 1971, Молчанова 1982 и др.]

В древнетюркской топонимии наличествуют все три указанных структурных типа:

Примарные топонимы Arġu, Uç, Adhıġ, Aġu, Ala, Aluș, Kem, Oküz, Edil, Şu и др.

Все эти топонимы образованы от корневых производных основ - слов без каких-либо служебных формантов. Зачастую трудно определить первичный облик некоторых из этих названий, так как во многих случаях форманты, составляющие эти имена, имеют характер окостеневших форм и воспринимаются как неразложимые основы.

Секундарные топонимы - это названия, образованные при участии специальных аффиксов, которые воспринимаются как специальные топонимические аффиксы, поскольку эти аффиксы чаще всего употребляются в топонимии. Одновременно эти аффиксы могут быть и наиболее продуктивными в живых языках, имея нетопонимическое значение и функции.

Так, в качестве безусловного топонимического аффикса многими исследователями выделяется аффикс обладания -Lık / lıq Balıq-lıq, Baqır-lıq, Aġuluq, Almalıq. Основным для аффикса -lık/lıq значением оказалось одно из периферийных значений аффикса -лик - значение места совокупного расположения предметов, массы, или живых существ [Щербак 1972, 106] : *Atlaq, Minglaq*.

В составе древнетюркских топонимов можно выделить образования с аффиксом множественности на -s: Qaya-s, Tala-s, , Tara-s.

В тюркской топонимии значительное место занимают составные образования имен, созданные по готовым моделям, издавна существующим в языке. Вместе с тем, топонимике присуща одна особенность : большинство составных топонимов (как , в прочем, и других разрядов собственных имен) по своему происхождению - вторичны, и примыкающий компонент этих топонимов - служит средством дифференциации, выделяя часть одного целого (Orta Çin "Средний Чин", Aşağı Çin" Нижний Чин" , yuqarı Çin " Верхний Чин", Yengi *balyq* "новый город", Tarim - Üsmi Tarim и проч.).

Среди прочих типов составных топонимов наиболее часты образования способом примыкания : Taşkend " каменный город", İsiq köl " горячее озеро", Tünkend" СПОКОЙНЫЙ город", İnçkend "ТИХИЙ, СПОКОЙНЫЙ город" , Tering köl " глубокое озеро", Temir Qaryğ " железные ворота" и проч., с помощью изафетной связи, когда между определяемым и определением устанавливаются притяжательные отношения (Yabaqu suwı "река племени ябаку", Adzgıraq suwı, Qatun Sini - город между Чином и тангутами [МК 3-152]< букв. " могила госпожи, Qoçnıqar başı - название города [МК 3-319] < букв, qoçnar " баран-производитель" + Başı "голова", Soqar yolı- название места [Мч] < soqar [МК 1-214, KB] " сайгак" - " тропа сайгаков", Yabaqu suwı - название реки, вытекающей из гор Кашгара и протекающей меж городами Фергана и Озгенд [МК 3-36] в основе гидронима - название племени > "река племени ябаку", Yamar - название местности . Река, берущая здесь местах и текущая в степях ябаку называется Yamar suwı [МК 3-28], Qatun Sini - город между Чином и тангутами [МК 3-152]< букв. " могила госпожи" и др.

В древнетюркской ономастике представлены также единичные случаи образования топонимов-парных слов: Aruq Tuıuq -перевал в горах между Кашгаром и Ферганой [МК 1-66]< aruq-tuıuq " худой, истощенный", и образованные при помощи так называемых процессуальных атрибутивно-субстантивных определительных словосочетаний, которые состоят из сочетания, выраженного причастием и определяемым в форме

существительного: Tawuşqan öküz - река, протекающая в городе Уч [МК 1-513]. Название сохранилось по сегодняшний день в форме Таушкан дарья. Название происходит, видимо, от ташкан " разливающийся, полноводный поток, бурный поток,

Сравните также названия : jaltırğan Qaş- название местности [Цзр 28] < букв. " сверкающий нефрит", Sizing köl сочащееся озеро".

С точки зрения смысловых моделей в древнетюркской топонимии можно выделить три основных типа образования

А).Окказиональные топонимы - названия образованные от апеллятивов, служащих терминами для обозначения различных объектов хозяйственной жизни и окружающей среды.

Б).Топонимы- посвящения (меморативы) - названия вторичного характера, образованные из антропонимов, этнонимов, слов, обозначающих различные божества, тотемы, фетиши.

В). Топонимы - описания (дескриптивы)". Эта группа топонимов объединена нами по семантике, содержащей описание географического объекта, географических реалий, рельефа и проч.

А. Окказиональные топонимы

1. Александр Гумбольдт в своей книге " Центральная Азия" высказал одно весьма важное предположение: " Самые древние названия горных цепей и больших рек первоначально почти всюду означали только воду и гору [Гумбольдт 1915]

И в самом деле, весьма широко распространено явление, когда название реки является нарицательным словом со значениями " вода, река, большая река"

В древнетюркской топонимии есть тому немало примеров, причем, это названия самых крупных рек: Махмуд Кашгари пишет, что Öküz - тюркское название долины реки Бенегит (огузское). Также назывались и все крупные реки типа Ефрата и Джейхуна < тюркское " текущая вода, река" [МК 1-49, Хасанов 1962]. У арабов слово джейхун также означало " большая река" [Бартольд], Şu< тибетское " вода, река" [Мурзаев 1974, 257], или су , тюркское "вода, река" [Абдрахманов 1975, 195] Aluş -селение в Кашгаре [МК 1-62], ср. : aluş" устье реки, место впадения проточной воды, водоем "[МК 1-231] , Cejhun - название

реки у огузов, так назывались крупные реки [МК 1-59, 394]. По мнению ученых - это современная Аму-Дарья. Название библейское и могло быть привнесено в Среднюю Азию христианами или мусульманами, по аналогии с реками Сирии Джейхана и Сейхана, у арабов джейхун означало " большая река" [Бартольд], Etil [МК 1-173] - название реки протекающей в землях кыпчаков и впадающей в море Булгар, один из рукавов реки протекает в землях Рус [МК 1-103] (река Волга). По мнению ученых термин этиль // итиль первоначально имел значение "река, большая река" [Кононов 1975, Хасанов 1965] , Farab [МК-470] -второе название Карачука , город огузов. По мнению ученых Фараб - одно из названий города Отрара на юге Казахстана : Farab арабская форма персидского Purab "многороводная, полноводная река" [Абдрахманов 1975, 184: Караев К. 1978 со ссылкой на А. Минорского], Кем - название реки, у которой уйгурский каган Элетмиш разбил чиков [МЧ, Тегх.], локализуется на территории современной Тувы [Кляшторный 1983]. Тувинское кем, хем - " река", употребляющееся только в названиях многочисленных рек. Термин возможно, относится к индоевропейским образованиям, Tarim (Usmi Tarim)- название реки, протекающей на границе уйгуров у города Коңу [МК 1-336] . Этим же словом обозначаются по указаниям МК устья рек, впадающих в озера , или же теряющихся в песках

Точно также название горы часто восходит к апеллятиву с обозначением данного географического объекта:

Ötüken - по МК - это название местности в татарских степях [МК 1-151]. В тюркских рунических надписях - Отюкен- центр тюркского мира, священная родина тюрков и резиденция каганов. По исследованиям Л.П. Потапова термин имеет следующее развитие значений , Ötüken -топоним , ср.: монг. otugen <etugen "земля-владычица, божество земли" = тюркское ütügen " название святой горы у тюрков"- " горы, покрытые тайгой " [Потапов 1957, В. Владимирцов 1929], см . также [Кудайбергенов 1981], Arğu - название местности между Таласом и Баласагуном [МК 11-269]. По указаниям Махмуда Кашгари словом аргу назывались области , расположенные меж гор, отсюда и название данной местности.

2. Прочие географические термины также,становились именами собственными: Вағрам Qum - пустыня между Кашгаром и Яркендом [МК 1-484] < Вағрам qum " тонкий , лечебный песок.

Ср. также: Amğa Qurğan // Maği Qurğan - место зимовки войска Кюль-Тегина перед походом на огузов [КТ], ср.: амнга , тунг.-маньчж. "букв, рот, перен. устье реки, устье озера, ущелье" [Мурзаев 1984, 49], Barхан [МК 1-436]- Западный Китай, а также название горы близь Кашгара. По мнению Э.Севортяна бархан происходит от сибирско-тюркского парган ""идущий, подвижный холм"" , или от уйгурского барган с тем же значением [Севортян 1979,65].

Jağuş - название степи, расположенной посредине между восточной (Шантунская чернь) и западной (Темир капыг) границ юрковского каганата [8.1).]. Слово йарыс употреблено в памятниках как название степи, местности, а также в значении " равнина". По мнению С. Кудайбергенова [1985, 33] йарыш \ йарыс гомогенно с йазы " степь, равнина" .

Sayram [МК3-176] (İsbicab/Sayram) - название города(Чимкента) < saygam/saryam " мелкая неглубокая вода " [МК 3-176]

3. Слова, обозначающие населенный пункт - город, селение -также становились именами собственными какого-либо конкретного географического объекта, дополнительно включая в свой состав лишь определение, либо количественное числительное: Yengi Balyq "новый город", Beş Balyq "пятиградье" Kõçu -название города < коңа " улица, поселок", Hotan - название города < hotan, санскр. "жилище, дом, селение, город", Suğnaq -название города < суғунақ " укрепление, крепость" и проч.

4. Слова, относящиеся к хозяйственно-культурным объектам, типа: Atlaq (МК) - название города расположенного неподалеку от Тараза [МК,] < atlaq//itliq II шЧс[" конюшня " [МК 1-98] Название упоминается также и в сочинениях авторов других стран. Buhara [МК 1-471] - название города, в форме Buqaraq упоминается в древнетюркских памятниках. В. Бартольд пишет, что название стало известно около 630 года и считает возможным принять версию о происхождении названия из санскритского Ьихага" монастырь" [Бартольд , Соч., 3, 378], **Qasi**- селение на родине Махмуда Кашгари < qasi " хлев, коровник" [МК 3-224]. И сегодня неподалеку от Опала имеется местность , именуемая Каси , или Качи [Абдукерим Рахман, 1995, 147], Suwlaq - название местности < suwlaq "водопой" [МК], Tiraz - название города Талас [МК], современный Тараз. Название связывается с апеллятивом тараз " плотина на реке, большом канале, распределяющая воду по каналам." [Мурзаев 1984].

Б. Топонимы- посвящения (меморативы)

Антропотопонимы - т.е. топонимы, образованные от личных имен людей. Такой тип топонимов широко распространен в топонимии Средней Азии, Казахстана и Синьцзяна. Нет сомнений в том, что он был продуктивен и в древнетюркской ономастике. Махмуд Кашгари многие топонимы связывает с именами людей.

Так, по МК города **Barsqan, Barman, Qaz, Qaz suwı** - получили свои названия в честь детей Афрасиаба, построивших эти города [МК 3-149, 396], город Шу - назван по имени тюркского хана, основавшего данный город [МК 1-413], Keşmir - город тюрков, основанный пророком Сулейманом [МК 1-457] < скр. . kaşmira < kasyara mira " озеро(море) Кашьяпы" - где Кашьяпа - мифологический герой, якобы прорывший туннель в горе и соединивший горное озеро с Индом [Никонов 1974, 185, Березин, 1968, 135], название города Нишапур [МК 1-4] связывается с именем одного из сасанидских царей - Шапура 1, или Шапура -2.

Этнотопонимы. Практически во всех ономастических системах широко распространены географические названия , восходящие к названиям племен и родов. Названия государств обычно происходят от названий народов [Суперанская 1974, 67], Сравните в " Диване": Rum, Rus, Tibet, Xitay и проч.

Bulğar [МК 1-456] - известный тюркский город, столица Булгарии, в основе названия - одноименный этноним.

Çigil balyq//Çigil kend = [Мал] - название города, восходит к названию племени чигиль - "город чигилей".

Curcan - граница мусульман по дороге в Чин [МК 1-436]. Джуржан - арабская форма иранского Gurgan < авест. Vahrgana [Бартольд. Соч. У11, 260] - название этноса

Nazar [МК] - Каспийское море (АЫЗкип) - восходит к названию древнего этнонима хасар.

Yabaqu suwı - название реки, вытекающей из гор Кашгара и протекающей меж городами Фергана и Озгенд [МК 3-36] в основе гидронима - название племени > "река племени ябаку", Jafgu - название городка у Барсгана [МК 3-32]. В основе названия лежит древнетюркский титул ябгу " вице-каган", который

обозначал также и правителей западного каганата> *yabǵu* - "этноним", **Yabǵu Art** - перевал племени Ябгу, *Yaǵma* - название селения у города Тараз [МК 3-334], совершенно очевидно связано с этнонимом ягма.

Kencek Sengir [МК] - название города у Таласа на границе кыпчаков [МК 1-480] < kencek " название тюркского племени кенджек "[МК 1-480] + sengir " вершина горы" [МК 111-362] > " вершина (гора) кенджеков".

minglaq - название местности у уйгуров [МК 1-434] < ming название племени мингов + -lak " аффикс собирательности -множественности - место ,где расположено племя минг". Минг -название одного из самых больших узбекских племен, занимавших особое положение в общественно-политической жизни Кокандского ханства [Ахунов 1987 , 89].

Qarlyq köl - название озера [8.11] , название , очевидно, связано с этнонимом карлук - " озеро карлуков", или, что более вероятно - " снежное озеро".

Qasar Qordan [Терх]. Название западной ставки уйгурского кагана в верховьях реки Тез на западном склоне Отюкена < qasar " хазар" , термин-qordan < " тюркское наименование Хотана", перенесенное из Восточного Туркестана [Кляшторный 1983, 122]. Термин хазар нередко отождествляют с уйгурским племенем (шестым из союза он-уйгур) [Щербак 1971, 78 , со ссылкой на Д. Дунлопа],

Qyŋçaq - название местности у Кашгара [МК 1-427], восходит к этнониму кыпчак,

Qytaj- [Топ, МК] - название страны (XIII) - Средний Чин. Название восходит к этнониму - кидань, народу известному с У-ХII вв., владевшему Северным Китаем [Радлов, Бартольд, Никонов и др.].

Qoŋu - один из уйгурских городов (Küssen, , Куча) [МК 1-113]. (сегодняшний Карахожа)- столица Турфанского уйгурского государства. Есть предположение о том, что название восходит к этнониму qoŋu - одному из автохтонных племен Турфана, которых за их могущество и силу называли qaraqoŋu " могущественные, великие кошу" (этот этнотермин мог сохраниться в современном названии Карахожа), от которых происходят канглы [Абдукерим Рахман 1995, 173-175], Qoŋuq - название местности [МК 3-339] - восходит к названию племени комук, Soǵdaq - город между Бухарой и Самаркандом [МК] - по названию этнонима согдийцев, Tawǵaŋ - Maŋin - название восточного Китая [МК 1-453] от названия рода tjaŋ-bar (thaŋ-bar) основавшего в 386 г. нашей эры династию Северная Вэй [ДТС

526], Udun (**Hotan**) - еще одно название Хотана, жителей Хотана также называют ишп [МК 1-234], под этим именем город упоминается и в Биографии Сюаньцзяня, Vereng -название местности у Рума, его называют также Üreng [МК 1-135]. Данный топоним И.Умняков отождествил с Киевским княжеством [1940], а по мнению С.Волина [1968,116] это скорее варяги, жившие по Бируни - на Балтике и проч.

Оттопонимические названия объектов. Э.М. Мурзаев [1969,129], что названия большинства рек в Синьцзяне и Средней Азии образованы от названий городов, расположенных на их берегах, есть образования противоположного характера - название горы или селения - по названию реки, также возможны названия городов - по названию оазиса, или области и т.д. Все эти типы топонимов являются переносными и также могут быть отнесены к топонимам-посвящениям. Подобного типа топонимы довольно часты и в древнетюркской топонимии: Bükür [МК 1-361]- название крепости на горе в Восточном Туркестане между городом Куча и землями уйгуров, это пограничная территория [МК 1-394]. Э.Мурзаев указывает на Бугур - оазис и город на одноименной реке на южном склоне Тянь-Шаня, китайское название которого - Лунтай означает " колесная платформа, башня, вышка" [Мурзаев 1974, 287].

Seyhun - название реки у огузов, так назывались крупные реки [МК 1-59, 394]. По мнению ученых - это современная Аму-Дарья. Название библейское и могло быть привнесено в Среднюю Азию христианами или мусульманами, по аналогии с реками Сирии Джейхана и Сейхана, у арабов джейхун означало " большая река" [Бартольд. Соч. , 3, 210].

İki Öküz [МК]- название города, расположенного между рек Ила и Яфинч [МК 1-91] - букв. " две реки", - название местности . Река , берущая здесь места и текущая в степях ябаку называется Іатаг зитМК 3-28], Yarlend < ир. Јаг "камень" + кап "канал, река" > уаҗкан "каменный канал, каменная река", по названию реки - и название города [Мурзаев 1974, 301], Kömür tağ [SU) - название реки , букв. " угольная гора".

В тюркской ономастике весьма распространено явление, когда реки получали названия по именам гор, городов и проч.

Qayas - название нескольких городов у чигилей и тухси. Один из них называется Saplyq Qayas, второй - Ürüñg Qayas , третий - Qara qayas, qayas в этих топонимах - образование множественного числа от qaya " скала", отсюда Saplyq qayas " Скалы в виде рукояти ?", Ürüñg Qayas" Белые скалы", Qara Qayas " черные скалы".

Qaraçıq - название города Фараба - одного из огузских городов [МК 1-487]. На карте , приложенной к "Дивану" также отмечены горы Карачук, по идентификации Х.Хасанова - современные Каратау в южном Казахстане [Хасанов 1964], Qazar Qordan [Тегх] - Название западной ставки уйгурского кагана в верховьях реки Тез на западном склоне Отюкена < qazar " хазар" , термин qordan < " тюркское наименование Хотана", перенесенное из Восточного Туркестана [Кляшторный 1983, 122], Qoçnıqar başı - название города [МК 3-319] < букв. qoçnıqar " баран -производитель" + Başı "голова". Однако если иметь в виду наблюдение Э.Мурзаева о том, что если горы имеют название по реке, то к названию прибавляется слово баши , т.е. "начало"- начало реки Кочнкар ?, Farab [МК-470] - второе название Карачука , город огузов. По мнению ученых Фараб - одно из названий города Отрапа на юге Казахстана : арабская форма персидского Pırab "многороводная, полноводная река" [Абдрахманов 1975, 184: Караев К. 1978 со ссылкой на А. Минорского].

Топонимы-посвящения, связанные с древними верованиями . В основе подобных географических названий лежит отражение древнейших религиозных представлений и верований тюрков, связанных с культами тотемов, фетишей, небесных светил и звезд, гор и т.д.

Такого типа топонимы также относятся к посвящениям, поскольку первоначально они обозначали какие-либо святы места, которым поклонялись люди и лишь потом - превратились в географические названия: Aj köl- местность близь Уча [МК 111-135] < букв. " лунное озеро" (ср. Yıldız köl), Ala uıǵaç -местность на границе [МК 1-82]- букв. " пестрое дерево" (название дано , видимо, по названию фетиша - дерева, которому поклонялись, Вај uıǵaç [МК]- название местности между Кучой и Учем- происходит по названию фетиша " бай йыгач" , широко распространенному у тюрков .

В. Радлов приводит название кедрового дерева Бай агач, к которому издревле приезжали тюрбецы и приносили жертвы [Радлов 1929, 345]. О значениях слова бай см. [Севортян 2, 23], Baranas balyq [Usp 102] - название города < скр. " название одного из семи священных городов, он же Бенарес, Каши" [Кочергина 1987,577], Qamlançu -название небольшого городка у İki Öküz [МК 3-260] < qam " шаман " + -la- nçu" место где совершаются шаманские обряды." Qaşqa Buğra - название двух местностей < " верблюд с белой отметиной на лбу" [МК 1-428]- топоним тотемного происхождения и др.

В. Топонимы - описания (дескриптивы)

1.Топонимы, отразившие местные географические условия. К числу подобных географических названий относятся в первую очередь топонимы, описывающие характер местности: Ala -пастбище близь Ферганы [МК1-82]. В качестве компонента часто встречается в тюркской топонимии. Ала " пестрый", в топонимах выступает в значениях " великий" или " гора" [Койчубаев 1974, 8] , или как географический термин для обозначения местности, где песок чередуется с такыром [Атаниязов 1968 , 25], Almalyq - название селения , упоминается в согдийских документах У111 в. - букв, "яблоневого", Altun qan (ALtum han) - название горы на земле уйгуров уйгуров [МК 111-416] < altyn " золото" + qan " рудник " , букв. " золотоносный рудник " , Artuç - селение в Кашгаре, родина МК [МК 1-95]. Сегодня это известный город неподалеку от Кашгара. Гробница первого мусульманского хана Кашгара Сатук Богра хана находится в этом городе. По Махмуду Кашгари топоним связан с названием растения artuç " вид можжевельника". Синьцзянские ученые выдвигают ряд версий относительно происхождения названия данного растения и связывают его с видом ели, которая у уйгуров всегда считалась священным деревом, объектом поклонения и символом многих поэтических творений [Абдукерим Рахман 1995, 148], Azğantu Qayas название местности, место битвы Кюль-тегина с огузами [Кт], ср. azğan " терновник" + -nt "древний аффикс обладания + qajas " скалы" - скалы заросшие терновником ?.

Baqyrlyq - местность у Баласагуна [МК 1- 495]- букв. " медная", ср. Baqyrlyq tağ "медная гора" [МК], Çağla[МК] - название летовки в области Уч. Ср.: чагла- " журчать" [Радлов 111-1849], Dizrulin [МК 3-149]- другое название города Янкенда . Топоним этимологизируется на иранской основе : dizruyin < ир. diz " замок, город, укрепление на вершине горы" + rujin " верхний , или бронзовый, латунный" [Савина 1971, 66; 183], İsiq köl - озеро в Барсгане [МК 3-135] - современный Исыккуль " горячее озеро", Körüng köl [МК 3-135]- название озера у Кашгара, ср. Körüng " быть видимым, показаться" [Радлов, 11,1254] - т.е. "озеро, видимое издалека"?, Tering köl - озеро на границе İki öküz, [МК 3-145], ср.: tering tengiz "глубокое и широкое море" [МК 3-310]. По Бартольду Теринг коль - это современный Балхаш, получивший данное название как самое большое озеро в крае [Бартольд , Соч. У, 85], Tawuşqan öküz - река, протекающая в городе Уч [МК 1-513]. Название сохранилось по сегодняшний день в форме Таушкан дарья. Название происходит ,видимо, от ташкан " разливающийся, полноводный поток, бурный поток", что вполне соответствует особенностям данной реки [Мурзаев 1974, 297], Qara Sengir - название вершины в горах близ Барсгана [МК 3-241], букв. " черная вершина". По указанию Э. Мурзаева кирг. диал. qaqa " непокрытое снегом место в горах" [Мурзаев 1984 , 256] , Qaş öküz - названия рек, протекающих с двух сторон города Хотан. Одну из них называют Ürüng Qaş Öküz " река белого нефрита", другую Qaqa qaş öküz, " река черного нефрита" . Эти камни добываются только здесь [МК 1-152]., Sizing köl- озеро , расположенное неподалеку от Кочнгар баши [МК 3-369] < ср. сызын" просачивающийся, просочившийся", **Taman-** река в Кашгаре [МК 1 - 402] <ср.: иранск. taban " сверкающий, ясный" [Абаев1971, 260]

2. Кроме этого, встречаются названия, дающие зрительные характеристики объекта описывая его форму: Ertiş [МК ,Топ] -река Иртыш . Махмуд Кашгарский возводит гидроним к глаголу ертишмак " спорить, соревноваться (кто быстрее перейдет реку) [МК 1-122]. Большинство ученых склонно видеть в названии древнюю индоевропейскую (кетскую) составную основу ир " бурлящий , бушующий " + тыш(цис// сес) "река" [Дульзон, 1962, Строев, 1964 Попова 1970] Казахский топонимист А. Абдрахманов видит в первом компоненте названия тюркское ir// iir "

"извилистый" > irtiṣ " извилистая река [Абдрахманов 1975, 93] , İla [МК \KB]- большинство исследователей возводит гидроним к монгольскому апеллятиву со значениями " блестящий, сверкающий, ясный" [Мурзаев, Никонов], Selenga - название реки [Мч]. Б.Владимирцов связывает гидроним с тунгусо-маньчжурским словом со значением " железный", Т. Бертагаев видит в нем монгольское слово sele-nge, где -нге - отглагольный и именной аффикс, отсюда селенгэ " плавный, просторный, спокойный" [Бертагаев 1980,127], **Jilun qol** [Мч] < может быть, jilan qol , букв."змеиный рукав" , по руслу реки, извиляющемуся подобно змее, Keyken - название двух рек, текущих из Каяса в Ила (*Kiçik Keyken \ Uluğ Keyken* [МК 111-175]. С. Койчубаев [1974,113] предполагает следующее происхождение названия: кейкен " немного вогнутый, или выгнутый", в значении "небольшой изгиб в седловине", Qayas - название нескольких городов у чигилей и тухси. Один из них называется Saplyq Qayas, второй - Ürüng Qayas, третий - Qara Qayas. В этих топонимах - образование множественного числа от qaya " скала", отсюда Saplyq qayas " Скалы в виде рукояти ?", Ürüng Qayas " Белые скалы", Qara Qayas "черные скалы".

3. В географических названиях может также содержаться описание месторасположение объекта: Altyn arğu ulus - одно из названий города Таласа ,:[Мал 1] < букв. " улус (край) нижних аргу", Altyn Jyş [М 27] - название горы [КТ]- Алтунская чернь" (на территории Алтая) < altyn "золото" или " нижний", Altyn Qyğ - название местности , МК указывает, что слово алтун\алтын имело значения, кроме "золото", также и " нижний, нижнее место, низовье" - " нижний хребет", Balu [МК] - название города племени аргу < иранск. Balo " верхний", "находящийся выше по течению реки , или выше по горному склону"[Розова 1975, 108], Barçan - название местности [МК 1-408] , возможно связать с ир. Bar " предлог, выражающий направление к поверхности" [Розова 1975 , 18] + çan " вершина горы"[Розова 1975 , 108] > Barçan " местность на вершине горы ", Maverannahr [МК]-из арабского " то, что (лежит) за рекой" -

название земледельческих оластей севернее Аму-Дарьи, Quz ordu/ Quz ulus - второе название Баласагуна < quz " часть горы, не освещенная солнцем"(северный склон горы)[МК]< " северная ставка"?

4. К числу топонимов - описаний можно отнести названия, несущие в себе субъективно-оценочную характеристику: Aǵuluq - название местности [Шине Усу] : ср. aǵuluq "ядовитый, отравленный" [ДТС, 24], или Aǵuluq. " ценный, почетный", или " пустое, заброшенное место" [CaFeroğlu, 1968,5], Aruq Turuq - перевал в горах между Кашгаром и Ферганой [МК 1-66]< агик турук " худой, истощенный" . По-видимому местность получила свое название из-за скудости травяного покрова [Юдахин], Baj Balyq - название города на Селенге [Sine Usu] - букв. " богатый город", Bedel art - перевал в горах между Учем и Барсганом [МК 1-392] < возможно bedel "почетный", или "бессердечный", название дано из-за большой высоты и труднодоступности перевала [Мурзаев 1978, 368], İnç kend -название города , в котором жил некогда Муканна [МК 111-442]. Ср. İnç " покой, спокойный" [МК 111-442] < inç kend " спокойный тихий город", Javas - тюркская река[Мч] < javaş " мягкий, кроткий, тихий" (название дано, видимо, по характеру течения реки), Man quşlaq - название местности в земле огузов [МК 1-465] < man " укрепленный " + quşlaq" зимовка, селение" -Манкишлак " укрепленная зимовка (селение) [Атаниязов 1974, 27] , Mankend - название развалин города у Кашгара [МК 3-157] < man " укрепленный" + kend " город" , Qara Yalğa -название оврага , рва расположенного между землями тюрков и Ферганой , букв. " черный (злой) овраг, Semizkend - тюркское название города Самарканда - "жирный (богатый) город" [МК]., Tünkend- название города [МК 2-326], Тип Jaǵu [КТ] - название местности связаны с апеллятивом tün " тихий, спокойный" .

Таковы основные смысловые модели образования древне-тюркских топонимов. Как видно, из рассмотренных материалов принципы номинации в топонимии практически не изменились с древнейших времен до сегодняшнего дня.

Историко-этимологическое описание древнетюркских топонимов

ABisqun - [ир.] название Каспийского моря (Хазарского) [МК 111]. В.Бартольд со ссылкой на арабские источники пишет что это название получено по имени портового города [Бартольд, т.3, 367]. По указанию древних источников Абискун был местом торга всех, кто ведет торговлю по Хазарскому морю, и был известен, видимо под наименованием Socanda. Подробнее об Абискун см. [Логашева 1980, 230-237]

ABul - название селения в Кашгаре [МК 1-73]. По мнению Е. Койчубаева [1974, 15] этноним абыл восходит к названию древних тюрков и встречается во многих районах Средней Азии, а также и в Кашгарии. Переводчики на уйгурский язык "Дивана" Махмуда Кашгари считают, что прочтение Abul не соответствует действительности, и здесь имеет место ошибка переписчика. В соответствии с данными указанными МК, а также на основании исторических источников Кашгара, они пришли к выводу, что данный топоним из "Дивана" следует читать, как Opa1, который сегодня на основании целого ряда исторических свидетельств определяется как родина и место захоронения Махмуда Кашгари [И.Муты, М. Османов, СТ, 1987, №4, С 79-89]

Açığ Altır Köl - название озера [Мч]

Azghiraq suwi - река племени Ягма [МК 1-144] < azgiraq "горный козел, муфлон" [МК 1-44]

Adziğ - селение на родине МК в Кашгаре, [МК1-63], расположен неподалеку от Опала, где находится гробница Махмуда Кашгари. Видимо следует связать с наименованием растения азык, имеющим мелкие красные плоды и во множестве растущим здесь [Абдукерим Рахман 1995, 146]. Ср.: ажык// ажыг "пологие и плоские окончания верховьев речных долин, открытый перевал (тув., шор., хак.) [Мурзаев 1984, 40]

Adhgiş - название местности [МК 1-96], ср., edhgiş "название тюркского племени, живущего в Озкенде" [МК 1-96]

Ağu - название местности (реки) [БК -34]: ср., Ağu "состояние, казна" [Мал]

Ağuluğ - название местности [Шине Усу] : ср. Ağuluq "ядовитый, отравленный" [ДТС, 24], ağurlyq " ценный, почетный", или " пустое, заброшенное место" [Caferoğlu, 1968,5]

Aj köl - местность близь Уча [МК 111-135] < букв. " лунное озеро" (ср. Yuldyz köl)

A1a - пастбище близь Ферганы [МК1-82]. В качестве компонента часто встречается в тюркской топонимии. Ала " пестрый", в топонимах выступает в значениях " великий" или " гора" [Койчубаев 1974, 8] , или как географический термин для обозначения местности, где песок чередуется с такыром [Ата-ниязов 1968 , 25]

Ala Jyğaç - местность на границе [МК 1-82]- букв. " пестрое дерево" (название дано , видимо, по названию фетиша -дерева, которому поклонялись, ср. Ba]]щас)

Alğuq - селение в Кашгаре [МК 1-101]

Almalyq - название селения , упоминается в согдийских документах У111 в. - букв, "яблоневого"

Altu Şan - название местности

ALtyn arğu uluş - одно из названий города Таласа [Мап 1] < букв. " улус (край) нижних аргу"

Altyn jyş [М 27] - название горы [КГ]- Алтунская чернь" (на территории Алтая) < altyn "золото" или " нижний".

Altyn Qyr - название местности . МК указывает, что слово алтун \алтын имело значения, кроме "золото", также и " нижний, нижнее место, низовье" - " нижний хребет"

ALtyn qan (ALtyn xan) - название горы на земле уйгуров уйгуров [МК 111-416] < altyn "золото" + qan "рудник ", букв. " золотоносный рудник

Aluş - селение в Кашгаре [МК 1-62], ср. : alyş " устье реки, место впадения проточной воды, водоем "[МК 1-231]

Amğa Qurğan // *Mağy Qurğan* - место зимовки войска Кюль-Тегина перед походом на огузов [КГ], ср.: амнга , тунг-маньж. "букв, рот, перен. устье реки, устье озера, ущелье" [Мурзаев 1984, 49]

Аш - название реки [Топ]

Aq say - название местности [МК 1-81]. Махмуд Кашгари сам дает толкование топонимическому термину say - " каменистое место"[МК 3-158]. Сводку мнений о сай см. [Мурзаев 1984,491]

Aq Tarmal - название местности или реки [Топ]

Aq terek - название моста через реку Или [МК 1-81] < " белый тополь "

Aramut - название местности < aramut " название тюркского племени жившего вблизи уйгуров [МК 1-139]

Arġu название местности между Таласом и Баласагуном [МК 11-269]. По указаниям Махмуда Кашгари словом аргу назывались области , расположенные меж гор, отсюда и название данной местности. Ср. также названия города Талас : Arġu Talas , Arġu Altyn Ulus[Мап]

Arni - название города тохарцев, современный Хазрат-имам [Сю, 290]

Arqar - название реки, или горы [Sine Usu] < arqar " дикий горный баран" (ср. Adhiraq suwi " река горных козлов")

Artuĉ - селение в Кашгаре, родина МК [МК 1-95]. Сегодня это известный город неподалеку от Кашгара. Гробница первого мусульманского хана Кашгара Сатук Богра хана находится в этом городе. По Махмуду Кашгари топоним связан с названием растения artuĉ " вид можжевельника". Синьцзянские ученые выдвигают ряд версий относительно происхождения названия данного растения и связывают его с видом ели, которая у уйгуров всегда считалась священным деревом, объектом поклонения и символом многих поэтических творений [Абдукерим Рахман 1995,148]

Aguĉ Тигик - перевал в горах между Кашгаром и Ферганой [МК 1-66]< ашк Пдгик " худой, истощенный" . По-видимому местность получила свое название из-за скудости травяного покрова [Юдахин]

Asbicab/İsbicab - одно из названий Чимкента (см. также Sayram) [МК 1-30]. По МК sayram " мелкая, неглубокая вода", в тюркских и монгольских языках так называется каменистое пространство меж двух рек. Х. Хасанов пишет, что Испиджаб по-арабски значит также " сухое пространство меж двух рек" и таким образом, данное название представляет собой кальку с тюркского [Хасанов 1965, 67]. Ученый указывает также, что данный город назывался и Ürüng kend" белый город", по-арабски это звучало как Мадинат -ул-бойзо " белый город". Согласно переводов "Дивана" Б.Аталая и С. Муталлибова asaугам - название Белого города.

Aşçan - город по дороге в Чин [МК 1-137]

Atlaq (İtlyq) - название города расположенного неподалеку от Тараза [МК] < atlaq//itlyq<\ " конюшня " [МК 1-98] Название упоминается также и в сочинениях авторов других стран .Подробнее см. [Петров 1985]

Adzğantu Qayas - название местности, место битвы Кюль-тегшина с огузами [КТ], ср. adzğan " терновник" + -tu "древний аффикс обладания + <qayas " скалы" - скалы заросшие терновником ?

Bağram Qum - пустыня между Кашгаром и Яркендом [МК 1-484] < bağram qum "ТОНКИЙ , лечебный песок".

Bay Balyq - название города на Селенге [Sine Usu] - букв. " богатый город"

Bay Jyğaç [МК]- название местности между Кучой и Учем-происходит по названию фетиша " бай йыгач" , широко распространенному у тюрков . В. Радлов приводит название кедрового дерева Бай агач, к которому издревле приезжали тюрбецы и приносили жертвы [Радлов 1929, 345]. О значениях слова бай см. [Севортян 2, 23]

Balasagun - город в Туркестане (см. также Quz ordu, Quz ulus) < boyla sangun , где оба компонента означают титулы китайского происхождения, однако распространенные у тюрков [ПГКТ, 242]. А. Бернштам [1941, 85] предполагал, что баласагун - " имя-титул". По мнению С. Толстова [1948] название восходит к монгольскому balqasun "город", но это относится, скорее, к Карабалгасуну.

Balyq - в доисламские времена тюрки этим словом называли крепости , укрепления , города. Уйгуры и сегодня называют свои города Beş balyq " пятиградье" , Yengi balyq " новый город" [МК 1-379]. В.Бартольд [т. 5, стр. 494]отмечал, что слово Balyq принадлежит к числу наиболее древних тюркских слов также как его омоним со значение " рыба". С.Толстов возводит оба эти омонима к корню Bal // bar "не текущий водоем, болотистый водоем" и считает, что данное явление омонимии свидетельствует о том, что в период завершения формирования тюркских языков, вероятно около сер. 1 тысячелетия н.э. взаимосвязь оседлости с рыболовством и обитанием в условиях озерно-болотистого ландшафта продолжала существовать [Толстов 1947, 74]. См. о значениях балык " город- рыба" [Севортян-2 , 65]

Balyqlыq - название реки [8те изи] - букв. " Рыбная"

Ba1и [МК] - название города племени аргу < иранск. Ba1o " верхний", "находящийся выше по течению реки , или выше по горному склону" [Розова 1975, 108]

Baqyrlyq- местность у Баласагуна [МК 1- 495]- букв. " медная", ср. Baqyrlyq tağ "медная гора" [МК]

Baranas balyq [Usp 102] - название города < скр. baranas" название одного из семи священных городов, он же Бенарес, Каши" [Кочергина 1987,577]

Barçan - название местности [МК 1-408] , возможно связать с ир. bar " предлог, выражающий направление к поверхности" [Розова 1975 , 18] + can " вершина горы"[Розова 1975 , 108] > Barçan" местность на вершине горы "

Barçuq - город построенный Афрасиабом , здесь живет тюркское племя чаруков [МК 1-466] - современный Маралбаши [Бартольд Соч., т.У, С. 79]. В истории уйгуров был известен царевич Barçuq tegin, создавший уйгурское государство Кочу, может быть Барчук - антропотопоним? По некоторым сведениям барчук - названия хищного животного из семейства тигров [Имин Турсун 1996]

Barman - крепость, якобы построенная сыном Афрасиаба Барманом. [МК 1-135] < barman " брахман"[БТС]

Barsgan - название города, построенного сыном Афрасиаба Барсганом . Или согласно другой версии, приведенной МК так звали погонщика коней уйгурского бека, который пас в этом месте коней[МК 3-369]. В. Бартольд считает, что исходя из данной версии можно заключить, что уйгуры доходили некогда на запад до Иссык-куля и что об этом сохранилась память в XI в. [Бартольд, соч. Т. 5, 84].По Гардизи в основе названия лежит словосочетание pars+qan " эмир персов" [См. Бартольд, соч. т.5, 84]. В.Никонов считает , что название могло означать "логово барса" [Никонов 1978, 89]. Здесь по-видимому, мы имеем дело с патронимом барсхан < этноним барсган, упоминаемый МК. Более близки, на наш взгляд предположения А.Абдрахманова, согласно которым barsgan < bar "большой" + sygan/ sagan " укрепление , крепость"> " большое укрепление [Абдрахманов 1979, 73]

Barxan [МК 1-436]- Западный Китай, а также название горы близь Кашгара. По мнению Э.Севортяна бархан происхо-

дит от сибирско-тюркского парган ""идуший, подвижный холм"" , или от уйгурского барган с тем же значением [Севортян 1979,65]

Bavil balyq - город Вавилон [Цзр 95]

Benglikek tağ - ставка " сына Тинси" [Тон.]

Bedel art - перевал в горах между Учем и Барсганом [МК 1-392] < возможно bedel "почетный", или "бессердечный", название дано из-за большой высоты и труднодоступности перевала [Мурзаев 1978, 368]. Перевал под этим же именем известен и поныне - в бассейне реки Сарыжас на территории Кыргызстана. Через него по словам В.Бартольда проходил, начиная с У11 в. , один из торговых путей из Китая в Западную Азию, южному берегу Иссык-куля и оттуда в долину Чу [Караев 1987, 113]

Beş Balyq - один из самых крупных городов уйгуров [МК 1-379]. Указание МК на то, что Бешбалик - один из крупных городов уйгуров дает основание предполагать, что такой горд существовал действительно, и потому название Бешбалик относилось не только к краю, в котором было пять крупных городов, но и к самому городу. В памятнике Бильге -кагану, в " Алтун яруке" указывается на то, что Сенгу Сели Тутук был выходцем из Бешбалика , который был тогда летней резиденцией правителей Кочо. Грум=Гржимайло предполагал, что Бешбалык - располагался неподалеку от Жимсара.

Bim (скр. bhima) - название города, упоминаемое в Уйгурской версии биографии Сюаньцзая. Развалины его обнаружены и идентифицированы А. Стейном и известны в настоящее время под именем Узун-таты [Сю, 298]

Bolçu [М, Топ] - название местности и реки, упоминается также как Boluçu .

Böklü Çöl[КТ- 4] - название степи , возможно связать с bökli - название народа? [БТС, 117]

Buhara [МК 1-471] - название города, в форме Buqaraq упоминается в древнетюркских памятниках. В. Бартольд пишет, что название стало известно около 630 года и считает возможным принять версию о происхождении названия из санскритского Buhara " монастырь" [Бартольд , Соч., 3, 378]

Bulğar [МК 1-456] - известный тюркский город, столица Булгарии, в основе названия - одноименный этноним

Buqaç art [МК] - перевал, ср.: тунг-маньж. букачан, бук-чан "остров, холм, бугор, сопка" [Мурзаев 1984, 100]

Bükür [МК 1-361]- название крепости на горе в Восточном Туркестане между городом Куча и землями уйгуров, это пограничная территория [МК 1-394]. Э.Мурзаев указывает на Бугур - оазис и город на одноименной реке на южном склоне Тянь-Шаня, китайское название которого - Лунтай означает " колесная платформа, башня, вышка" [Мурзаев 1974, 287]. Исходя из исторических материалов видно, что крепость Букур была построена около X в. Синьцзянские ученые предлагают несколько вариантов этимологии топонима: bükür < bük"высота"+ ür " крепость" - " крепость на вершине "[Абдукерим Рахман 1995, 155]. А. Сайдулла указывает, что крепость была построена на одноименной горе, рельеф которой напоминал горб человека [Анвар Сайдулла, 1995], ср. : bükür " горбатый" [Радлов, 1У, 1878], или" склон, скат" [Будагов, 1871, 286]

Ceyhun - название реки у огузов, так назывались крупные реки [МК 1-59, 394]. По мнению ученых - это современная Аму-Дарья. Название библейское и могло быть привнесено в Среднюю Азию христианами или мусульманами, по аналогии с реками Сирии Джейхана и Сейхана, у арабов джейхун означало " большая река" [Бартольд. Соч. , 3, 210]

Çağla [МК] - название летовки в области Уч. Ср.: чагла- " журчать" [Радлов 111-1849]

Çakuk [Сю] - название города Каргалык < санскр. сакика

Çaparka [МК 1-29] - Япония

Çigil balyq/Çigil kend [Мал] - название города, восходит к названию племени чигиль

Çin [МК, KB] - Китай < скр. ста . Ср. также Чин-Мачин -"Верхний и Нижний Китай". Средний Чин назывался также Хитай [МК 1-453], Нижний Чин именовался как Barhan [МК 1-436]. По мнению В. Никонова (1966, 193 (название Чин восходит к имени династии Цинь (111 в. до н.э.), или же происходит от китайского жи-нэнь " на юге от солнца"

Çuğay quzi - военно-политический центр первого и второго тюркского каганатов [Топ] , тюркское название горной системы Хангая: çuğay"тенистый " + quz , " часть горы не освещенная солнцем [МК 1-325]. Данное название калькировано в китайских источниках как Иныиань " гора Тени (севера) [Czeglady 1962 , 58; Малявкин 1989 , 131] .

С. Кудайбергенов[1985] считает , что древнетюркское чугай имеет семантическую близость с монгольским шугуй со значениями " роща, бор, чаща", которое впоследствии стало передаваться в древнетюрк-ском слове йыш с аналогичными значениями. Что касается второго компонента топонима - quiz, ученый считает, что куз исторически, вероятно, представляет собой фонетическую разновидность формы слова қут

Çuğay jyş [КТ] - Чугайская чернь (см.Çuğay quzi).

Çurcan - граница мусульман по дороге в Чин [МК 1-436]. Джуржан - арабская форма иранского Gurgan < авест. Vahrkana [Бартольд. Соч. У11, 260] - название этноса

Dizruyin [МК 3-149]- другое название города Янкенда . Топоним этимологизируется на иранской основе : dizruyin< ир. *Diz* " замок, город, укрепление на вершине горы" + *ruyin* " верхний , или бронзовый, латунный" [Савина 1971, 66; 183]

Edil/İtil [Е -363] - название Волги (см. Etil)

Egük qatun [Е 3] - название местности. Во втором элементе топонима qatun исследователи видят тюркское " река" [Мурзаев 1964], В. Добродомов [1984] против и считает , что в катын - древнетюркское " госпожа, повелительница"

Enatkak (< согд.) [Сю] - Индия

Er qamyş [8те изи] - название местности

Er sagun [МЧ] - название местности (ср: Balasagun) < ег , тюркск. " муж, герой" + sangun , кит. " название титула

Ertiş [МК ,Топ] - река Иртыш . Махмуд Кашгарский возводит гидроним к глаголу ертишмак " спорить, соревноваться (кто быстрее перейдет реку) [МК 1-122]. Большинство ученых склонно видеть в названии древнюю индоевропейскую (кетскую) составную основу ир " бурлящий, бушующий " + тыш(цис/ / сес) "река" [Дульзон, 1962, Строев, 1964 Попова 1970] Казахский топонимист А. Абдрахманов видит в первом компоненте названия тюркское *ir//iir* " извилистый > irtiş " извилистая река [Абдрахманов 1975, 93] . Э. Мурзаев связывает первую часть гидронима с тюркским ирмак [Мурзаев 1970, 341]. Е. Койчубаев [1974, 85] выдвигает версию в поддержку мнения Махмуда Кашгари: Ертиш/ Ертис < артыш " перевал", букв. " переваливать". Название дано, по всей вероятности, по характеру русла реки.

Etil [МК 1-173] - название реки протекающей в землях кыпчаков и впадающей в море Булгар, один из рукавов реки протекает в землях Рус [МК 1-103] (река Волга). По мнению ученых термин этиль // итиль первоначально имел значение "река, большая река" [Кононов 1975, Хасанов 1965] (Ср.: öküž, , seyhun " большая река"

Ezganty qadaz [ВС), КТ] - место сражения Бильге-кагана с огузами

Farab [МК-470] - второе название Карачука , город огузов. По мнению ученых Фараб - одно из названий города Отрара на юге Казахстана : Farab арабская форма персидского Purgab "многоводная, полноводная река" [Абдрахманов 1975, 184: Караев К. 1978 со ссылкой на А. Минорского]. В тюркском названии Озкенд , оз по указанию Махмуда Кашгари -" ущелье меж двух гор", отсюда вероятно, что озкенд означало "город в ущелье меж двух гор" [Конкобаев 1980, 135]. Эта этимология тем более возможна, если принять во внимание, что наименование Fergana суть арабская форма названия иранского Parkana " межгорная равнина с одним выходом, причем данная этимология полностью соответствует морфологии Ферганской долины [Мурзаев 1974, 199, со ссылкой на М.Андреева], и , таким образом, тюркское Fergana- калька с иранского Рагкапа > ар. Фергана , поскольку древними насельниками долины были ираноязычные согды.

Firot - название реки . Это суть тюркское название Ефрата, происхождение название связывается с сир.-арамейским Ефрату " очень широкий, могущественный" [Березин , Никонов]

Harzem - название известного тюркского города [МК 1-357]-город Хорезм. Топоним упоминается в формах Hwarizam (Авеста), Huwarazma. Исследователи возводят топоним к древнеперсидскому словосочетанию , в котором конечный компонент - zam (-zmi) в полном согласии этимологизируют как "земля" , и по-разному читают первое слово - "страна, где хорошие укрепления для скота" , или " земля Востока, " " земля-кормилица" и проч. Сводку этимологии см. [Боголюбов 1962: Мурзаев 1974]

Hazar [МК] - Каспийское море (Abisqun) - восходит к названию древнего этнонима хасар

Hotan - город между Индией и Кашгаром (см., Шип). Хотан по сведениям Махмуда Кашгари относился к тангутам и к тюркам был присоединен позднее. Жители Хотана имеют свой язык и письмо, тюркского языка хорошо не знают [МК 1- 29, 111 - 118]

Название города восходит к термину *xotan* " жилище, дом , поселение, город, крепость" на многих индоевропейских городах; позднее термин стал достоянием тюрко-монгольских народов [Мурзаев 1974, 355]. Санскритское название города *Kustana* " грудь земли", " пуп земли" считается ученой этимологией [Бартольд т. 3, с. 533]. В исторических документах встречаются различные варианты топонима: *Khotana* (в 111 в. на шрифте кхарошти, *Gaustana* - в памятниках на санскрите, *Yutina*(брахми), кит. *Yutien*, *Udun* [Герценберг 1965: 10]

İki Öküz [МК]- название города, расположенного между рек Ила и Яфинч [МК 1-91] - букв. " две реки"

İla [МК \ KB]- название реки - это Джейхун тюрков. На берегах этой реки проживают племена ягма и тухси, а также часть чигилей [МК 1-92]. В У11-Х111 вв. долина реки Ила рассматривалась как граница мусульманского мира [Бартольд Соч. ,3,433]. Большинство исследователей возводит гидроним к монгольскому апеллятиву со значениями " блестящий, сверкающий, ясный" [Мурзаев, Никонов]

İnç kend - название города , в котором жил некогда Муканна [МК 111-442]. Ср. *inç* " покой, спокойный" [МК 111-442] < *inç kend*" спокойный тихий город", ср. *Tünkend!*" СПОКОЙНЫЙ город" [МК]

İsyq köl - озеро в Барсгане [МК 3-135]- современный Исык-куль " горячее озеро"

İspicab [МК] см. *Aspicab*, *Sayram*

İtlq [МК] см.: *Atlyq*

Yabaqu suwi - название реки, вытекающей из гор Кашгара и протекающей меж городами Фергана и Озгенд [МК 3-36] в основе гидронима - название племени > "река племени ябаку"

Jabaş - тюркская река[Мч] < *yawaş* " мягкий, кроткий, тихий" (название дано, видимо, по характеру течения реки)

Jafğu - название городка у Барсгана [МК 3-32]. В основе названия лежит древнетюркский титул ябгу " вице-каган", который обозначал также и правителей западного каганата> *jabğu* "этноним"

jabğu art : - перевал племени Ябгу (ср. титул ябгу)

Jağma - название селения у города Тараз [МК 3-334], совершенно очевидно связано с этнонимом ягма

jaltyrğan Qaş - название местности [Usp 28] < букв. " сверкающий нефрит"

Jamar - название местности . Река , берущая здесь местах и текущая в степях ябаку называется jamar suwı [МК 3-28]

Jaryş - название степи, расположенной посредине между восточной (Шантунская чернь) и западной (Темир капыг) границ тюркского каганата [8.11]. Слово йарыс употреблено в памятниках как название степи, местности, а также в значении " равнина". По мнению С. Кудайбергенова [1985, 33] йарыш \ йарыс гомогенно с йазы " степь, равнина" .

jarkend- название реки и города в Туркестане [МК 1-484]. Существует и поныне в Синьцзян- Уйгурском автономном районе КНР. В соответствии с народной этимологией название означает - " город на яру, город на обрыве". Исследователи считают это результатом позднейшего переосмысления и возводят название к иранскому: 1.< ир. Jar "камень" + kan "канал, река" > jarkan "каменный канал, каменная река", по названию реки - и название города [Мурзаев 1974, 301]

2. Jarkend < иранское " город на отроге, или мирный город" [Никонов 1966, Ивановский 1914]

Jaşyl öküž [КТ] - тюркская калька китайского Хуанхе " желтая река" [Кононов 1980, 105 , Бартольд, У, 318]

Jecüc ve Mecüc - мифические страны, находящихся по библейской, христианской и мусульманской эсхатологии у крайнего предела мира и отделенных от цивилизованных стран громадной стеной, якобы сооруженной Александром Македонским (Искандером Зулкарнаином арабских источников).

Jençü öküž [КТ,ВК, Топ] - Жемчужная река, восточная граница Согда. По указанию С.Г. Кляшторного отождествление названий принадлежит Маркварту, который обратил внимание на то, что в китайском тексте Карабалгасунского памятника та же река носит название Чжень-чжу-хэ "' река истинного жемчуга", а оба названия вместе являются калькой местного названия реки Jaksart (т.е.Сыр-Дарья). Название Jaksartes по древнеиранским материалам этимологизируется как " истинный жемчуг", оно не означало названия всей реки, а лишь отрезок ее между Ташкентом и Ленинабадом. Др.т. Йенжу - среднее течение реки Сыр-Дарья. В нижнем течении скифы(саки), населявшие эту территорию называли ее Silis (= sir)

- это название относилось первоначально к нижнему течению реки, и лишь позднее распространилось на всю реку [Кляшторный 1964, 75-76]

Jengi balyq [МК] - название местности и города у уйгуров < букв. "новый город"

Jengkend [МК] - название города < *jengi kend* "новый город", ср.: *jengi balyq*

jyş - географический термин, встречающийся в составе оронимов во многих памятниках древнетюркской письменности: *Ötüken jyş*, *Qadyrqan jyş*, *Altun jyş*, *Kögmen jyş* и др. ДТС предлагает следующую трактовку термина: чернь, нагорье с долинами, пригодными для проживания [ДТС 268]. Ыыш (чыш, чью) в т.я. Саяно-Алтая означает "горы, покрытые хвойным лесом" [Боргояков 1975]. Известно, что в мифологии и фольклоре гора и лес могут перевоплощаться друг в друга, представляя собой полный синкретизм терминов, обозначающих гору и лес [Криничная 1988, 238]. Гора являлась наиболее распространенным вариантом трансформации мирового дерева, существуют многочисленные примеры совмещения горы и дерева, нередко понятия горы и дерева передаются словами общего корня [Мифы и легенды 1, 311]. В тюркской мифологии самым ярким примером совмещения понятий гора-лес является ороним *Ötüken jyş*, где оба компонента, в принципе означают одно и то же - "горы, покрытые тайгой".
Л

Joğra jyş [Мч] - название местности: ср.: *joğur* - "переходить, переваливать" [ДТС 270] + *jyş*

Jula köl - название озера [Мч]. Ср. *Jul* "источник, ручей", или *jula* "факел, светильник" [ДТС 278]

Julduz köl - название озера [МК 3-135] < *julduz* "звезда"

Jun aryq - название летовки вблизи Баласагуна [МК]

Kargü - название местечка у Селенги [Ram., Sine usu]

Kaşgar [МК \КВ] - название города (и края) в Восточном Туркестане, столица караханидов; центр культурной и политической жизни. Кашгар назывался также и Ордукенд "город-ставка, город, где живет хан. Сюаньцзань упоминает Кашгар как *Qaş balyq*, в китайских источниках Кашгар часто упоминается под именем *Sulī*, которое может быть китайской транскрипцией слова *soğdaq* "согдиец" [Ибрагим Мутъи 1996, 102].
Исследователи

предполагают санскритское происхождение названия: Kaşgar < санскр. kaṣ " нефрит" +gar " камень, или гора "•> kaşgar "нефритовая гора" [Мурзаев, Pelliot], или " нефритовый город" [Ибрагим Мутъи 1996, 103]

Kavanta (skr. Kabandha) - название местности, современный Сарыкольский район с главным городом Ташкурган [Сю, 292]

Kaz - название горной системы, соответствует кит. Цун~ лин, уйгурское Кяз судя по маршруту Сюаньцзяна относится к системе Куньлуня и Тянь-Шаня [Сю, 292]

Kazvin - город в Северном Иране. Предполагают связь названия с народом каспи, обитавшем в Закавказье [Никонов 1966, 167]. По Махмуду Кашгари город Казвин основан дочерью Афрасиаба - Каз. Название Kazvin < Kaz oyni " место, где играла Каз " , также как и река, на которой любила охотиться Каз называлась Kaz suwi " вода (река) Каз " [МК 111-149]

Kem - название реки, у которой уйгурский каган Элетмиш разбил чиков [МЧ, Тегх.], локализуется на территории современной Тувы [Кляшторный 1983]. Тувинское кем, хем - " река", употребляющееся только в названиях многочисленных рек. Термин возможно, относится к индоевропейским образованиям. У хакасов кем " река" [Мурзаев 1984 , 269]

Kencek sengir [МК] - название города у Таласа на границе кыпчаков [МК 1-480] < kencek " название тюркского племени кенджек "[МК 1-480] + sengir " вершина горы" [МК 111-362] > " вершина (гора) кенджеков"

Keyken - название двух рек, текущих из Каяса в Ила (Küçük Keyken \Ulug keyken [МК 111*175]. (Совр. Кеген в Казахстане?). С. Койчубаев [1974,113] предполагает следующее происхождение названия: кейкен " немного вогнутый, или выгнутый", в значении "небольшой изгиб в седловине".

Kend "город". У огузов и их ближайших соседей слово кенд означало "кишлак, селение" [МК 1-344]. Т? Рахматов считает что слова - ken/kat употреблялись согдийцами, а его варианты kend/kent - тюрками, причем сначала только в значении "город", и лишь затем -"селение" [Рахматов 1973,49]. По В.Хромову топонимы на -канд/ -кенд относятся к тюркскому топонимическому слою [Хромов 1978, 94]

Kengü Tarban [КТ/ БОТ- западная граница тюркского каганата

Keşmir - город тюрков, основанный пророком Сулейманом [МК 1-457] < skr.. kaşmira < kaşuaramira " озеро(море) Кашьяпы" - где Кашьяпа - мифологический герой, якобы прорывший туннель в горе и соединивший горное озеро с Индом [Никонов 1974, 185,Березин, 1968, 135]

Kingüt - название города на границе уйгуров [МК 111 — 362]

Kögmen yer-sub - страна-Кегмен , ср. также Kögmen juş " Кегменская чернь" \ Kögmen tağ" Кегменские горы" [Топ, КТ, Мап]. Когмен и кит. Цин-Шань имеют одинаковое значение " голубой, синий" [Зуев 1970]

Kök önüg [Топ] - название реки < kök önük " синий цвет"

Kömür tağ [8/11]- название реки , букв. " угольная гора". В тюркской ономастике весьма распространено явление, когда реки получали названия по именам гор, городов и проч.

Körüng köl [МК 3-135]- название озера у Кашгара, ср. körüng-" быть видимым, показаться" [Радлов, 11,1254] - т.е. "озеро, видимое издалека"?

Kuça - один из уйгурских городов [МК 1-361, 396] < köçe ир. "улица, поселок"

Küngüt [МК] - название местности в землях ягма

Kusen - одно из названий города Кучи, граница уйгуров [МК 1-404]

Maçın [МК , KB]- название Нижнего Китая < в Центральной Азии Китай назывался Mahaçınadis < skr. Mahaçinadessa " Великий Китай " [ДТС 338, Кычанов 1962, 152]

Magi qurğan - место зимовки войска Кюль -тегина перед походом на огузов [КТ]

Man qyşlaq - название местности в земле огузов [МК 1-465] < man " укрепленный " + qyşlaq " зимовка, селение" - Ман-кишлак " укрепленная зимовка (селение) [Атаниязов 1974, 27]

Mankend - название развалин города у Кашгара [МК 3-157] < man " укрепленный" + kend " город" . Ср.: ман " плетень-,забор, огороженное место" [Радлов 1У, 2015]

Maverannahr [МК]- из арабского ma vara an-nahr " то, что (лежит) за рекой" - название земледельческих областей севернее Аму-Дарьи, завоеванных арабами и подчиненных исламу... Под влиянием литературной традиции и в самой Средней Азии выражение Мавераннахр употреблялось достаточно широко [Бар-тольд , т. 3, 477]

Merv- название города , граница, от которой начинаются города тюрков [МК 3-149] - Merv-es-şahiçan [МК] - второе название Мерва, в отличие от Мерв ар Руда - " Мерв - шах великий" [Хасанов 1965, 68]

Minglak - название местности у уйгуров [МК 1-434] < ming название племени мингов + -lak " аффикс собирательности -множественности - место ,где расположено племя минг". Минг -название одного из самых больших узбекских племен, занимавших особое положение в общественно-политической жизни Кокандского ханства [Ахунов 1987 , 89]. По мнению синьцзянских ученых Минглак - это современная Кулджа [Тургун Алмас 1989, 449]

Öküž - тюркское название долины реки Бенегит (огузское). Также назывались и все крупные реки типа Ефрата и Джейхуна < тюркское " текущая вода, река" [МК 1-49, Хасанов 1962]. У арабов слово джейхун также означало " большая река" [Бартольд, Соч., т. 3,]

Ordu- ставка, город, где проживал хан(каган) [МК]

Ordu balyq - город у Баласагуна [МК1-425]" город-ставка". Была известна также ставка уйгурского кагана в середине Отюкена - Орду балык (городище Карабалгасун) [Кляшторный 1983 ,121]

Ordu kend - другое название города Кашгара < ordu "ставка: резиденция кагана". Так назывался Кашгар, поскольку здесь была ставка кагана [МК 1-124] (ср. также Ordu balyq " город-ставка)

Orqun - река Орхон [8.И] , впадающая в Селенгу. Гидроним Орхун означал , очевидно, "вошедшее, входящее" [Бертагаев 1980, 126]

Ötüken - по МК - это название местности в татарских степях [МК 1-151]. В тюркских рунических надписях - Отюкен-центр тюркского мира, священная родина тюрков и резиденция каганов. По исследованиям Л.П. Потапова термин имеет следующее развитие значений , Ötüken -топоним , ср.: монг. otugen <etugen "земля-владычица, божество земли" = тюркское й " название святой горы у тюрков"- " горы, покрытые тайгой " [Потапов 1957, В. Владимирцов 1929], см . также [Кудайбергенов 1981]. Л.Потапов предполагает, что Отукен, находившийся в верховьях Енисея, продолжал оставаться священным горным хребтом и у орхонских тюрков, и переселение на другую территорию не могло вытеснить из их сознания представления о своем родоплеменом божестве или духе-покровителе.

Здесь в новых географических условиях, в условиях оторванности от реально существующего в верховьях Енисея горного хребта Отукен, последний стал постепенно осознаться не как конкретный горный хребет, а как абстрактное общетюркское божество земли [Потапов. 1957, 115].

Özçend - название города и местности [МК 1-96] < ср. **Özkend** - второе название Ферганы - букв. " свой город" [МК 1-344]. По мнению современных исследователей **öz** в составе топонима следует сопоставить с **öz** " долина, проход между горами" , приведенным МК, и отсюда **Özkend** " город в долине" [Конкобаев 1980, 135]

Qadyrqañ jyš - название гор (Хинган?) [КТ]

Qajas - название нескольких городов у чигилей и тухси. Один из них называется **saplyq qajas**, второй - **ürüng qajas** , третий - **Qara qajas**, **qajas** в этих топонимах - образование множественного числа от **qaja** " скала", отсюда. **Saplyq qajas** " Скалы в виде рукояти ?", **Ürüng qajas** " Белые скалы", **Qara qajas** " черные скалы"

Qamlançü - название небольшого городка Ш оғиг [МК 3-260] < **qam** " шаман " + **-lan-çü-** " место где совершаются шаманские обряды." Известная уйгурская легенда о пяти младенцах из дерева, гласит, что это событие произошло у места, где сходятся Тогла и Селенга в местечке Камланчу.

Qapuş - название местности в землях аргу [МК1-369]

Qara buluq - название местности [8.СГ]

Qara jalğa - название оврага , рва расположенного между землями тюрков и Ферганой , букв. " черный (злой) овраг. Есть поговорка связанная с этим местом "Пока не наступят трудные дни - не подступай к **Qara jalğa** " [МК 3-333]

Qara jotuqañ - название реки [8.и]

Qara köl - место сражения Кюль тегина с азами [КТ] , букв, "черное ("родниковое" , или " злое") озеро" . О значениях топонимического термина **qara** см. [Мурзаев 1984 , 256]

Qara qum - название южных отрогов Ханхая [8.11] < букв." черные пески" . Распространенное в тюркской топонимии название. По мнению Э. Мурзаева **кара кум** - ландшафтный термин, определяющий тип пустыни - " земляные пески" , в отличие от барханных песков **ак кум** [Мурзаев 1984,

Qara sengir - название вершины в горах близ Барсгана [МК 3-241], букв. " черная вершина". По указанию Э. Мурзаева кирг. диал. qara " непокрытое снегом место в горах" [Мурзаев 1984,256]

Qaraçuq - название города Фараба - одного из огузских городов [МК 1-487]. На карте , приложенной к "Дивану" также отмечены горы Карачук, по идентификации Х.Хасанова - современные Каратау в южном Казахстане [Хасанов 1964]. По указанию В. Бартольда горы Каратау при тимуридах , монголах назывались Карачаук. И. Умняков допускает, что это могут быть Мугоджарские горы. Qaraçuq < qara " черный (сводку топонимических значений см . Мурзаев) + -çuq- " аффику диминутива" , широко распространенный в топонимии [Караев С. 1987 ,117]

Qarğalyq - крепость у Таласа [МК 1-527], топоним можно связать с аффиксацией qarğalyq " изобилующий воронами", или, что более вероятно < qarğuluq < qarğu "сторожевая башня" [МК 1-450] + -lyq " аффикс обладания" > " (крепость) со сторожевыми башнями". В пользу последнего предположения говорит тот факт, что приводя данное слово в "Диване" МК дает пометку : восходит к qarğulyq [МК1-527].

Qarluq köl - название озера [8.11] , название , очевидно, связано с этнонимом карлук - " озеро карлуков", или, что более вероятно - " снежное озеро"

Qarnaq - один из огузских городов [МК 1-473]. Ср. : *qarnaq* " жирный" , пузатый " [МК 1-473] (Ср.: Самарканд), или qarnaq " казна, драгоценность" [ДТС, 439]. В Казахстане, в Чимкентской области, вблизи Туркестана есть зимовка под таким названием. С. Койчубаев сводит топоним к названию этнонима тюрок. А. Абдрахманов [1986, 26] видит в топонимии : кар " снег" + -нак " аффикс обладания" - " снежный".

Qaş öküž - названия рек, протекающих с двух сторон города Хотан. Одну из них называют ügüng qaş öküž " река белого нефрита", другую Qaqa qaş öküž " река черного нефрита" . Эти камни добываются только здесь[МК 1-152]. Китайское название Моюй " черный нефрит" - калька с уйгурского [Мурзаев 1974, 288]. Современные названия этих рек - Бокра и Баврен.

Qasar Qordan [Тегх]. Название западной ставки уйгурского кагана в верховьях реки Тез на западном склоне Отюкена < qasar " хазар" , термин qordan < " тюркское наименование Хотана", перенесенное из Восточного Туркестана [Кляшторный 1983, 122]. Термин хазар нередко отождествляют

с уйгурским племенем (шестым из союза он-уйгур) [Щербак 1971,78 , со ссылкой на Д. Дунлопа]

Qasi - селение на родине Махмуда Кашгари < qasi " хлев, коровник" [МК 3-224]. И сегодня неподалеку от Опала имеется местность , именуемая Каси , или Качи [Абдукерим Рахман, 1995, 147]

Qaşqa boğra - название двух местностей < " верблюд с белой отметиной на лбу" [МК 1-428]- топоним тотемного происхождения

Qasuy -название реки [МЧ] , ср.: Qaz suwı

Qatun sini- город между Чином и тангутами [МК 3-152]< букв. " могила госпожи" . Как отмечает И. Г. Добродомов, топонимы, производные от нарицательных наименований женщин широко представлены в в разных регионах земного шара и даже в мифах [Добродомов 1984,142]. Э. Мурзаев [1964,10] склонен видеть в катунь ныне утраченной древнетюркское " река", но это оспаривается И. Добродомовым.

Qawaq Art - высокогорное , труднопроходимое место между Озчендом и Кашгаром [МК 1-383] < ср. qawaq" пустое дерево, дупло" + art " перевал". Более вероятно сопоставление первой части топонима с кабак " обрыв, косогор, высокий берег реки или озера " [Конкашпаев , 1963,136. Подробно о термине кабак см.: Мурзаев 1980]

Qaz suwı - название реки, впадающей в Ила. Название реке дано в честь дочери Афрасиаба Каз, которая построила на берегу реки крепость [МК 3-165] < Qaz suwı " вода (река) Каз"

Qazlyq - название озера [МЧ] < qazlyq " обладающий гусями ?"

Qurçaq - название местности у Кашгара [МК 1-427], восходит к этнониму кыпчак

Qytaj - [Топ, МК] - название страны (XIII) - Средний Чин. Название восходит к этнониму - кидань, народу известному с У- XII вв., владевшему Северным Китаем [Радлов, Бартольд, Никонов и др.]

Qyzyl öz - название кишлака и долины [МК 1-194, 1-80] < qyzyl букв. " красная " - в топонимике может употребляться в значении " запад, или юг" [Кононов 1974, Баскаков -1971] + öz " долина, проход меж гор" [МК 1-46], или < qysyl " теснина, ущелье" [Suv.]

Qoçu- один из уйгурских городов (Kussen, , Kuça) [МК 1-113]. (сегодняшний Карахожа)- столица Турфанского уйгурского государства. Есть предположение о том, что название восходит к этониму qoçu- одному из автохтонных племен Турфана, которых за их могущество и силу называли qara qoçu " могущественные, великие кошу" (этот этнотермин мог сохраниться в современном названии Карахожа), от которых происходят канглы [Абдукерим Рахман 1995, 173-175]

Qoçnkar başu- название города [МК 3-319] < букв, qoçnkar " баран - производитель" + başu "голова". Однако если иметь в виду наблюдение Э.Мурзаева о том, что если горы имеют название по реке, то к названию прибавляется слово баши , т.е. "начало" - начало реки Кочнкар ? (Ср. также название населенного пункта Маралбаши на реке Кашгар)

Qomuq- название местности [МК 3-339] - восходит к названию племени комук

Quşlağaq- название местности , при которой Кюль -тегин сразился с азами [КТ]

Quz ordu (Quz uluş) - второе название Баласагуна < quz " часть горы, не освещенная солнцем"(северный склон горы)[МК]< " северная ставка"?

Sayram [МК 3-176] (Saryam, İsbicab) - название города (Чимкента) < sayram " мелкая неглубокая вода " [МК 3-176]

Saqyş - название местности [МЧ]. Происхождение названия неясно

Saxsin -город, близкий к булгарам, - это Сувар[МК 1-437]

Sekirme [МК 1-490]- городок по дороге в Хотан. Происхождение названия не ясно.

Selenge - название реки [Мч]. Б.Владимирцов связывает гидроним с тунгусо-маньчжурским словом со значением " железный", Т. Бертагаев видит в нем монгольское слово selenge, где -нге - отглагольный и именной аффикс, отсюда селенгэ " плавный, просторный, спокойный" [Бертагаев 1980, 127]

Semerkind - название города (Semizkend) [МК]

Semizkend - тюркское название города Самарканда - "жирный (богатый) город" [МК]. Как свидетельствуют исторические источники Самарканд назывался также Мароканда, Сама-риана и проч. На основе сопоставления всех этих названий города современные исследователи выдвинули различные гипотезы о происхождении названия: Была выдвинута версия, основанная на данных Махмуда Кашгари, согласно которой название города Самарканд восходит к тюркскому слову *semiz* " жирный , богатый", а его форма *samar* - есть более древняя форма (ротацизм в тюркских языках) [Рахматов 1973, 50], или же иранское оформление тюркского слова [Хасанов 1965,50]. Эти же ученые допускают возможность иранского происхождения названия Самарканд < *Samariana* < *Marokanda* < *Hamaga* , иранское слово со значениями " собрание, сборище" + *kend* " селение, город" > Самарканд " место сборов, кишлак для советов"[Хасанов 1965], или же *Samarkand* < *samar* - перс, "арык, канал" + *kand* "селение, город" > " селение(город) возле арыка , или с арыками [Рахматов 1973]

Sigun samur - название местности [МК], ср: *sigun* " марал, олень" + *Samur* < skr. *Sumeru* " название горы" [Caferoğlu 1968 211]

Sidzing köl (*Siding köl*) - озеро , расположенное неподалеку от Кочнгар баши [МК 3-369] < ср. *сызын* " просачивающийся, просочившийся"

Sita - общее название для рек Яркенд и Тарим, встречающееся в санскритской литературе [Малявкин, 1989, 278]

Soğd - город между Бухарой и Самаркандом [МК] - по названию этнонима согдийцев

Suğnak - один из огузских городов [МК 1-471]. Название сохранилось и поныне и означает развалины у Кызыл-Орды неподалеку от Сыр-Дарьи. А. Абдрахманов [1975,161] считает, что название означает " укрытие, укрепленное место"

Soqaq yolu - название места [Мч] < *soqaq* [МК 1-214, КБ] " сайгак" - " тропа сайгаков"

Süngüz başqan - священная вершина тюрков посреди Отюкена , у слияния рек *yaba/ Tigu* [Тегх.] [Кляшторный1983, 122]

Suwar - название тюркского города, он назывался также

Sahsin [МК 1-344] < ср.: ведийское swar, suar "солнце" [Дюмезиль 1886]

Suwlaq- название местности < suwlaq "водопой" [МК 1-464]. В переводе на уйгурский язык "Дивана" указано, что и сегодня в старом Кашгаре имеется селение с таким названием

Sülmi - название города Кашгар [МК]. В китайских источниках упоминается название древнего государства Шулэ в Восточном Туркестане, занимавшее значительную территорию в северо-западной Кашгарии с центром в районе г.Кашгара [Танские хроники... 1989, 200]

Sançu - название городка [МК 1-417]

Şaş - см. (Taşkend\ Terken). Последние исследования ученых позволяют говорить об этой связи. Так, Э.Пуллиблэнк предполагает связь слова Чач - с енисейскими языками с тем же значением "камень"= кет. Tyues, котт. 813, что могло быть следами завоевания хуннами Согдианы [Пуллиблэнк, 1988, 39]

Şu- название города(МК) < тибетское "вода, река" [Мурзаев 1974, 257], или]>и < эй , тюркское "вода, река" [Абдрахманов 1975, 195] .

Tabğaç / Tawğaç - название верхнего (восточного) Чина

Talas - название города (Kumi Talas, uluğ talas) [МК]- см. Tiraz. МК приводит апеллятив talas со значениями "лента для указания границы поля в игре". Может быть, Талас "граница, пограничная река?"

Tamaq İduq Tağ [БК] - название горы, где прошло сражение Кюльтегина с карлуками . " священная гора Тамак", где tamaq букв, "горло" , в топонимии - устье реки, вход в ущелье, небольшое ущелье [Мурзаев 1984, 542]

Taman - река в Кашгаре [МК 1- 402] <ср.: иранск. taban " сверкающий, ясный" [Абаев1971, 260] , или тюркское taban " подошва горы, подножье, дно реки, озера" [Мурзаев 1984, 542]

Tayğan köl - название озера [Мч] < tayğan "борзая "[МК]

Taşyq baş - название местности [Цзр 5] < tasyq " выступающий, выходящий" + Baş " голова"

Tiraz - название города Талас [МК], современный Тараз. Название связывается с апеллятивом тараз " плотина на реке, большом канале, распределяющая воду по арыкам, каналам." [Мурзаев 1984, 543]

Torig art tiz - пастбище у Кашгара , в названии tiz " высокое место, отсюда персы называют свои города diz " [МК 1-374, 3-123].

Э. Мурзаев связывает название современного перевала в Кашгаре Торуг арт с топонимом, приведенным МК - " малиновый перевал", и отмечает, что породы, слагающие здесь водораздел горы, действительно окрашены в темно-красные и малиновые тона" [Мурзаев 1978, 352]

Tarim(Usmi Tarim)- название реки, протекающей на границе уйгуров у города Кцзе [МК 1-336] . Этим же словом обозначаются по указаниям МК устья рек, впадающих в озера , или же теряющихся в песках. Приуроченность многих топонимов, образованных при помощи этого термина к окончаниям рек, иссякающих в пустыне,- пишет Э.Мурзаев [1974, 296],- подтверждает объяснение, данное ему Махмудом Кашгари. В основе слова тарим лежит тюркское тар- " разделяться, разбиваться на части". Существует также мнение о монгольском происхождении данного названия: Tarim < монг. Таря " пашня, земледелие" [Певцов]. И.Я. Слоним, поддерживает гипотезу М.Певцова, который предполагает иносказание в названии Тарим " река-кормилица" [Слоним 1959, 345]. МК дает еще одно значение слова tarim - титул выходцев из каганской семьи, "царевич". Женщин -представителей каганского рода называли altun tarim. Синьцзянские ученые предполагают, что название титула происходит от названия реки Тарим, издавна считающейся великой рекой уйгуров, священной рекой. Что же касается апеллятива tarim, то он связан со значениями "пашня, земледелие, посевы", или со значением " состоящий из многих притоков, рукавов"(для реки) [Абдукерим Рахман 1995, 151-153]

Tering köl - озеро на границе İki öküz [МК 3-145], ср.: tering tengiz "глубокое и широкое море" [МК 3-310]. По Бартольду Теринг коль - это современный Балхаш, получивший данное название как самое большое озеро в крае [Бартольд , Соч. У, 85]

Taşkend - по МК название города означает " каменный город", арабы зовут его поэтому Çaç [МК 1-343]. В.Бартольд указывал, что в древнекитайских известиях (со 11 в. до н.э.) коротко упоминается область Юни (Юйни), которая позже совпадает с районом Ташкента, позднее эта же область называется Чеши, а также просто ши, причем соответствующий иероглиф употребляется в значении " камень" Китайская транскрипция несомненно соответствует известному в мусульманских источниках туземному названию Чач (арабское Шаш) , но до сих пор остается под вопросом, связано ли, и как именно, нынешнее тюркское название, впервые

упоминаемое в XI в. с Чачем, или Шашем [Бартольд. Соч. 3-499]. Последние исследования ученых позволяют говорить об этой связи. Так, Э.Пуллибляэнк предполагает связь слова Чач - с енисейскими языками с тем же значением "камень" = кет. *tyes*, котт. *Sis*, что могло быть следами завоевания хуннами Согдианы [Пуллиблэнк, 1988, 39]

Tawğaç / Maçın - название восточного Китая [МК 1-453] от названия рода *thag bar*, основавшего в 386 г нашей эры династию Северная Вэй [ДТС 526]

Tawuşqan öküž - река, протекающая в городе Уч [МК 1-513]. Название сохранилось по сегодняшний день в форме Таушкан дарья. Название происходит, видимо, от ташкан "разливающийся, полноводный поток, бурный поток", что вполне соответствует особенностям данной реки [Мурзаев 1974, 297]

Temir Qaryğ- название местности (города) - западная граница Тюркского каганата [Тон.] - букв. "железные ворота", название отождествляется с Железными воротами, Дербентом.

Terken - другое название Ташкента [МК 1-123]

Toğla - древнетюркская река, приток Орхона [Тон.]. Б.Владимирцов [1911] считает, что название следует читать как *Togula* < *togula*, в котором Э.Мурзаев видит слово, гомогенное с общетюркским *tök-* "лить, разливать" [Мурзаев 1974, 244]

Toqurqa - название местности в Кашгаре, ср.: *токурка* "ручка сосуда" [МК 1-420], название реки в форме *Togurgu* приведено в [*shine usu*] < *togur-* "преодолевать" + афф. *gu* > "преодолевающий"

Tübüt - название Тибета, вероятнее всего, что название проникло к нам через арабов, которые уже в VIII в. веля торговлю с Китаем: < Тхубуд < Тху бои бод "руководящий бод", где бод - так называли свою страну тибетцы [Зайцев-Кузнецов 1963, 195]. По мнению В.Никонова эта этимология спорна, он считает возможным связать название с *thub* "сильные, мощные" [Никонов 1974, 417]

Tünkend - название города [МК 2-326], "спокойный город"

Tün jazy [КТ] - название местности связаны с апеллятивом *tün* "тихий, спокойный"

Toquş -название местности [Мч], ср.: toquş "сражение, битва"

Uç - город у тюрков, здесь протекает река Тавушкан окюз [МК 1-513]. МК сам приводит апеллятивные значения слова: "конец, вершина", uç el "народ,живущий на границе" [МК 1-105]

Udhu kend - название города у аргу, происходит от слова udhu "холм, высокогорье" [МК 1-114]< udhu kend "город на холме". С. Умурзаков [1985, 12], анализируя происхождение ферганского Узгена, дает ему толкование "город на холме", однако по мнению большинства исследователей Узген следует скорее сопоставить с названием Özkend- другое средневековое название г. Ферганы

Udun(Hotan) - еще одно название Хотана, жителей Хотана также называют udun [МК 1 -234], под этим именем город упоминается и в Биографии Сюаньцзяня

Usar balyq - название города [Сю] . Л. Тугушева отождествляет название с Янгисаром . А. Стейн считает, что Усар балык находился между Яркендом и Янгисаром. Известно, что в китайских источниках Яркенд именовался 8ака, что соответствует названию племени саков, в древности обитавших и правивших здесь. В древних буддийских документах и река Яркенд , и Тарим назывались saка - названием санскритского происхождения [Ибрайим Мутъи 1996, 104]

Vereng -название местности у Рума, его называют также Üreng [МК 1-135]. Данный топоним И.Умняков отождествил с Киевским княжеством [1940], а по мнению С.Волина [1968,116] это скорее варяги, жившие по Бируни - на Балтике

Zanbi art - название перевала между Кочнгар баши и Баласагуном < zanbi " сверчок " [МК 3-441] .

Заключение

В настоящем исследовании сделана первая попытка системного анализа древнетюркской ономастики, намечены первые контуры глубокого и фронтального исследования уникального явления, каим является система древнетюркских миен собственных. Полученные результаты исследования позволяют сделать некоторые выводы:

1. Исследование древнетюркской ономастики во всем многообразии источников ее формирования и особенностей функционирования позволяет говорить о древнетюркской ономастике, как сложившейся и устойчивой системе. Древнетюркская ономастическая система, включающая в себя многообразие взаимосвязанных элементов, относящихся ко всем секторам ономастического пространства и представляющая собой своеобразный материал, организующийся и регулирующий в соответствии со строго определенными принципами и по четким моделям, требует системного подхода к изучению закономерностей ее формирования и особенностей функционирования.

2. Имеется достаточно оснований утверждать, что основные типологические особенности, лингвистический инвентарь, словообразовательные модели и структурные элементы тюркской ономастической системы окончательно сложились уже в древнетюркскую эпоху, а в период раннего средневековья, в связи с принятием ислама, ономастическое пространство тюркоязычных народов пополнилось мощным арабским, или еще шире -исламским пластом собственных имен.

Уже в древнетюркскую эпоху были окончательно выработаны и продуктивно использовались своеобразные механизмы образования ономастического пространства, определены принципы номинации и закономерности, формирующие ономастическую систему. На основе всего этого сложились соответствующие подсистемы топонимов, этнонимов, антропонимов и других групп онимов.

3. Как показывает анализ древнетюркской ономастики, ее формирование проходило в результате сложного переплетения субстратных, адстратных, заимствованных и собственных структур и элементов, что было связано с многообразием культурных слоев, которые были освоены или выработаны древними тюрками, преемственностью и развитием социально-политических систем, имевших место в древних государственных образованиях тюркских народов (Первый и Второй тюркские каганаты, Уйгурские каганаты, Караханидское государство, государства кимаков, кыргызов, Уйгурское Турфанское княжество и т.д.).

4. Кроме того, на формирование и функционирование древнетюркской ономастической системы, в определенные периоды решающее влияние оказывала и религия. Тюрки в разные периоды, а иногда и одновременно в разных регионах испытали на себе воздействие практически всех мировых религий, параллельно с этим не утрачивая и древнейших традиционных культов, и все это нашло отражение в ономастиконе.

5. Древнетюркскую ономастическую систему во всех ее основных уровнях: антропонимии, этнонимии и топонимии - характеризует наличие нескольких лингвокультурных пластов - древнейшего субстратного - индоиранского (согдийские, санскритские, тохарские, хотаносакские имена), нового культурного пласта заимствований (исламские имена) и базового - собственно тюркского, в отдельных моментах восходящего к алтайской общности языков.

6. Древнетюркские имена собственные имели своеобразные особенности функционирования. Так, система антропонимии характеризуется наличием нескольких основных антропонимических категорий, которые в достаточно полной мере отражают особенности функционирования антропонимов в древности и особенности социально-политической системы общества. Эти основные категории, как правило, заменяют друг друга и таким образом можно выделить несколько антропонимических подсистем, отличающихся друг от друга сферой функционирования, хронологическими рамками распространения, социальной значимостью.

7. В области этнонимии особенности политической организации тюркского общества породили ряд других явлений и структур, обозначаемых терминами, которые могли поглощать в себя этнонимы, заменять их, противопоставляться им. Так , термины буцун, эль, толес, тардуш - выполняли функции, аналогичные функциям собственно этнонимов. С другой стороны, этнонимы со временем приобретали статус гораздо шире, чем просто этническое наименование, как это было , например с этнонимами Türk, Uyğur, Oğuz, Tele и проч.

8. Древнетюркская топонимия также имеет ряд особенностей функционирования собственных имен, таких как, наличие топонимических дублетов - имен различного происхождения для обозначения одного объекта в один и тот же исторический период: Ташкент - Şaş, Fergana - Özkend, Sayram - isbicab и др. Такое явление ОТНОСИТСЯ к так называемым индикаторам этнических границ в зоне лингвистического взаимодействия, и возникновение топонимов- дублетов и топонимических калек свидетельствует о наличии двуязычного населения, что в свою очередь часто говорит о размывании эндогамного барьера этноса.

9. Структурные типы и основные смысловые модели древнетюркской ономастической системы практически в неизменном виде сохранились в современной тюркской ономастике, таким образом, древнетюркская ономастика явилась базовой основой для формирования современных ономастических систем тюркских народов. И для более глубокого понимания закономерностей формирования и функционирования современных ономастических систем тюркских народов, для более полного осмысления единства этих систем, а также выявления истоков и факторов, дифференцирующих эти системы, необходимо детально и всесторонне, системно и глубоко изучать древнетюркскую ономастику во всем многообразии ее проявлений и форм.

Index

AbamuBurxan 182	Arig 183	BarçaTurmiş209
AbaqTutuq 209	Ark Arslan 157	Barman 163,185
Abi 177, 182	Arslan 157, 182	Barq Turmis 186
Adaj 180, 182	Arslan balban 157	Bars 185
Adaj Quncuj Tangrim 182	Arslan Bilge Tengri ilig	Bars buqa, Qara buqa 157
AdamTogrıl 182	idiqqutl 50	Barsgan 163, 185
Adgu 180, 183	Arslan Siq Topril 157	Barunçu 187
Adiz 120	Arslan Xan 176	Barv 185
Afrasjab 164, 182	Arti Inal 183	Basa 185
Afıjar 89, 111	Aruni 183	Basa Toğril 207
Aga 182	As 176, 183	Basan 185
AiToldi 167	AsanTutun, 209	Başçı 187
Aj tenri 123	Asana 136,155, 183	Başqirt 89, 104
Aj Tenride Qut bulmis 147	Asig Bulmis 183	Basmyl 89, 109
Aj Toldi 175	Asmis 184	Batyq 186
Ajas 179, 182	Atls 179	Beçenek 113
Ali 164 Alp 182	Atyş 183	Beg//bek 185
Alp Qutlug Bilge Ujgur	Az elteber 129	Begi 177
qagan 147	Azaq/Adağ 184	Begtili 111
Alp tegin 180	Baca 184	Begu Tutuq 209
Alp er Tonga 176	Bacaq 154, 184	Bekeç Arslan Tegin 176 186
Alp Isbara sengun Jaglakar	Baçara 184	Bekina 187
148	Badizçi 157	Bekira 187
Alp Qutluq 182	Badruk 181, 185	Beklen 181,186
Alp Qutluq Bilge qağan 148	Badrun 187	Bektur 180
Alqaboluk 112	Bağa 184	Bilga Tonjuquq 139
Altun qara 155	Bagatur Çigşi 185	Bilge 141, 186
Altun Tamgan Tarkan 130	Bagramkum 213	Bilge Ujgur qağan 148
Altun tarim 182	Baj 184	
Alty ?ub sogdaq= 81	Bajan 89	Bogra Qara xan 176, 186
Ambi 153	Bajandur 89	
Anantasiri 182	Bajat 89,112	Bolat Buqa Inal 186
Apa Tarxan 130, 182	Baqsi 185	Bolat qaja, Temur qaia. 155
Apar 132		Bolus 181
Aprin 90f 182	Baraq 190q	Bongak 186
Ara 183	Baraq Buqa Sanggun 185	Borluqçi 186, 187
Aramut 89	Barça 185	Bort baj 186
Argu 89, 106, 213		Buçan 187

Budasiri 187	Çaqıdu 188	Elçi Çor 184
Budraç /Budhraç 178, 187	Çaqırça188	Eletmiş Bilge qagan 75
Budun 73, 76	Carig Inal 188	Elgur Tutung 184
Bug çor 140	Çaruqluq 89, 114	Elik 184
Bujan 188	Çawaldur 180	Elteber 129
Bujan Qaya 155	Çavli Bej 180	Eltenriş qagan 139
Bujan Qalmiş 147	Çawa 166,180, 188	Er 184
Bujan Qutlug 147	Cemsid 163, 178	Er ati 119
Bükdüz 112	Çengşi 163, 178	ErBori 184
Bulğaq 1806 188	Çepni 114	Er Buqa 184
Bulğar 8,96, 107	Çidin 189	Er Togmis 184
	Çigil 188	Erdeni Qatun 184
	Cigsi 188	Eren 184
	Çin 189	Erk Arslan Sangun 184
	Çinar terek 189	
Bululdaj 153	Çintsu Sila 189	Ertis 213
Bumin 137, 187	Çitun Seli 189	Feridun 164
Buqa 187	Çoluq 189	Hajdar 177
Burçuy 153	Çoqi 189	İç qalmiş
Burslan 165	Çor 129	Tengrim 190
Burxan quli 156	Çor qağan 189	Idi qurt 189
Burxan Quli 187	Çuri 189	Iduqqut 127
Busaçi 187	Çuwaldar 114	Igdir 112
Butur 188	Dahhak 164	Ijsu(Iso), Nuh, Ibrahim,
Buz-oq 41	Ebu Bekir - il - Kaffal - us -	Ishak, Yafes 160
Çağ Ogly 188	Sasi 161	Jki9i 189
Çağri Tegin 176	Ediz 184	Iktu Sang Bas 189
Çağri Beg 176 188	Ejmur 112	İliçuq 190
Cajsi 188	El 74, 76, 94, 189	Ina 141
Çakir Tonga kan 162	El <i>turmis</i> Sangun 157	Inal çuq 190
Çakir Taj si 188	Elçi 184	Inaloz 177
Çapaq Tegin 188		Inanç 190
Caparka 213		Inanç beg 180
		Inançü Bağa tarqan 148
		Inç 190
		Indzu 190
		Ini Jaglakar 190

IriminBag 190	Kamala Afari 192	Men?uk 195
Isa 164	Kawsut 178	Mengu Temur 195
Işbara 138	Kaz 163	Merkit 157
Işbara qağan 190	Kendzek 89, 108	Mubarak K09 156
Ijika 153	Kerej 193	Muhammed ʔakir Tonga
Isira 190	Kili? 180	xan 176
Iskender 164	Kintsu 193 Kintsu, Kimtsu	Mulda 153
Istemi 190	193	Nizameddin Israfil Togan
Jabaqu 88	Kirasiz Iduq Qut 193	Tegin 162
Jabatu 190	Kokttlrk 31	Nom quli 156
Jabgu 127	Kfll tegin 141	Nuh 164
Jabgu 88	Kftl Bilge xan 166	Odgillmiş 167
JabizAjna 191	Котик 177	Ogdulmis 180
Ja9angir 191	Korujok 193	Ogdurmi? 167
Jagan tegin 180	Koni Quz 193	Ogur 896 100
Jagl? 109	K(19 tegin 166, 180	Oguz 97, 98
Jaglakar Bilge	KUl (r'iguj 142	Ojgur 97
120	KUl tegin 142	On oqbudun 73
Jagmur 191	Kul tudun 142	Onogur 97
Jam inal 191	Kuli Çur 145	Ozmis Tognl 207
	Kumaru 169	Qaj 88
Jami. 137	Kumüş tegin 180	Qajig 111
Japduterak 191	Kün tengri 123	Qanly 89
Jaq Sylyq 191	Kün toğdu 175	Qapagan qagan 140 Qara
Jaraspidi 191	Kürebir 120	baqşı 155
Jariçi 191	KUsala 195	Qara Temur, Turmis Temur
Jawa 88	Küsemiş 167	157
Jazgyr 112	Kutak 194	Qaraboltik 112
Jecuc ve Mecuc 213	Kutan 195	Qara evli 89
Jegan Kulug Sangun (Usp,	Kuzunçi 194	Qarluq 73, 89, 104
26),	Laçin Inal 195	Qatmis 181
Jegan Kulug Sangun 191	Lama 195	Qatun 128
Jemek 83	Likan 195	Qorumçi157
Jollug tegin 118	Makraç 118	Qunçuy 128
Jolluq 146	Mamat Mongul Çin 195	
Junpi, 192	Markid 195	
	Masi 195	
KadBurqan 192	Mekiling Qurça 195	

Qutluq 147,156	Taş qan 206	Tura 102
Qutluq Bilge Kül Qağan 147	Tat tabğaç 82	Turges 88, 95
Qynyq 110	Tat 82, 89, 105	Turk 39, 73, 78, 79, 87, 92, 93, 94
Qypçaq 45,102,103	Tawğaç jeka 206	Turk sir budun 73
Qyrğyz 88,101	Tegin 128,206	Turkmen 39, 88, 95
	Tegimlik 206	Turkut 31
Rüstem 164	Tejik 206	Turumtaj 176
	Tekeç 177	TururMunsuz 209
Şad 128, 153	Tele 98! 206	Turns Qatun 209
Salğur 111	Temür qaja	Tuturqa 113
Sambun 153	Temir qapyğ 211	
Samsiba 153	Tengri quli 207	Uç oguz 97
Saniyaç 153	Toğril 176	Uç qarluq 33, 88
Saranguç 153	Tojin 154	Uç-oq 41
Selcük 179	Tölak Timur 207	Udaj Elçii 210
Senga 153	Tölis 179	Udmyş 210
Sijavuş 163	Tolак Тетир 208	Ujgur elteber 129
Singu tutng bag 157	Tolez 76	Ujgur 80, 89, 97, 100
Soğdaq 81,89	Ton Бада Тарқан 148	Uklit Tengrim 210
Sökmen 180	Tongaa 207	Ulugur Elçi210
Soma 153	Tonga tegin 176	Ulaundluğ 896113
Somaçi 153	Tonga xan 176	Ulam 210
Soqta 153	Tonjuquq 139 208	Umaj210
Suli 166	Tonma baqşı 207	Umiçi 210
Süngüş179	Toqsuz 208	Urawasi 210
Suqaq 89	Toquz oğuz 144	Uregir 113
Suwar 107	Tor 78,94	Ureng 213
Tabğaç 82	Torçi 155,208	Urmiş Inal 210
Taxmures 163, 177	toxsi 210	Ürüng Lama Barxan 210
Tajınçaq205	Toz timur 211	Utar 181
Tansuzuq Wişun 205	Tuda Açari 208	Utuş 181
Tapar 181		Utuz 210
Tapidu181	Tudun Jamtar 118	
Tapmiş 205	TÜger 113	Vereng 213
Tarduş 73,94	Tugluq Qutluq aja 209	Visvabu 210
Tarim 206	Tujnaq Silavanti 208	
Tariqçi 206	Tulat 208	
Tartış 206	TumanIngu 208	
Tarxan 129, 181	Tumis Temur 209	

Абд-ал Карим 159	Башкир 45, 83, 105	Иркин 129
Авраам, Исаак,	Баяндур, баят, кай	Идикут 61
Израиль, Исаия 170	41	Изгил 35
АдайКыз 172	Бепо 141	Илик/ЕНз 190
Айгучи 62	Бегю-каган 67	Иль-каган 122,
АлпКутлук 172	Бек 62,131	137
А л п К у т л у к	Бек Арслан 172	Иналь каган 143
Бильге-каган 121	Бек е ч А р с л а н	Иркин 55
Алп тегин 166	Тегин 166	Истеми 143
Алп эльтебер 146	Б и л ь г е К ю л ь	Йамы 137
Алп-Иилтавар 129	Кадыр-хан 63	Иемек 45
Алптархан 130	Бильге-каган 141	Йоллыг-тегин 14
Алтун-абаПО	Богра Кара хакан	5
Апа каган 143	64	Канглы. 34
А п а Т а р х а н	Бопо-каган 122	Капаган-каган 122
130,172	275	Кара-каган 138
Ариг Тегин 172	Боняк 172	Карлук 59,63,68
Арслан Апа 172	Бугра хан 160	Касар каган 149
Арслан Бильге	Будун 56, 73	276'
Т е н г р и И л и г	Бузук 41	Катун 55
Идикут 61	Буйрук 59,62, 130	Кенджек 108
Арслан Кара хакан	Буку чин 149,	Кимак 43
64	○ 152	Кочо 61
Арслан хан 172	Булгар 39, 129	Кули-чур 56
А р с л а н - А к а ,	Бумин-каган 66,	Куман 103
Арслан-тунга 170	122, 137	Кумару 169
Арслан-хан 160	Бурхан кули 172	К у м р у , К у м р у
Афрасиаб 63, 176	Буса (Буса, Бусат)	Мажар (кумару)
Ашиде 30, 32, 47,	146	171
56,78	Во1ш 186	Кутлуг Бильге
Ашина 29, 30, 32,	Гаопой 34, 144	Тархан сенгун 147
38, 55, 56, 63, 78,	Гузз 40	Кутлук 139
80, 120	Джекуй 143	Кутлук Бильге
Базыр Арслан-хан	Династийное имя	Ябгу 147
63	121 Динлин 34, 35	Кутлук Бильге-
Байташ 160	Ельэтмиш Бильге-	каган 121
Барс бек 172	каган 121	Кутлук тегин 166
Басмыл 32, 54, 78,	П р к А р с л а н	Кыпчак 42,43,44,
103	Сангун 172	102,103

К ы р г ы з
36,48,49,50,68,80,1
01
Кюлюг Бильге-
каган 121
Кюлюг Эльтебер
146
Кюч Тегин 166
Мочжо 122
Моюн чур 147
Мукан 138
Муса Буграхан 160
Мухан 66
Нивар 66, 138
Огдульмшп 169
Огдурмиш 168
О г у з
38,41,80,85,88,96,
101
Огулчак Кадыр-хан
63
Он уйгур 35
Он ок будун 56
Ортузд 151
Пантэлэ 152
Персонифицирован
ный титул 122
Печенег 41, 89
Печенеги, узы
(торки), каепичи,
Половцев 42
Пуса 67
Родовое имя 120
Сатук Богра-хан
159
Са-чжи 152
Сеяньто 45
Сир 39, 45, 47,

103
Сир//шир 47
Сир-тардуш 45
Сулейман Арслан
хан 160
Тардуш 56, 78
Тардуш каган 143
Тарим 170
Тархан 62
Таспар 66, 138
Тегин 55, 62, 166
Теле 34, 35, 37, 38,
46, 54, 89, 98, 99,
Тогла 146
Тогрул 165
Тойин 62
Токуз-огуз 34, 36,
37, 40, 46, 57, 59,
60, 63,
Толес 78
Тон Тархан 130
Тонга 165
Тонга Илик 160
Тонга Тегин, Тонга
хан 165
Тоньюкук 140,
172
Торки 95
Тохси 82
Тумэнь 137
Тура 35
Тургеш 95
Туркмен 84, 95,
104
Турумтай 165
Тутук 59, 130
Туцзюе 31, 40
Тюргеш 31, 56

Тюрк 27, 30, 39,
66, 78, 79,95, 134
Тюрки-туцзюе 39
Тюркут 38
Уйгур38,46,54,57,5
8,60,61,63,67,68,80,
99,
Ука-тегин 149
Учок 41
Хазар 129
Хазар-тархан 130
Хакас 50
Чагри 165
Чакар 189
Чангир Тайши 205
Чигиль 64, 84, 108
Чор 55
Шад 55
Шадапыт 130
Эдиз 36,59
Эльтебер 47, 55
Эльтериш 122*
Эльтериш-каган
122
Юаньчжан 139
Ябгу 55
Яган 165
Яган Тегин 165
Яглакар 35, 59, 67,
80, 120
Яглакар, отуркар,
торламур,
бокаскир, авугач,
кас 35
Ягма 63,64,82,84
Ямтар 46

Список сокращений

- БК** - памятник Бильге-кагану (хану Могилян) // Малов СЕ. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. С.11-25
- ДТС** - Древнетюркский словарь. Л., 1969
- Е (Е 1- Е 85)** - Енисейские памятники // Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников Енисея. Л., 1983
- КТ** - памятник в честь Кюль-тегина // Малов СЕ. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. С. 19-35
- КЧ** - памятник Кули-чуру // Малов СЕ. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.- Л., 1959. С. 25-30.
- КБ** - Yusuf Has Hacıb. Kutadğu bilik. Tercüme. 11. Reşit Rahmeti Arat. Ankara 1959.
- Ман.** - памятники манихейского содержания // Le Coq., Türkische Maniheica aus Chotscho .1- III. Berlin 1911, 1922, 1931/
- МК** - ММahmud Kaşğarlı. *Divanu Luğat-it Türk*. Çeviren Besim Atalay. Çilt 1-3 . Ankara, 1939-1941 .
- МЧ** - памятник Моюн -чуру // Малов СЕ. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. С. 30-44.
- Тон.** - памятник в честь Тоньюкука // Малов СЕ. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. С. 56-70.
- СРС** - Кочергина Л. Санскритско-русский словарь . М. 1974
- Сю.** - Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. М., 1991.
- ТТ** - Bang - Gabain. Türkische Turfan texte. 1-X.
- Usp** - уйгурские юридические документы X-XIII вв. // Radloff W. Uigurische Sprachdenkmaller. L. 1928

Библиография

- АБАЕВ В.И. Историко=этимологический словарь осетинского языка. М. 1958(1), 1973(2), 1979(3)
- АБАЕВ В.И.Тюркские элементы в осетинской антропонимии/Леория и практика этимологических исследований.М.1985.С.23=29
- АБДРАХМАНОВ А. А. Об этимологии некоторых казахских антропонимов//Изв. АН КазССР.Сер. филолог. 1989, 4, С. 26-30
- АБДРАХМАНОВ А. Кейбгр топонимдердш этимологиясы жайында// Казак ономастикасынын мэселелер1. Алматы 1986. С. 16-30
- АБДРАХМАНОВ А.А. М. Кашгари жэне ономастика мэселелер1/ Казакстан мектеб1 1971. N 10.С. 88-91
- АБДРАХМАНОВ А.А. Актуальные проблемы тюркской топонимики// Ономастика Узбекистана.Ташкент. 1989. С. 15-167
- АБДРАХМАНОВ А.А. Казакстан этнотопонимикасы. Алматы, 1979
- АБДРАХМАНОВ А.А. Некоторые вопросы топонимики Казахстана:Автореф.дис. к.ф.н. Алматы ,1954.12 С.
- АБДРАХМАНОВ А.А. Проблемы топонимики Востока//Зестник АН КазССР196Ш7.С196.
- АБДРАХМАНОВ А.А. Топонимика жэне этимология. Алматы, 1975
- АБДРАХМАНОВ А.А.Казакстаннын жер-су аттары.Алматы. 1959. 12 с:
- АБДУКЕРИМ РАХМАН . Об этимологии некоторых географических названий в "Дивану лугатит тюрк" Махмуда Кашгари // Сборник научных трудов Синьшянского университета. Урумчи. 1995. С. 141-167 (на уйгурском языке)
- АБДУРАХМОНОВ Г. Рустамов А. Кадимги туркий тил. Тошкент.1982.
- АБДУРАХМОНОВД., Бектемиров Х., Ономастика узбекских дастанов/ / Узбекское народное творчество. Ташкент, 1967. С. 177-197
- АБДУРЭНІМ НЬЭБИБУЛЛА .Исследование этнического названия уйгуров/ Шинжан ижтимаий пэнлэр тэттикати. 1986, N2, С .132-155 (на уйг. яз.)
- АБРАМЗОН СМ. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии/ / ТКАЭЭ, вып.3. Фрунзе 1959, С.31-43
- АБРАМЗОН СМ.Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л. 1971.

- АБРАМЗОН СМ. Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня// Этническая история народов Азии. Л. 1972. С. 67-821
- АГАДЖАНОВ С. Г. Проблемы этнического взаимодействия в Средней Азии и Казахстане в эпоху Средневековья(У111 - нач.Х1 Ив.)// Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М. 1988, С. 3-7
- АГАДЖАНОВ С. Г. К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана//Изв. АН ТССР. Серия общ. наук.1977,Ю. С.80-83
- АДИЛОВ М, САДЫКОВ З. Об азербайджанской антропонимии//СТ, 1971,Ш,С.113-118
- АЙДАРОВ Г. Коне туркруникжазуларындагы кейб1р казак этнонимдер!// Вестник АН ССР, 1965,Ш. С. 78-79
- АЙДАРОВ Г. Тоньюкук ескертишшеп кейб1р топонимикалык атауылар// Тр. Института яз. АН КазССРД963, т.3. С. 179-181
- АЙДАРОВ Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алматы, 1971
- АЙТМУРАТОВ Д. Тюркские этнонимы. Нукус, 1986
- АЛДАРОВА Н.Б. Бурятская антропонимическая лексика. Исконные личные имена. Автореф. Дисс. Канд. Филолог Наук. М., 1979
- АЛМАС ТУРГУН. Уйгурлар. Урумчи 1989 (на уйгурском языке)
- АЛТАЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. Л., 1984
- АМАНЖОЛОВ А.С. Графика таласских, енисейских и орхонских надписей//Казак тілі мен Эдебіети. Вып. 3. Алматы, 1973. С. 16-26
- АМАНЖОЛОВ А.С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. дисс. дф.н. Л. 1975
- АМАНЖОЛОВ А.С. К генезису тюркских рун // ВЯ, 1978, №2. С. 76-87
- АНВАР САЙДУЛЛА. О названии " Бугур'7/Шинжантэзкириси 1995, № 2 (на уйг.яз.)
- АНТРОПНИМИКА./под ред. В.Никонова, А. Суперанской. М. 1970
- АТАНИЯЗОВ. С. Топонимический словарь Туркменистана. Ашгабад. 1970.
- АТАНИЯЗОВ С. Туркменистан топонимиясы. Ашгабад\ 1981
- АХИНЖАНОВ С. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. А., 1989.
- АХМЕДОВ. Т. Азербайджанская палеотопонимия. Баку. 1985

- АХМЕТЗЯНОВ. М.И. Древнетатарские личные имена в родословных записях//Исследования языка древнеписьменных памятников.Казань 1980.С. 124-132
- БАЗЕН Л. Человек и понятие истории у древних тюрков Центральной Азии в Уйгурском в.// Зарубежная тюркология . М. 1986, С. 345-360
- БАЙЧОРОВ С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь. 1989.
- БАЛТИН П.И. К семантике древнетюркского "сир'7/ Сб. трудов Карачаево-черкесского госпединститута. Вып.3. 1960. С.303-309
- БАНЗАРОВ Д. Собрание сочинений.М. 1955.
- БАРТОЛЬД В. В. Сочинения.В IX томах. .М.-Л. 1968- 1976
- БАСКАКОВ Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М. 1969.
- БАСКАКОВ Н.А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях/Люркская ономастика.Алматы. 1984. С.48-77
- БАСКАКОВ Н.А. Имена собственные гуннов, болгар, хазаров, сабиров и аваров в исторических источниках//СТ, 1985-в, N2
- БАСКАКОВ Н.А. Этнонимы алтайцев,кыргызов, тувинцев и хакасов как источник этногенетических связей этих народов между собой// Ономастика Киргизии. Фрунзе. 1985-а. С. 19-28.
- БАСКАКОВ Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М. 1979
- БАСКАКОВ Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М. 1975.
- БАСКАКОВ Н.А. К вопросу о происхождении этнонима кыргыз// СЭД964, N2.0.24-29.
- БАСКАКОВ Н.А. К этимологии собственных тюркских имен в русских летописях/ЛТеория и практика этимологических исследований.М. 1985.С. 30-34
- БАСКАКОВ Н.А. Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация/Юномастика Востока. М. 1980. С. 199-207
- БАСКАКОВ Н.А. О происхождении этнонима башкир//Этническая ономастика. М. 1984 - а. С. 13-18
- БАСКАКОВ Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М. 1979а
- БАСКАКОВ Н.А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве".М. 1985
- БАТМАНОВ И.А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе. 1971.

- БАТМАНОВ И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя Енисеика. Фрунзе 1962.
- БАШКИРСКАЯ ЭТНОНИМИЯ. Уфа. 1987.
- БЕГМАТОВ Э.А. Антропонимика узбекского языка. Автореф. дисс. 281 к.ф.н.- Ташкент 1965.
- БЕГМАТОВ Э.А. Древнетюркские элементы узбекской антропонимии/ Материалы XV межд. конгресса по ономастике. Лейпциг. 1984
- БЕГМАТОВ Э.А. Номлар ва одамлар.- Тошкент. 1966.
- БЕРЕЗИН И.Н. История монголов. Сочинение Рашид-эддина. Спб, 1861
- БЕРНШТАМ А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941
- БЕРНШТАМ А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских турок У1=У111 вв. М. 1946
- БЕРНШТАМ А.Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии//СЭ, 1947, вып. 6-7.
- БЕРНШТАМ А.Н. Историческая правда в легенде об Огуз-кагане// Советская этнография, 1935, М6, С. 33-43
- БЕРТАГАЕВ Т. О монгольских и бурятских гидронимах// Ономастика Востока . М., 1980. С. 124-129
- БЕРТАГАЕВ ТА. Об этимологии ХАН, ХАГАН, ХАТУН и об их отношении к ХАТ// Тюркологические исследования. М. 1976
- БЕРТЕЛЬС Е.А. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов// Советское востоковедение. 1947, вып. IV
- БЕСТУЖЕВ-ЛАДА И.В. Имя человеческое: прошлое, настоящее и будущее(исторические тенденции развития людских имен собственных и формирование современных антропонимических зон //Советская этнография, 1968, N2. С. 132-143
- БЕСТУЖЕВ-ЛАДА И.В. Исторические тенденции развития антропонимов// Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970. С. 24-33
- БИИШЕВ А.Г. Еще раз об этнониме Башкорт //Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 221-222
- БИИШЕВ Э."Башкорт" Бузе кайзан килэ?//Агизел, 1962.Ш. С.94-95
- БИКБУЛАТОВ Н.В. Этноним башкорт //Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 29-48

БИЧУРИН Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т 1-3. М.1950-1953

БЛАГОВА Г.Ф. Из истории развития тюркских этнонимов в русском языке//ВЯ, 1974, N1. С. 91-107.

БЛАГОВА Г.Ф. Тюркские средневековые женские личные имена(по материалам "Бабаур-наме")//Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М.1970. С. 252-258.

282

БЛАГОВА Г.Ф. Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топонимических проблем/Люркологический сборник. М. 1972:С 102=131

БЛАГОВА Г.Ф.О русском наименовании тюрков и тюркских языков// СТ, 1973, N4.0.11-23.

БОМБАЧИ А. Тюркские литературы. Введение в историю и стиль.// Зарубежная тюркология . М. 1986, С. 191-293

БОРГОЯКОВ М.И. Гуннско-тюркский сюжет о прародителе-олене(быке) // СТ, 1976, N3. С. 56-59.

БОРГОЯКОВ М.И. ЙЫШ в древнетюркских памятниках рунической письменности// Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск. 1975. С.208-211.

БОРГОЯКОВ М.И. Этнические и географические названия в енисейских памятниках древнетюркской письменности//Уч. зап.Хакасского НИИЯЛИИ. Абакан, 1970, вып. 14. С.77-94.

ВОРОНОВ А.А. Антропонимы в киргизском героическом эпосе "Манас".Автореф. дисс. к.ф.н.Алматы, 1988.

БРОМЛЕЙ Ю.В. К типологизации этнических процессов/ЛТроблемы типологии в этнографии. М. 1979. С. 3-11.

БУДАГОВ Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Спб. 1868(1), 1871(2).

БУЛАТОВ А.Б. К этимологии этнонима болгар//Уч. зап. Чувашского НИИЯЛИ. Вып. XXIX. Чебоксары. 1965. С. 260. БУЛАТОВ А.Б. Личные имена у древних болгар (VI- XVI вв.)// Ономастика Поволжья-2. Горький, 1971. С.79-81. ВАЛИТОВА .А. Этнонимы в тюркоязычном памятнике XI в. "Кутадгу билиг"//У11 международный конгресс антропологических и этнографических наук. М. 1964. С. 271-280.

ВАЛИХАНОВ ЧЛ.Собрание сочинений. В V томах. Алматы, 1984-1985.

ВАМБЕРИ А. Очерки Средней Азии. М. 1868. ВАМБЕРИ А. Путешествие по Средней Азии. Спб. 1865 ВАНШТЕЙН С. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ, 1966. С. 60-63

ВАСИЛЕВИЧ Г.М. Антропонимы и этнонимы у народов урало-алтайской семьи (Опыт картографирования)// Проблемы картографии в языкознании и этнографии. Л. 1974

ВАСИЛЬЕВ В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XII вв. с приложениями перевода китайских известий// 283

ТВОРАО, 1У. 1859

ВАСИЛЬЕВ В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне//Сб. трудов Орхонской экспедиции. Вып.3.Спб. 1897.

ВАСИЛЬЕВ Д.Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири.2. Л. 1987

ВАСИЛЬЕВ Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л. 1983.

ВЛАДИМИРЦОВ Б.Я. По поводу древнетюркского Ошкеш ^//Докл.АН СССР, серия В. 1929, N7. С. 133-136.

ВЛАДИМИРЦОВ Б.Я. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском// Доклады АН СССР.Сер.В. 1929.Ш0. С. 171.

ВОЙТОВ В.Е. Онгинский памятник. Проблемы культуроведческой интерпретации//СТ, 1989, N3. С. 43-50.

ВОЛИН С.А. Рец. На статью И. Умнякова " Самая старая турецкая карта мира"// Изв. ВГО. Т.72, вып. 3

ВОРОБЬЕВА-ДЕСЯТОВСКАЯ М.И. Индийцы в Восточном Туркестане (некоторые социологические аспекты)/ЛЗвосточный Туркестан и Средняя Азия. М. 1984. С. 61-96.

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. Очерки истории/ Под ред. акад. С.А. Тихвинского, акад. АН ТаджССР В.А. Литвинского. М. 1988.

ГАБЕН А. фон Древнетюркская литература // Зарубежная тюркология . М. 1986, С. 294-344

ГАБЕН А. фон Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология . М. 1986, С. 159-190

- ГАРИПОВ Т.М. Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии/ Японимика Востока. М.1964. С.1885-189.
- ГАРИПОВ Т.М. Новые версии о происхождении этнонима башкорт// Башкирская этнонимия. Уфа. 1987. С. 4-28.
- ГАРИПОВ Т.М. О древних кыпчакских именах в антропонимии башкир/ /Ономастика Поволжья-3. Уфа, 1973. С.52-58.
- ГАРИПОВА Ф.Г.Отражение древнебулгарских топонимов и этнонимов в топонимии Среднего Поволжья//Исследования языка древнеписьменных памятников. Казань, 1989. С. 111-123.
- ГАСАНОВА., ГЕЙБУЛЛАЕВ Р. О некоторых древнетюркских словах в топонимии Азербайджана// Уч. зап. Аз.университета. Серия языка и литературы. Баку, 1977, N1. С. 6-11.
- ГАФУРОВ А.Г. Имя и история. М., 1987
- ГАФУРОВ А.Г. Лев и Кипарис. О восточных именах. М., 1979
- ГОРДЕЕВ Ф. Из истории тюркской этнонимии // Основные проблемы эволюции языка. Самара 1966. С. 491-495
- ГОРДЛЕВСКИЙ В.А. К личной ономастике у османцев. М., 1913
- ГОРДЛЕВСКИЙ В.А. Что такое " босый волк" ? // Избр. Соч. , Т. 2. С. 482-504
- ГРАЧ А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. К 60- летию А.Н. Кононова . М., 1966. С. 188-193
- ГРАЧ А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980
- ГРИГОРЬЕВ В.Д. Караханиды в Мавераннахре. Спб, 1874
- ГРЯЗНЕВИЧ П.А. Аравия и арабы (к истории термина аль-араб)// Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. М., 1977.
- ГУМБОЛЬДТ А. Центральная Азия. М., 1915
- ГУМИЛЕВ Л.Н. Древние тюрки. Л., 1967
- ГУМИЛЕВ Л.Н. Подвиг Бахрама Чубина Л., 1962
- ГУМИЛЕВ Л.Н. Удельно-лестничная система у тюрков вУ1-У111 вв./ /СЭ, 1959, №3. С. 11-25
- ГУСЕЙН-ЗАДЕ Ч. О двух древнетюркских антропоформантах// СТ, 1987, №5. С. 109-113
- ГУСЕЙН-ЗАДЕ Ч. Тюркская антропонимия в средневековых

арабоязычных письменных памятниках до XI в. АКД, Баку 1988

ДАНИЯРОВ Х. О происхождении этнонима "тюрк" и значении слова "тюрк" // Труды СаГУ Новая серия, 1971. Вып. 183, С. 60-65

ДАНЧИНОВА И.А. Топонимическая классификация и ее общеметодологические основы// УЗ Бурятского ПИ. Улан-Уде 1970, вып. 36

ДЖАНУЗАКОВ Т.Д. Казак есімдерінің тарихи. Алматы, 1971

ДЖАНУЗАКОВ Т.Д. Основные проблемы ономастики казахского языка. АДД, Алматы, 1976

ДЖАНУЗАКОВ Т.Д. Очерк казахской ономастики. Алматы, 1982

ДЖАНУЗАКОВ Т.Д. Социально-бытовые мотивы в казахской антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970. С. 194-200

ДЖАНУЗАКОВ Т.Д. Есімдер сыры. Алматы, 1974
285

ДЖАНУЗАКОВ Т.Д. Из истории развития ономастики казахского языка / Питания ономастики-2. Киев 1965. С. 295-299

ДЖАНУЗАКОВ Т.Д. Основные типы и состав тюркской ономастики У-УП вв. //Изв. АН КазССР. Сер. Общ. Наук. 1971, № 1. С. 61-65

ДЖАНУЗАКОВ Т.Д. Развитие тюркской ономастики в СССР // Тюркская ономастика. Алматы, 1984. С. 13-33

ДЖАНУЗАКОВ Т.Д. Древняя топонимия Казахстана// XV ші ғеңгейдегі Қазақстан тарихы & Қазақ тарихы. 1985. 8. 59-69.

ДЖАНУЗАКОВ Т.Д. Общетюркские основы казахских гидронимов древнего периода // Ономастика Узбекистана. Ташкент 1989. С. 27-29

ДЖАНУЗАКОВ Т.Д. Древние показатели множественности в этнонимах // Изв. АН Каз ССР. Сер. Филолог. 1975. №1. С. 9-19

ДЖУМАГУЛОВ Ч. Язык сирот-тюркских (неисторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971

ДМИТРИЕВА Л.В. Этимологии географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках// Алтайские этимологии. Л., 1984. С. 130-177

ДОБРОДОМОВ И.Г. Не "река" - а "женщина" (о достоверности топонимических этимологий) // Этническая ономастика. М., 1989. С. 138-143

ДОБРОДОМОВ И.Г. Тюркская топонимия в " Повести временных лет"/

- / Тюркская ономастика. Алматы, 1984. С. 131-141
- ДОБРОДОМОВ И.Г. Антропонимы или этнонимы? // Ономастика Востока М., 1980. С. 221-226
- ДОБРОДОМОВ И.Г. Из половецкой ономастики //Изв. АН СССР 1964, т.23. вып. 3. С. 256-258
- ДОНИДЗЕ Г.И. О глагольной топонимии в тюркских языках// Топонимика Востока. М., 1964. С. 39-46
- ДОНИДЗЕ Г.И. Об аффиксальном словообразовании в тюркской топонимии// Ономастика Востока. М., 1980. С. 89-96
- ДЬЯКОНОВ И.М. Введение к книге " Мифология древнего мира". М., 1977.
- ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986
- ЖАПАРОВ Ш. Космонатропонимы// Тюркологические исследования. Фрунзе, 1985. С. 61-65
- ЖИРМУНСКИЙ В.А. Тюркский героический эпос. М., 1974
- ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А. Старейшие арабские хадисы о тюрках (УШ-ХІ вв.)// Тюркологический сборник. М., 1966. С. 195
286
- ЗАЙЦЕВ А КУЗНЕЦОВ В. О названии Тибет// Топонимика Востока. М., 1963. С. 185-196
- ЗУЕВ Ю Древнетюркские генеологические предания как источник по ранней истории тюрков. АКД. Алматы, 1967
- ЗУЕВ Ю Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, гуй, яньмо) // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алматы 1962. С. 102-122
- ЗУЕВ Ю. Киргизы- буруты // СЭ, 1970, №4. С. 81
- ИБН-ХОРДАБЕХ Книга путей и стран. Пер. с арабского. Баку. 1986
- ИБРАГИМОВ С, ХРАКОВСКИЙ В. Махмуд Кашгари о расселении племен на территории Казахстана//Вестник АН КазССР. 1958, № 11. С. 93-98
- ИБРАЙИМ МУТЪИ. Древние города Таклимакана // Шинжан тэзкириси 1996, №1. С.101-112
- ИЛИМБЕТОВ Р. Культ волка у башкир (к этимологизации этнонима башкорт) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. С. 224-228
- ИМИН ТУРСУН . Исследования по топонимии // Шинжан тэзкириси 1996, №2, (на уйгурском языке)

- ИОРДАНСКИЙ В.Б. Хаос и гармония. М., 1982
- ИСАЕВ Д. Жер-су аттарынын сыры. Фрунзе 1977
- ИСТОРИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА М., 1987
- ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ. М. 1961.,
- ИСТОРИЯ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ с древнейших времен до наших дней. М., 1986
- ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА. Эпоха классовообразования. М., 1988
- КАИДАРОВ А.Т Структура односложных корней -основ в казакском языке. Алматы, 1986
- КАИДАРОВ А., ДЖАНУЗАКОВ Т. Состояние и перспективы развития казахской ономастики // Вестник АН КазССР, 1983. № 1. С. 44-49
- КАИДАРОВ А. К историко-лингвистической характеристике этнонима " канглы" (канлы)// Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С.34-37
- КАИДАРОВА.Т. Этнолингвистические объяснения прозвищ у уйгуров/ / Тезисы докладов на XI конгрессе ономастов
- КАМАЛОВ А Уйгурский каганат в Монголии (744-840). АКД, 1990
- КАМАЛОВ А. А. Система обозначения, ареалы и терминология топонимии Башкирии// СТ., 1989, № 3. С. 31-40
- КАРАЕВ О К вопросу о терминах кыргыз и хакас// Народы Азии и Африки. 1970, № 4. С. 255-259
- КАРАЕВ О К географическим названиям Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в У1- XII вв. // Ономастика Киргизии-1. Фрунзе, 1985. С. 66-72
- КАРАЕВ О Историко-географические данные, сообщаемые Махмудом Кашгари (по Тянь-Шаню и Семиречью) // СТ, 1972, № 1
- КАРАЕВ О. Арабские и персидские источники IX-XII вв о киргизах и Киргизии. Фрунзе. 1968
- КАРАЕВ С. Древнетюркские топонимы Средней Азии// СТ. 1985, № 6. С. 23
- КАРАЕВ С. Древние топонимы Средней Азии в согдийских документах с горы Муг// Ономастика Средней Азии-2. Фрунзе, 1980. С. 141-149
- КАРАЕВ С. Опыт изучения топонимии Узбекистана. АКД, Ташкент, 1965
- КЕМАЛЬ ЕРАСЛАН К вопросу о названиях огузских племен Буг^ , Ыз-оч // СТ 1987, № 3. С. 27-30
- КЕНЕСБАЕВ С, Джанузаков Т. О лексических пластах ономастики

казахского языка // СТ, 1976, № 3. С. 78-88

КЛЮКИН И.А. Новые данные о племени тардушей и толисов // Вестник Дальневосточного Отделения АН СССР. 1932, 3№ 1-2. С. 91-98

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г К проблеме ранней истории племени тюрк (Ашина)//Новое в современной археологии. М. 1965. С 278-281

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г Терхинская надпись // СТ, 1980, № 3. С. 92-94

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронные аспекты// СТ, 1987-6, № 3. С. 58-62

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г Кыпчаки в рунических памятниках//Тыгсолоҕа. М. 1976. С. 153-164

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г О генетических корнях древнетюркской культуры/ / Угро-финские народы и Восток. Тарту 1975. С. 36-38

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г Тоньюк - Ашиде Юаньчжань // Тюркологический сборник к 60-летию А. Н. Кононова. М. 1966. С. 202-205

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г Эпоха "Кутадгу билик"//СТ, 1970-а№4. С. 82-86

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г Надпись уйгурского Бегю-кагана в Северозападной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники

288

письменности и искусства. М. 1987. С. 19-37. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. Алматы 1988

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г Стелы Золотого озера(к датировке енисейских рунических памятников) // Тыгсолоҕа. М. 1976 .С. 258-267

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г Эпоха Махмуда Кашгарского // СТ, 1972, № 1. С. 18-23

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г, КОЛЕСНИКОВ А, Басханов М., Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. Алматы 1991

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г, ЛИВШИЦ В.А Сэврэйский камень // СТ, 1971, №3.С. 106-112

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г, ЛИВШИЦ В.А., Согдийская надпись из Бугута/ / Страны и народы Востока. Вып.Х. М. 1971, С. 121-146

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г, ЛИВШИЦ В.А. Открытие и изучение этнографических памятников Центральной Азии// Археология и этнография Монолии. Новосибирск 1978. С. 37-60

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г, САВВИНОВ Д. Т. Древнетюркские этнополитические объединения и их значения в этногенезе

народов Средней Азии и Казахстана// Проблемы этногенеза и этнической истории народов Центральной Азии и Казахстана. М., 1988. С. 66-70

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г. Кангюйская топонимика в орхонских текстах // СЭ, 1951, №3. С 54-63

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г. Новые эпиграфические работы в Монголии (1969-1976)//История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 118-133

КОЙЧУБАЕВ Е Древнетюркские черты в топонимии Казахстана // Вестник Академии наук Каз ССР. 1972, №2. С. 52-56

КОЙЧУБАЕВ Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. А., 1974

КОЙЧУБАЕВ Е . Словарь топонимов Казахстана. Алматы 1985

КОНКАШПАЕВ Г.К. Казахские народные географические термины// Изв. АН КазССР. Сер. Геогр. 1951. Вып.3. С. 38-42

КОНКАШПАЕВ Г.К. Словарь казахских географических названий. Алматы. 1963.

КОНКОБАЕВ К. Древнетюркская топонимия Южной Киргизии // Ономастика Средней Азии, Фрунзе, 1980. СЛ 70-175

КОНКОБАЕВ К. Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе ,1980

КОНОНОВ А.Н. Махмуд Кашгарский и его "Дивану лугат-ит тюрк"// СТ, 1972.№1. С. 3-17

19—1190

289
^^^^^^И^^ИИИ^^И!^^

КОНОНОВ А.Н. Изучение " Дивану лугат-ит тюрк" Махмуда Кашгарского в Советском Союзе// СТ. 1973, №1. С. 3-9

КОНОНОВ А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников УП-ГХвв.Л. 1980

КОНОНОВ А.Н. Семантика цветообозначения в тюркских языках// Тюркологический сборник 1978, М. 1981. С. 37-74

КОНОНОВ А.Н. Опыт анализа термина " тюрк"// СЭ, 1949, №1. С. 40-47

КОНОНОВ А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-гази, хана Хивинского. М.-Л. 1958

КОЧЕРГИНА В.А. Санскритско- русский словарь. М. 1987

КОЧЕТОВА СМ. Божества светил в живописи Хара-Хото. Синкретизм астрологического пантеона в иконографии // Труды Отдела Востока Эрмитажа. Л. 1947. С. 471-502

КРАЧКОВСКИЙ В. Сочинения в 4 томах М 1964-1970

КРИНИЧНАЯ Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция

образа. Л. 1988

КРЮКОВ М.В. Личное имя и термины родства//Ономастика Востока. М. 1980,0 27-31

КУББЕЛЬ Л.Е. Этнические общности и потестарно-политическая структура доклассового и раннеклассового общества// Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе М 1982. С. 124-146

КУДАИБЕРГЕНОВ С. Заметки о древнетюркских Чугай куз и Иарыш // Ономастика Киргизии 1. Фрунзе 1985 С 29-35

КУДАИБЕРГЕНОВ С. К семантике древнетюркского топонимического названия Отукен // Изв. АН Кирг.ССР, 1981, №4. С. 88-91

КУМЕКОВ Б. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков У111-Х1У вв. Научно-аналитический обзор. Алматы ,1987

КУСИМОВА Т.Х. Древнебашкирские антропонимы. АКД,Уфа. 1975.

КУСИМОВА Т.Х. Башкирские имена. Уфа, 1976.

КЫЗЛАСОВ И. Л. Земледельческое жертвоприношение древнехаккасской общины// СТ, 1987. №1. С. 27-32

КЫЧАНОВ Е. И. Из истории тангутско-уйгурской войны в первой половине XI века.// Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962. С. 148-154

ЛИВШИЦ В.А. Согдийские документы с горы Муг. М., 1962

ЛИВШИЦ В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // СТ , 1978, № 4. С. 84-98

290

ЛИТАВРИН ГГ. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза славян. М., 1976. С. 4-28

ЛИТВИНСКИЙ Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия , М., 1984. С. 4-28

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ПРОШЛОМ, НГАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ. М., 1970

ЛЮШКЕВИЧ Ф. К исторической семантике термина " таджик" // Ономастика Средней Азии-2. Фрунзе, 1980, С. 8-16

МАЛОВ СЕ. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.-Л. 1952

МАЛОВ СЕ. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л. 1959

МАЛЯВКИН А. Уйгурское Турфанское княжество вXIII в. МАЛЯВКИН А. Материалы по истории уйгуров в IX- XII вв. Новосибирск, 1974

- МАЛЯВКИН А. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- МАЛЯВКИН А. Уйгурские государства в IX- XII вв. Новосибирск, 1983.
- МАДЯВКИН А. Вожди древних уйгуров // Проблемы реконструкции в этнографии. Новосибирск, 1984. С. 25-33
- МАЛЯВКИН А. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
- МАХПИРОВ В. Тюркские топонимы в "Дивану лугат-ит-тюрк" //СТ 1983. С.34-39
- МАХПИРОВ В. Антропонимы в "Дивану лугат-ит тюрк" и " Кутадгу билик" // СТ, 1979. №4. С. 22-28
- МАХПИРОВ В. Древнетюркская ономастика. Алматы. 1990
- МИТРОШКИНА АЭ Бурятская антропонимия. Новосибирск , 1987. МИФЫ НАРОДОВ МИРА. М.Лом 1(1980), том 2 (1982) МОЛЧАНОВА О. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
- МОЛЧАНОВА О. Структурные типы топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982.
- МОЛЧАНОВА О. Этнография алтайских тюрков и географические имена // 1Мотта ареПапуа е1 попила ргорпа. Стасов 1978. Р. 172 МОЛЧАНОВА О. Лексико-семантическая структура топонимов Горного Алтая//Советская тюркология . Алма-Ата. 1984. С. 141-153
- МОРИ М. Бегю-каган и Поцзуй// Тигсо1о§юа. К 70-летию А.Н. Кононова. М., 1976. С. 284-290
- МУРЗАЕВ Э. Словарь народных географических терминов . М. 1984
- МУРЗАЕВ Э. Апеллятивы в топонимах Средней Азии // Ономастика Средней Азии. Фрунзе 1980. С. 198-211
- МУРЗАЕВ Э. М. Очерки топонимии. М., 1974
- МУРЗАЕВ Э. М. Краткий топонимический словарь Синьцзяна // Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966. С. 336-367
- МУРЗАЕВ Э.М. Топонимика Средней Азии и Казахстана // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 38-47
- МУСАБАЕВ Г. Некоторые сведения о жизни Махмуда Кашгари // Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969. С. 48-62
- МУХАММЕДОВА З. К вопросу о личной ономастике у туркмен// Тр.

Института языка и литературы АН Туркм. ССР. Вып.2. Ашхабад, 1957
МУХАММЕДОВА З. Огузо-туркменские этнонимы // СТ, 1971, №1. С.
27-37

НАСИЛОВ Д. Древнеуйгурский язык. Л., 1963

НАСИЛОВ Д. Памятники древнетюркской письменности (орхоно-
енисейским и древнеуйгурским письмом) в отечественных
тюркологических исследованиях последних лет, //СТ, 1976, №1. С. 83-
101

НЕВЕЛЕВАС. Мифология древнеиндийского эпоса(пантеон). М., 1975

НЕКЛЮДОВ С. Мифология тюркских и монгольских народов (проблемы
взаимосвязей) //Тюркологический сборник- 1977. М. 1981. С. 183-202

НЕМЕТ Ю. К вопросу об аварях // ТшсоЪеюа . Л., 1976. С. 298-304

НИКОНОВ В. А. Личное имя как социальный знак// СЭ, 1967, №5

НИКОНОВ В. А. Размежевание личных имен по полу у тюркоязычных
народов // СТ, 1972, №2

НИКОНОВ В. А. Имя и общество. М. 1974

НОМИНХАНОВ Ц. Монгольские элементы в этнонимике и
топонимике //Записки Калмыцкого ВНИЯЛИ, вып.2 Элиста, 1962. С.
257-275

ОГИБЕНИН Б. Вопросы ведийской ономастики // Структурная
типология языков. М. 1966, С. 216-224

ОЛЬДЕРОГЕ Д.А. Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии // СЭ,
292

1946. №4, С. 171-186

ОНОМАСТИКА. М., 1969

ОНОМАСТИКА КИРГИЗИИ. Фрунзе, 1985

ОНОМАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ-1 . М. 1978

ОНОМАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ -2 . Фрунзе 1980

ОНОМАСТИКА. Типология. Стратиграфия. М., 1988

ПЕТРОВ К.И. К этимологии термина "кыргыз" //СЭ, 1964, №2: С. 1-11

ПОЗДНЕЕВ Д. Исторический очерк уйгуров (по китайским
источникам). Спб. 1899

ПОПОВ А.И. Названия народов СССР . Введение в этнонимiku. Л.,
1973

ПОПОВ А.И. Географические названия. Введение в топонимiku. М.-
Л., 1965

- ПОПОВА В.Н. К этимологии названия Иртыш // Языки и топонимия Сибири. Книга 3., Томск, 1970.
- ОРТАЛЫК КАЗАКСТАННЫН ЖЕР-СУ АТТАРЫ Алматы, 1989
- ПОТАПОВ Л.П. Умай - божество древних тюрков// Тюркологический сборник 1972. М. 1975. С. 215-286
- ПОТАПОВ Л.П. Новые данные о древнетюркском Цгъкеп //Советское востоковедение, 1957, №1. С. 106-117
- ПУЛЛИБЛЭНК Э. Язык сюнну. // Зарубежная тюркология . М. 1986, С.29-ПЮРБЕЕВ ГЦ. Антропонимы и апеллятивы в калмыцком языке/ /Тюркологические исследования. М., 1976. С. 194-201
- РАДЖАБОВ А.А. Об Онгинском памятнике и о слове " капаган" // Уч.зап. Аз.ГУ Серия языка и лит-ры. 1966, №5. С. 79-85
- РАДЖАБОВ А.А. Об Онгинском памятнике// СТ, 1970,№2. С. 33-43
- РАДЛОВ В.В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кутадгу-Билиг. Спб., 1893
- РАДЛОВ В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.1-1У М, 1963-1964
- РАДЛОВ В.В. Титулы и имена уйгурских ханов.// ЗВОРАО, 1891. ТУ
- РАХМАТОВ Т. Этимология топонима Самарканд // СТ, 1973, № 4, С. 43-50
- РОЗОВА Л.И. Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Таджикской ССР. М., 1975
- РОСЛЯКОВ А.А. К вопросу об этнониму туркмен // Изв. Туркм. Филиала АН СССР. 1950, №6
- РУДЕНКО СИ. Башкиры. Историко-географический очерк. М.-Л., 1955
- САВВИНА В.И. Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. М. 1971
- САВИНОВ Д.Т. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркский период // Тюркологический сборник 1972. М. 1973. С. 339-350
- САГАЛАЕВ А.М. Мифология и верования алтайцев. Центральноазиатские влияния. Новосибирск. 1984.
- САМОЙЛОВИЧ А.Н. Богатый и бедный в тюркских языках// Изв. АН СССР. Отд. общ. Наук. 1936, №4
- САМОЙЛОВИЧ А.Н. Иранский героический эпос в литературных тюркских народов Средней Азии//Фердовси. Л., 1934. С. 161-175

- САМОЙЛОВИЧ А.Н. К вопросу о наречении имен у тюркских народов/
// Живая старина. Вып. 2. Спб. 1911
- САПАРОВА Г. Женская антропонимия у туркмен-хасарли // Антропонимика. М., 1970. С. 77-80
- САТТАРОВ Г.Ф. Сословные титулы и древнетатарские личные имена // Ономастика Поволжья-1. Ульяновск, 1969. С. 52-59
- САТТАРОВ Г.Ф. Категория ласкательности в татарских личных именах // Антропонимика. М., 1970. С. 211-217
- САТТАРОВ Г.Ф. Антропотопонимика Татарской АССР. Казань, 1973
- САТТАРОВ Г.Ф. Татарская антропотопонимика и этнолингвистические связи // СТ, 1978, №3. С. 22-33
- САТТАРОВ Г.Ф. Этнолингвистические пласты татарского именника / / СТ. 1982, №3. С. 23-29
- СЕВОРТЯН Э.В. Этимологический словарь тюркских языков Т. 1-1У . М. 1974-1989
- СЕЙИДОВ М.А. Заметки о гуннской мифологии // СТ, 1970, №2 С. 107-116
- СЕЙИДОВ М.А. К вопросу о трактовке понятий 1ег - зиЪ в древнетюркских памятниках // СТ 1973, №3. С. 63-69
- СЕМЕНОВ АА. К вопросу о происхождении слова " сельджук" // Бюллетень АН УзбССР, 1946, №3. С. 17-18
- СЕРТКАЯ О.Ф. Заметки по поводу чтения надписи в честь Тоньюкука // СТ, 1987, №3. С. 16-19
- СКВОРЦОВ М.И. Древние титулы в чувашской ономастике // Дialectы и топонимия Поволжья -1. Чебоксары 1972. С. 30-31
- СЛОНИМ И.Я. О происхождении некоторых географических названий Азии // Страны и народы Востока-1. М., 1959. С. 336-347
- СМИРНОВА О.И. Из согдийской ономастики // Письменные памятники 294 и культура народов Востока. М., 1981. С. 60-64
- СОКОЛОВСКИЙ СВ. Роль данных ономастики в историко-антропологических исследованиях // СЭ, 1985, № 5 . С. 25-35
- СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ т 1-2. Л. 1975, 1977
- СТАРОСТИН Б.А. О структуре и историческом развитии антропонимии арабского языка // Антропонимика. М., 1970 . С. 281-285

СТЕБЛЕВА И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник 1971. М., 1972. С. 213-226

СТЕБЛЕВА И.В. Поэзия тюрков VI-VIII вв. М., 1965. СУПЕРАНСКАЯ А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. СУПЕРАНСКАЯ А.В. Структура имени собственного. М., 1969. СУПЕРАНСКАЯ А.В. Ономастический континиум // Тюркская ономастика. Алматы, 1984. С. 5-12. СУПРУНЕНКО Г.П. Из древнекыргызской ономастики // СТ 1970, №3. С. 79

СЫДЫКОВ С. Собственные имена в орхоно-енисейских памятниках// Тюркологические исследования. Фрунзе, 1985. С. 47-66. ТАСКИН В.С. Китайские источники о древних тюркских и монгольских племенах // В. Катанов и его вклад в отечественное востоковедение. М., 1979. С. 34-49

ТЕНИШЕВ Э.Р. Хозяйственные записи на древнеуйгурском языке // Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент. 1975. ТЕНИШЕВ Э.Р. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // turcologica. Л., 1976. С. 164-172

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. М., 1986

ТИХОНОВ Д. И. О терминах эль и будун в древнеуйгурских документах // Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960. С. 250-255

ТИХОНОВ Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X-XI вв. М., 1966

ТОЛСТОВ СП. К истории древнетюркской социальной терминологии (Оа-уап|| ^озип|| 1агЪап|| 1игк) // Вестник древней истории, 1938, №1. С. 72-81. ТОЛСТОВ СП. Города гузов // СЭ, 1947, №3

295

ТОЛСТОВА Л. С. Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике // Ономастика Средней Азии-1. М., 1978.

ТОЛСТОВА Л. С. Древневосточные антропонимические ассоциации в каракалпакском историческом фольклоре // Ономастика Востока. М., 1980. С. 67-71

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ТЮРКОВ Южной Сибири. Пространство и время. Новосибирск 1988

- ТУГУШЕВА Л.Ю. Ярлыки уйгурских князей из рукописного собрания
ЛО ИВ АН СССР// Тюркологический сборник 1971. М., 1972. С. 244-
260
- ТУГУШЕВА Л.Ю. Поэтические памятники древних уйгуров//
Тюркологический сборник 1972. М., 1973. С. 235-253
- ТУГУШЕВА Л.Ю. Два уйгурских документа из рукописного собрания
ЛО ИВАН СССР// СТ, 1975, №4. С. 91-131
- ТУГУШЕВА Л.Ю. Два коллофона из собрания рукописного собрания
ИВАН СССР // Тюркологический сборник 1975. М., 1978. С. 252-261
- ТУГУШЕВА Л.Ю. Деловые письма уйгуров из коллекции А.
Грюндведела//История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 209-
220
- ТУГУШЕВА Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюаньцзая. М., 1989
- ТУРГУН АЛМАС Уйгурлар. Т. 1-2 Алматы 1992, 1993
- ТЭРНЭР В. Символ и ритуал. М., 1983
- УЙГУР ТАРИХИ Т. 1-2 Урумчи 1982, 1984
- УМНЯКОВ И.И. Самая старая турецкая карта мира // Труды
Самаркандского госпединститута. Вып.1. Самарканд 1940. С. 103-132
- УМНЯКОВ И.И. О термине таджик (гипотезы и выводы) Л Труды
Самаркандского госуниверситета. Новая серия. Вып. 149. Самарканд
1964.
- УМУРЗАКОВ С. этимологические заметки о некоторых топонимах
Киргизии // Ономастика Киргизии 1, Фрунзе, 1985. С.4-19
- УМУРЗАКОВ С. К исторической топонимии Киргизии // Ономастика
Средней Азии-1 . М., 1978. С. 53-57
- УРМАНЧЕЕВ Ф. Имя эпического героя // СТ, 1986, №4. С. 22-33
- ФРАЙ Р. Наследие Ирана. М., 1972.
- ФЭН ЦЗЯ-ШЕН, ТЕНИШЕВ Э.Р. Три новых уйгурских документа из
Турфана//Проблемы востоковедения, 11960, №3. С. 141-143 (
- ХАСАНОВ Х. Ценный источник по топонимике Средней и Центральной
Азии//Топонимика Востока. М., 1962. С. 31-36
- ХАСАНОВ Х. Урта Осиё жой номлари тарихидан. Тошкент, 1965
296
- ХАСАНОВ Х. Махмуд Кошгарий (хаёти ва географик мероси). Т.,
1963

- ХАСАНОВ Х. Кадимги узбек географлари. Т., 1964
- ХАСАНОВ Х. Уртаосиёлик географ ва сайёхлар. Т., 1964
- ХАСАНОВ Х. Среднеазиатский филолог-географ XI века // Изв. Узбекистанского филиала ВГО. ТУ, Ташкент 1960 . С. 91-100
- ХРОМОВ А. Некоторые особенности формирования топонимии Средней Азии в IX - XII вв.// Ономастика Востока . М. 1980. С. 132-139
- ХУДЯКОВ Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986
- ЧЕРНЯХОВСКАЯ Е.М. История разработки топонимических классификаций // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970
- ЧЕШНОВ Я.В. О социальной мотивированности древних этнонимов // Этнонимы. М., 1970. С. 46-50
- ЧЕШНОВ Я.В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание// Этнография имен. М., 1971. С. 6-12
- ШАЙХУЛОВ А. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения. АКД, М., 1976
- ШАЙХУЛОВ А. Лексико-семантическая общность башкирской и казахской антропонимии//Тюркская ономастика. А., 1989. С. 81-89
- ШЕРВАШИДЗЕ И. Еще раз об этимологии имен Азта - АШ1а- Авитохоль //СТ, 1989, №3. С. 79-81
- ШЕРВАШИДЗЕ И. Фрагмент общетюркской лексики: заимствованный фонд // Вопросы языкознания, 1989, №2
- ШИНЖАННИН КИСКИЧЭ ТАРИХИ Урумчи, 1984
- ЩЕРБАКА.Н. Огуз-наме-Мухабат-наме. Памятник древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959
- ЩЕРБАК А.Н. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л., 1961.
- ЩЕРБАК А.Н. Сравнительная фонетика тюркских языков . Л., 1970
- ЩЕРБАКА.Н. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя) Л., 1977
- ЮРКЕНАС Ю. Антропонимы и апеллятивы //Мотша ареПапуа е! потша ргорпа. 1978
- ЮРКЕНАС Ю. Онимизация апеллятивов и развитие индоевропейских антропонимических систем. АДД. М., 1979.

ЯРМУХАМЕД ТАХИР Некоторые географические и этнические
наименования в " Диване" Махмуда Кашгари// Шинжан тэзкириси,
297

1995, №1. С. 48-60(науйг. яз.)

AALTO P. Iranian contacts of the turks in pre-islamic Times/Studia turcica? Budapest.
1971, P. 29-37

ARAT R. Der Herrscher Titel iduq-qut/Ural-Altische Jahrbucher , N 37, 1966

ARAT R. Eski ttirk hukuk vesikalary.. Journal de la secrete
fynno-ougryenne. 65. Helsinki 1964 , P. 12-78

ATALAJ B. Ttirk buyuHen vey a ttirk adlan. Ankara 1935

BANG W. Uber die ttirkischen Namen emiger Grosskatzen/Kelety Szeme.
1917. Bd. XVII. S. 112-146

BANGW. GABAIN A. Tiirkische Turfan-texte /SPAW Helsinki 1929- 1931

BAZIN L. Notes sur les mots oguz et ttirk/Onens. Vol 6. 1953, N2 ,S. 315-322

BAZIN L. Kul tegin ou Kol tegin/Schol Beitrage zur Tiirkologie und
Zentralasienstunde. Wiesbaden 1881. Bd. 14.

BAZIN L. Note de toponymie turque/Acta Onentalia. Budapest ,1982. T. 36.

BOMBACY A. Qutlug bolsun/UAJB. 1965(36). P. 284-291 CAFERODLU A. Eski

Uygur Tiirk<?esi Sozliigii. Ankara ,1968 CLAUSON G. An etymological Dictonary of
Pre- Thirteenth- Centryry Tiirkisch. Oxford, 1972

CZEGLEDY K. Zur Stammesorganization der ttirkischen Volker/AOH, T. XXXVI,
1982. S. 19-93

ECSEDY H. Old Turkic Titels of Chinese Origin / AOH, Bd. 1965, t. XVII, S. 83-92

DOERFER G. Tiirkische und mongolische Elemeente Im Neupersischen.

Bd 1-4. Viesbaden, 1965-1975

GABAIN A. Altturkische Grammatik. Leipzig ,1950

GABAIN A. Vom sinn symbvohscher Forbennezziehnung/AOH , XV.

Budapest 1962. S. 111-117

GABAIN A. Das Lebend un uigunschen Komgreich von Q090. Wiesbaden 1973

GABAIN A. Von Otuken nach Idikut- şahn. Studie zur Akkulturation del* Altturken/
AOH. Bd. 34. 1982. F. 1-3. S. 183-196

GIRAUD R. L'empir des turcks celestes. Pans, 1960 I

HAMILTON J. Les uighours a l'epoque des Cmg Dinastics d'apre3| 1 documents
Chinesise? Pans 1955

MAHMTJT KA\$GARLI. Divanu ltigat-it-Ttirk. Ceviren B. Atalay. Ankara 1939(1),
1940(2), 1941(3), 1943 (Index)

MARQUART J. Uber das Volksstum der komanen

MENGES K. Etymological notes on some pa?anag names /Byzantion.

American senes. 1944-1945. P. 256-280

NEMETH J. Der Volksname Turk/Korosti Csoma Archivium. Vol. II. 1926-1932,
Leiden, 1967. S. 275-289

NEMETH J. Der Volksname quman und qun /Korosti Csoma Archivium. Vol. III,
1941-1943. Leiden, 1967. S. 95-109

MOLNAR A. Qam, yaf91 and btigu. Notes on old turkic shamanism/Be^m^i

milletlerarasi turkoloji kongresi. Istanbul, 1985. Qlt I, P. 187-204 ORKUN H. Eski
 ttirk yazitlari. I-IV. Istanbul, 1936-1941 PRITSAK O. Stammesnamen und Titulaturen
 der altaischen Volker AJral-Altaische Jahrbucher. Bd. XXIV, Leipzig. 1952, N 1-2, S.
 49-104 RADLOFF W. Uigurische Sprachdenkmaller. Matenalen nach Tode des
 Verfassers mit Ergänzungen von S9.Maloffherausgegeben. L.1928 RAMSTEDT G.
 Alte tiirkische und mongolische Titel/Journal de la Societe finno-ougneenne. 55,
 Helsinki, 1951. P. 55-82
 RASONYIL. Turk özel adlarmm kaynaklan/Ttirkoloji Dergisi -I. Ankara 1964.
 RASONYI L. Ttirk özel adlan ve leksikografyasi / Bilimsel Bildmler 1966. Ankara.
 1968, P. 39-48
 ROHRBORN K. Uigurische Vorterbuch. Lief 1-3. Wiesbaden ,1977-1981
 SHOGAITO M. An Uigur avdana to Aralo Kitesvare Sutra/Toyo Lanlo
 1976. vol. 58,N 132. P. 30-42
 SINORD. Qapgan/JRAS, 1954. Bd. 3-4, P. 174-184
 SINOR D. The ongm of turkic Baliq- Town"/CAJ, 1981, vol. 25, N1-2,
 P. 95
 TEKIN T. Orhon Yazitlan. Ankara , 1988.
 TEMIR A. Ttirk?e Kiil-tigm ve mogol?a Ot-^igm adlan tizennde/Scholia? Beitrage
 zur Ttirkologie und Zentralasienkunde. Wiesbaden 1981, Bd. 14. S. 194-200
 YAMADA N. Uigur Dokuments of Sale auel Lan Contraels Brought by Otaui
 Expoditions/MTB. N23. 1964. Tokyo. P. 71-118 YUSUF HAS HACIB. Kutadgu
 Bilig. Terciime. feviren R.R. Arat. Ankara 1959
 ZAJANCKOWSKY Acp.Zwiazki jezykowe Polowiecko-Slowianskie? Wroclaw
 1949
 ZIEME P. Materialien zum Uyguirishen onomasticon. 1-4. Türk dili arařtırmaları
 yılığı.Ankara. 1977, 1978, 1980, 1982

Содержание

Общая характеристика работы.....	3
Введение.....	6
Глава 1. Основные этапы этнокультурной истории тюрков древности и средневековья и вопросы формирования древнетюркской ономастики.....	24
Некоторые вопросы этнической истории тюркских племен.....	25
Тюрки-тюцзе.....	29
Теле (токуз-огузы)..... "	34
Огузская конфедерация.....	39
Кыпчакский союз.....	42
Кыргызы..... "	48
Основные этапы политической истории.....	52
Тюркский каганат	54
Уйгурский каганат.....	57
Турфанское княжество.....	61
Караханидское государство.....	63
Некоторые аспекты аккультурации древних тюрков.....	65
Глава 2. Древнетюркская этнонимия	71
Особенности функционирования древнетюркских этнонимов и этнотерминов.....	73
Структурные типы и смысловые модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация.....	87
Историко-этимологическое описание этнонимов.....	93
TÜRK.....	93
.Oğuz.....	97
Tele.....	99
Uyğur.....	100
Qyrğyz.....	102
Qypçaq.....	103
Qarluk.....	104
Başğirt.....	105
Tat.....	106
Arğu.....	106

Suwar.....	107
Bulğar.....	108
Kencek.....	109
Çigil.....	109
Tatar.....	110
Tagma.....	110
Названия огузских родов.....	111
Глава 3. Древнетюркская антропонимия	116
Особенности функционирования антропонимов	
в древности и средневековье.....	116
Социальные детерминативы (титулы, ранги, должности)	
как компоненты антропонимов.....	125
Древнетюркские антропонимические системы.....	133
Антропонимы тюрков -тюцзе.....	135
Антропонимы уйгуров Уйгурского каганата.....	145
Антропонимы уйгуров Турфанского княжества.....	150
Антропонимы в Караханидском государстве.....	159
Структурные типы и смысловые модели	
древнетюркских антропонимов.....	172
А.Имена — посвящения (меморативы).....	176
Б. Имена - описания (дескриптивы).....	179
В. Имена- пожелания (дезидеративы).....	181
Историко-этимологическое описание антропонимов.....	183
Глава 4. Древнетюркская топонимия.....	212
Географические представления древних тюрков.....	212
Основные пласты древнетюркской топонимии.....	217
Древнетюркская географическая номенклатура.....	221
Структурные типы и смысловые модели	
древнетюркских топонимов.....	229
А. Оказиональные топонимы.....	232
Б. Топонимы - посвящения (меморативы).....	235
В. Топонимы - описания (дескриптивы).....	239
Историко-этимологическое описание топонимов.....	243
Заключение.....	267
Index.....	270
Список сокращений.....	278

ДЛЯ ЗАМЕТОК И ОТЗЫВОВ: **velinur @ mail.ru**

•

В.У. Махпиров

Имена далеких предков(источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики)"

Ответственный редактор: академик Абдуали Кайдар
Рецензенты:
кандидат филологических наук Ш. Баратов, кандидат исторических наук
А. Анваров